

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2016

Том 8

№ 2

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2016

**БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2016
Том 8
№ 2**

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2016.
160 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2016

Редакционный совет

А.П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К.К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В.Г. Барановский*, д-р ист. наук, акад. РАН, проф., член дирекции ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Лохто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В.А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А.Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук НИУ — ВШЭ (Россия); *Р.М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., проф. департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А.О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г.М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н.В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *И.М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В.В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т.Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и стратегическому планированию БФУ им. И. Канта (Россия); *А.Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем ЮФУ (Россия); *Ю.М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М.В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В.А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю.В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зам. директора, зав. кафедрой международных отношений Северо-западного института управления РАНХиГС (Россия); *Г.В. Кретьинин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н.М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А.Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIJSKIJ REGION

2016

Volume 8

№ 2

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2016

BALTIJSKIJ
REGION
2016
Volume 8
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2016.
160 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2016

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Vladimir Baranovsky*, member of the Directorate of the Institute of World Economy and International Relations (MEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, prof. of the Department of Applied Economics, National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Irina Busygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Dr *Timur Gareev*, vice-rector for Development and Strategic Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, head of the Department of International Relations, North-West Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

Шаститко А. Е., Фатихова А. Ф. Моногорода: опыт количественного анализа 7

Колесников Н. Г., Толстогузов О. В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект 30

Международное сотрудничество

Косов Ю. В., Грибанова Г. И. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: проблемы и перспективы международного сотрудничества 48

Буланакова М. А. Механизмы обоснования норвежской политики СМР в контексте современных международных процессов 67

Социально-экономическая география

Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации 85

Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В. Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации 101

Дмитриев В. В., Каледин Н. В. Интегральная оценка состояния региональных социо-эколого-экономических систем и качества жизни населения (на примере субъектов Северо-Западного федерального округа России) 125

Партийные системы

Пешеньков А. С., Жуковский И. И. О некоторых особенностях наднациональной партийной системы Европейского союза 141

CONTENTS

Economics

- Shastitko A., Fatikhova A.* Monotowns: A Quantitative Analysis 7
- Kolesnikov N., Tolstoguzov O.* Structural Changes in the Economy of the Russian Northwest: Spatial Dimension..... 30

International cooperation

- Kosov Yu., Gribanova G.* EU Strategy for the Baltic Sea Region: Challenges and Perspectives of International Cooperation..... 48
- Bulankova M.* Norway's International Development Assistance Policy in the Current International Environment: Mechanisms of Justification 67

Human geography

- Druzhinin A.* Russia's Coastal Zone as a Social and Geographic Phenomenon: Conceptualisation and Delimitation..... 85
- Zhitin D., Krasnov A., Shendrik A.* Migration Flows in Europe: Space and Time Transformation..... 101
- Dmitriev V., Kaledin N.* Russian Northwest: An integral Assessment of the Conditions of Regional Social, Environmental and Economic Systems and Quality of Life..... 125

Party systems

- Peshenkov A., Zhukovskiy I.* Supranational party system of the EU 141

УДК 338.2

МОНОГОРОДА: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

А. Е. Шаститко^{*}
А. Ф. Фатихова^{**}

Представлен подход к количественному анализу ситуации, сложившейся в моногородах в современных условиях, в том числе с применением инструментов эмпирического анализа. Цель исследования — определить, настолько ли «проблема моногородов» соответствует действительности в контексте масштабов, в которых она преподносится общественности и какие трудности существуют на пути к ее разрешению. На основе кластерного анализа сформированы группы моногородов с последующим сопоставлением их структурных компонент. Исследование показало, что проведение эмпирического анализа не всегда возможно ввиду структурных различий в имеющихся базах данных и требует альтернативных подходов для его реализации. Рассмотрены возможные причины, объясняющие проблемы применения кластерного анализа. Отдельно отмечены моногорода, получившие статус «территорий опережающего развития». Посредством сравнительного анализа изучены их общие характеристики и социально-экономические показатели. Рассмотрены вопросы, которые могут возникнуть ввиду отсутствия единых критериев определения целесообразности присвоения моногородам статуса территорий опережающего развития с учетом возможности оппортунистического поведения. Выдвинуто предположение о возможных характеристиках групп специальных интересов и особенностях их взаимоотношений. Предложен вариант базовой модели, акцентирующий внимание на схемах взаимодействия структуры «принципал-агент», и выявлено параметрическое пространство взаимовыгодного сотрудничества. Решение проблемы «принципал-агент», представленной в дан-

^{*} Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

^{**} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ 119571, Россия, Москва, Проспект Вернадского, 84.

Поступила в редакцию 18.03.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-1

© Шаститко А. Е., Фатихова А. Ф., 2016

ной статье, способствует формированию альтернативного взгляда на сложившуюся ситуацию и дает основание для разработки рационального подхода по преодолению «проблемы моногородов».

Ключевые слова: моногород, институциональное соглашение, кластерный анализ, асимметрия информации

Введение

В современных условиях все более актуальными становятся вопросы, связанные с управлением моногородами, а также обеспечением их жизнеспособности или выбора иной траектории их развития. Восприятие этого феномена зачастую является синонимом исключительно российской проблемы. В действительности же в других странах данная проблема приковала к себе внимание гораздо раньше: так, еще в 60-е гг. XX в. в США, а также в ряде стран Европы, по-разному решались социально-экономические проблемы, связанные с моногородами [21].

Примечательно, что в России повышенный интерес к ситуации в моногородах тесно связан с общими условиями социально-экономического развития. Примером тому является кризис 2008—2009 гг. Тогда можно было наблюдать и рост протестных настроений, и повышение внимания к моногородам со стороны политиков и СМИ, и возобновление строительства в них новых предприятий [4]. При этом стоит отметить, что оценить ситуацию в моногородах крайне тяжело из-за острого дефицита информации о них. Несмотря на существование регулярно обновляемого Правительством РФ списка моногородов, значительная часть информации, необходимой для количественного анализа, не доступна. Размещаемые на официальном сайте Росстата данные, которые могут быть использованы для оценки состояния и перспектив социально-экономического развития моногородов, недостаточны. Однако из этого не следует, что в настоящее время нет возможностей продвижения в области проведения эмпирического анализа.

Цель данной статьи — предложить подходы количественного анализа социально-экономической ситуации в моногородах на основе доступной информации с учетом стимулов к рентоориентированному поведению.

С этой целью в первом разделе данной работы представлено описание элементов кластерного анализа применительно к выборке моногородов с учетом имеющихся информационных ограничений. Во втором — описание переменных и полученные результаты кластеризации. В третьем — рассмотрены вопросы развития моногородов как территорий опережающего развития в свете проблемы рентоориентированного поведения. В заключение сформулированы основные выводы.

1. Кластерный анализ моногородов: объяснение подхода

Изначально в исследовании, результаты которого представлены в данной статье, была предпринята попытка анализа социально-экономической ситуации, сложившейся в моногородах, посредством кластерно-

го анализа. Предполагалось, что, используя анализ статистических данных, можно будет сформировать кластеры моногородов, сходных по структуре, и в дальнейшем разработать подход к анализу ситуации в каждом из сложившихся кластеров. Однако на практике анализ статистических данных оказался весьма затруднен. Напомним, что в апреле 2015 г. список моногородов [13] в очередной раз расширился. Изменилась также и его структура. Все моногорода были распределены по трем категориям. При этом в каждой из них представлены как крупные города с населением более 500 тыс. человек, так и маленькие села (поселки), население в которых едва ли достигает нескольких тысяч. Но справедлива ли подобная классификация? Будут ли в таком случае учтены все структурно значимые факторы?

Для того чтобы сохранить первичный критерий однородности¹ данных, было решено анализировать качественные характеристики в рамках моногородов одной категории — первой — с наиболее уязвимой сложившейся социально-экономической обстановкой. В качестве исходных были выбраны следующие показатели:

1. *Инвестиции в основные фонды* — затраты на недвижимое имущество и иные средства производства. Данный показатель следует принять во внимание, поскольку в литературе неоднократно упоминается такой риск, как износ объектов градообразующего предприятия, а для нас было бы интересно понять, отражаются ли инвестиции в основные фонды (в контексте недвижимого имущества) на балансе муниципального образования².

2. *Доходы местных бюджетов, включая безвозмездные поступления* — показатель, отражающий потенциальный размер денежных средств, переданных муниципалитету в отношении реализации задач и функций, соответствующих предметам ведения субъекта. Использование данного показателя обусловлено тем, что при оценке социально-экономической обстановки моногорода следует четко представлять с каким размером денежных средств обеспечивается местное самоуправление.

3. *Налог на доходы физических лиц* — прямой налог в виде процента от совокупного дохода физических лиц за вычетом расходов согласно законодательству. Данный показатель следует использовать с целью сопоставления моногородов по предполагаемым размерам доходов граждан.

¹ Здесь под критерием однородности подразумевается сохранение принадлежности моногородов изначально имеющимся категориям. Однако, даже отталкиваясь от такой предпосылки, существует вероятность того, что моногорода внутри каждой из трех категорий также подлежат классификации на основе выявления у них сходных признаков. В случае если классификация внутри категории возможна, дальнейший анализ будет существенно упрощен ввиду возможности подбора методик по управлению рисками моногородов.

² Авторы отдают себе отчет в том, что использование данного показателя не может полностью достоверно отобразить затраты муниципалитетов на поддержку основных фондов. Однако из-за отсутствия более подходящих данных на сайте Росстата было решено использовать имеющиеся с добавлением функции погрешности при проведении кластерного анализа.

4. *Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности* — показатель, отражающий прибыль, получаемую от использования имущества государственной собственности по своему назначению. Его включение обусловлено необходимостью оценки целесообразности затрат на введение имущества в использование.

5. *Плата за негативное воздействие на окружающую среду* — оценка размера компенсации за загрязнение окружающей среды. Среди перечня рисков, присущих моногородам, неоднократно упоминается экологический риск. При этом очевидно, что в моногородах, жизнеспособность которых зависит от предприятий добывающей промышленности, уровень данного риска будет значительно выше, чем в моногородах, зависящих от предприятий обрабатывающей промышленности³.

6. *Расходы муниципального бюджета на социальную политику* — та часть муниципального бюджета, которая направлена на обеспечение жизнедеятельности граждан (на социальные нужды). Включение данного показателя в анализ обусловлено необходимостью оценки затрат для поддержки необходимого уровня социально-экономической обстановки.

7. *Население города* — численность граждан, проживающих в том или ином моногороде. Использование этого показателя требуется для сопоставления удельного размера финансовых затрат с учетом численности населения.

Далее с помощью пакета для анализа данных SPSS были проанализированы 93 моногорода — города первой категории. Следует сделать оговорку, что соотнести все 319 моногородов по соответствующим кластерам не представилось возможным по двум причинам. Во-первых, как было отмечено ранее, некорректно было бы сопоставлять города с большим населением и села, население которых измеряется в единицах тысяч. Во-вторых, имеющиеся на официальном сайте государственной статистики данные не позволяют сформировать кластеры, поскольку эти данные обладают однородной характеристикой: так, к примеру, в ряде городов Поволжья статистическая база данных отличается регулярным систематическим пополнением, а в ряде городов Сибири данные отсутствуют. Кроме всего прочего, неполнота представленных сведений затрудняет проведение панельного анализа в выбранном периоде (с 2007 по 2014 г.), при том что именно панельный анализ представляет собой наибольший интерес, поскольку ввиду повышения интереса к «проблеме моногородов» исключительно в кризисные периоды куда более важным было бы оценить степень идентичности реакции моногородов на внешние шоки.

В таком случае логично было бы максимально сузить выборку до однородного состояния, чтобы повысить ее репрезентативность на качественном уровне, при этом сохраняя возможность проверки структурных составляющих по итогам кластеризации. Вот почему было решено рассмотреть крупные города, население которых превышает

³ Хотя в моногородах обоих типов экологический риск представляет собой серьезную опасность.

100 тысяч человек. Следует отметить, что градообразующие предприятия таких городов с высокой вероятностью не являются единственными организациями, обеспечивающими население занятостью. Тем не менее согласно перечню моногородов от Правительства РФ эти города также распределены по категориям в зависимости от их социально-экономического положения. В этой связи предлагается посредством кластерного анализа составить группы городов и оценить однородность формирующих данные группы признаков. В случае если города, объединенные в кластер, действительно обладают сходными характеристиками, логично предположить, что их мониторинг может быть составлен по определенной схеме. Если же это не так, то целесообразно оценить причинно-следственные связи расхождения однородности объединенных в кластер городов в модели и в действительности.

2. Описание переменных и анализ

Среди 319 моногородов списка Правительства РФ были отобраны 23 города по следующим критериям:

- 1) население должно превышать 100 тысяч человек;
- 2) наличие статистики на сайте www.gks.ru в сборнике «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов — 2014».

На основе обозначенных выше критериев было выбрано 23 города с численностью населения более 100 тысяч человек. В качестве объясняющих переменных были взяты следующие (при анализе все переменные были нормированы):

I — инвестиции в основной капитал. Целесообразно рассматривать данную переменную в качестве объясняющей, поскольку она отражает объем затрат на воспроизводство основных средств, что крайне актуально для моногородов, где износ основных средств и отсутствие их воспроизводства являются одной из причин затруднения деятельности градообразующего предприятия.

F — число действующих организаций в обрабатывающей отрасли. Необходимость данной переменной обусловлена принадлежностью большей части моногородов добывающей или/и обрабатывающей отраслям промышленности.

P — население города. Данная переменная необходима для оценки масштаба проблем в моногороде, а также является критерием отбора моногородов для анализа (с населением 100 тысяч человек и больше). Очевидно, что если речь идет о моногороде с населением в 100 тысяч человек, то, к примеру, в случае частичного расселения с последующей диверсификацией экономики города сопутствующие мероприятия будут реализованы с большей вероятностью и меньшим аффектом на население, нежели в городе, чье население составляет порядка 200 тысяч человек и больше.

L — население трудоспособного возраста. Переменная необходима для оценки трудового потенциала в пределах моногорода.

U — численность не занятых трудовой деятельностью граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, официально признанных безработными. Данная переменная необходима с точки зрения оценки нагрузки на систему социального обеспечения и поддержки.

AS — среднемесячная номинальная начисленная заработанная плата, руб. Необходима для оценки среднего ежемесячного дохода населения в пределах моногорода, а также для определения взаимосвязей от принадлежности градообразующего предприятия той или иной отрасли.

Cr — число зарегистрированных *преступлений*. Переменная позволит оценить степень потенциальной социально-экономической напряженности в городе.

Cat — принадлежность категории согласно списку Правительства РФ (1, 2 или 3).

Мы понимаем, что используемые нами переменные не вполне адекватно отражают те аспекты социально-экономического положения моногорода, ради количественной оценки которых они применяются. Например, более корректно было бы использовать показатель общего числа преступлений, так как показатель зарегистрированных преступлений может искажать реальную картину, особенно если соотношение между двумя видами меняется в пользу незарегистрированных. Другой пример — среднемесячная номинальная начисленная заработанная плата. Данный показатель — в числе наиболее доступных для количественной оценки. Однако вряд ли его можно было бы использовать, если делать акцент на изменениях во времени, а не в рамках определенного временного среза. Кроме того, для более четкой оценки значения данного показателя необходимо понимание, в какой мере действуют такие искажающие факторы, как, например, дополнительные заработки и временная структура потребления (и соответственно, изменение уровня задолженности по потребительским кредитам).

После отбора переменных с помощью пакета для анализа данных SPSS был проведен кластерный анализ, сформировавший города следующим образом:

Кластер	Город
Первый	Нефтекамск
	Димитровград
	Новочебоксарск
	Северодвинск
	Каспийск
	Невинномысск
	Белово
	Ленинск-Кузнецкий
	Междуреченск
	Прокопьевск
	Каменск-Уральский
	Первоуральск
	Серов
	Златоуст
Миасс	

Окончание табл.

Кластер	Город
Второй	Тольятти Новокузнецк
Третий	Набережные Челны Череповец
Четвертый	Нижнекамск
Пятый	Норильск
Шестой	Нижний Тагил Магнитогорск

Рассмотрим подробнее каждый из сформировавшихся кластеров и попытаемся сопоставить классификационные признаки на предмет соответствия действительности.

Первый кластер

Города первого кластера по категориям⁴:

Первая	Вторая	Третья
Каспийск Прокопьевск Первоуральск	Нефтекамск Невинномыск Белово Ленинск-Кузнецкий Междуреченск Каменск-Уральский Златоуст Миасс	Димитровград Новочебоксарск Северодвинск Серов

Согласно составленной базе данных города первой категории первого кластера удовлетворяют следующим характеристикам:

- 1) Население — от 105 до 202 тысяч человек.
- 2) Численность занятых — от 68 до 113 тысяч человек.
- 3) Инвестиции в основной капитал — от 1 442 до 2 996 тысяч рублей.
- 4) Среднемесячная номинальная начисленная заработанная плата — варьируется от 17 283 до 26 357 рублей.

Города второй категории:

- 1) Население — от 101 до 173,3 тысяч человек.
- 2) Численность занятых — от 57,4 до 97,9 тысяч человек.
- 3) Инвестиции в основной капитал — от 842,5 до 11 629 тысяч рублей.
- 4) Среднемесячная номинальная начисленная заработанная плата — варьируется от 21 693 до 33 416 рублей.

⁴ Согласно Распоряжению № 668-р Правительства РФ от 16 апреля 2015 г. моногорода первой категории отражают наиболее сложное социально-экономическое положение, второй — обладают рисками ухудшения обстановки, в то время как города третьей — имеют стабильную социально-экономическую ситуацию.

Города третьей категории:

- 1) Население — от 107,2 до 188,4 тысяч человек.
- 2) Численность занятых — от 61,3 до 112,3 тысяч человек.
- 3) Инвестиции в основной капитал — от 4 124,6 до 7 328,1 тысяч рублей.
- 4) Среднемесячная номинальная начисленная заработанная плата — варьируется от 20 711,8 до 36 983,4 рублей.

Заметим, что в целом показатели моногородов, сформированных в данном кластере, действительно обладают сходными чертами. Анализируя города-компоненты в соответствии с категориями, к которым они принадлежат, можно убедиться в отсутствии больших интервалов среди показателей. Следовательно, подобная классификация имеет основания для построения и применения⁵. Соответственно, решение «проблемы моногородов» может быть составлено в более общем виде как минимум для рассматриваемого кластера. Однако в данном случае целесообразно задаться вопросом, а какой интервал можно считать значительным, на основе чего должны быть выстроены критерии признания интервала таковым? Также стоит отметить, что если численность населения моногородов, сформировавших данный кластер, число занятых и средняя месячная заработная плата в целом сопоставимы по категориям, то в отношении инвестиций в основной капитал возникает ряд вопросов: так, к примеру, в моногородах второй категории их размер еще меньше, чем в моногородах первой категории, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. В таком случае справедливо ли полагать, что подобная ситуация сложилась ввиду диверсификации производства в моногородах второй категории, что и подтверждает значительно меньшие затраты муниципалитетов на воспроизводство основных средств? Или же мы столкнулись с ситуацией неточного отражения статистических данных? Также возможна ситуация, что по ряду характеристик данные моногорода могут быть во второй категории, однако при альтернативной комбинации социально-экономических факторов эти моногорода вполне могли бы оказаться и в первой?

Второй кластер

Во второй кластер вошли два города: Тольятти, принадлежащий второй категории, и Новокузнецк, относящийся к первой категории моногородов. Население Тольятти составляет 718 тысяч человек, тогда как Новокузнецка — 550 тысяч человек. Получается, что как минимум по признаку численности населения эти города следует выделить в од-

⁵ Нельзя гарантировать абсолютно верную классификацию ввиду структурных недочетов в самих объясняющих переменных: как минимум, поскольку при составлении модели, некоторые переменные учитываются дважды, например, если мы говорим о численности населения и количестве занятых в городе.

ну категорию. При этом, если в Тольятти численность занятых составляет 435 тысяч человек, то в Новокузнецке — 328. То есть в обоих городах примерно равная доля населения может быть названа трудоустроенной. В то же время в Тольятти при уровне инвестиций в основной капитал в размере 35 098,4 тысяч рублей средний уровень зарплаты составляет 26 006,6 рублей, тогда как в Новокузнецке эти показатели равны 17 719,1 тыс. рублей и 28 980,2 рублей соответственно.

Градообразующим предприятием Тольятти является ОАО «АвтоВАЗ», Новокузнецка [6] — ОАО ЕВРАЗ НТМК. Стоит отметить, что если автомобильный рынок РФ на сегодня находится все еще в состоянии стагнации (табл. 1), то рынок металлургии можно назвать развивающимся [5; 8].

Таблица 1

Обзор автомобильного рынка РФ

Категория легковых автомобилей	Продажи, тыс. шт.			Продажи, млрд руб.		
	Январь-сентябрь		Изменение	Январь-сентябрь		Изменение
	2015	2014		2015	2014	
Отечественные бренды	193	295	-34%	96	121	-21%
Иномарки производства РФ	519	846	-39%	600	822	-27%
Импортные новые автомобили	238	527	-55%	349	632	-45%
<i>Всего</i>	950	1667	-43%	1045	1574	-34%

Источник: [1].

Третий кластер

В третий кластер попали такие города, как Набережные Челны и Череповец. Оба принадлежат первой категории моногородов согласно перечню Правительства РФ. Численность населения в них различается незначительно. Если в Набережных Челнах она составляет 522 тысячи человек, то в Череповце — 316,8. Что касается занятого населения, то из 522 тысяч человек в Набережных Челнах 61,3% (320 тысяч человек) являются трудоустроенными, а из 316 тысяч человек в Череповце — 60,4% (191,1 тысяч человек) признаны трудоустроенными. При этом если говорить об инвестициях в основной капитал, то в данных моногородах он примерно идентичен — на 20 679 тысяч рублей в Набережных Челнах приходятся 22 098 тысяч рублей в Череповце. Если же рассматривать среднюю заработную плату, то, как и в других кластерах, показатели значительно отличаются — на 25 949 рублей в Набережных Челнах приходятся 36 436 рублей в Череповце.

Примечательно, что оба города принадлежат моногородам первой категории. При этом для г. Череповец выделены средства в размере 880 млн рублей на реализацию проекта «Индустриальный парк "Череповец"» [10]. На данный момент направления проекта состоят из строительства завода по производству фибролитовых стеновых панелей и плит, строительства гипсового комбината и трубопрофильного завода.

В свою очередь, решением Правительства РФ от 2015 г. Набережные Челны включен в перечень моногородов, получивших статус ТОР — территории опережающего развития [18]. На данный момент нельзя однозначно заявить о перспективах получения городом статуса ТОР, несмотря на привилегии по части налоговых льгот для бизнеса, поскольку рынок грузовых автомобилей (градообразующее предприятие г. Набережные Челны — ПАО «КамАЗ» — один из крупнейших в России производителей грузовых автомобилей) крайне чувствителен к конъюнктуре экономики. Тем не менее, апеллируя к зарубежным практикам по преодолению «кризиса моногородов», в случае если применяемые к компаниям, работающим в ТОР, налоговые льготы поспособствуют развитию малого и среднего бизнеса в городе, то вероятность выхода г. Набережные Челны из категории наиболее депрессивных моногородов повысится.

Четвертый кластер

Весьма необычно сформировался четвертый кластер, куда попал единственный город — Нижнекамск [10], принадлежащий третьей категории. Основные показатели, анализируемые нами в этом кластере, соответствуют следующим:

- 1) Население — 235,6 тысяч человек.
- 2) Численность занятых — 146,6 тысяч человек.
- 3) Инвестиции в основной капитал — 41 113,2 тысяч рублей.
- 4) Среднемесячная номинальная начисленная заработанная плата — 28 892 рублей.

В данном случае имеются несколько противоречивые результаты: на основе численности населения, а также среднемесячной заработной платы, Нижнекамск вполне мог бы оказаться в первом кластере, в городах третьей категории. Однако этому препятствует уровень инвестиций в основной капитал, являющийся максимальным среди всей рассматриваемой нами выборки городов.

Пятый кластер

Еще один кластер, состоящий только из одного города — Норильска, — также принадлежащего третьей категории.

- 1) Население — 177,3 тысяч человек.
- 2) Численность занятых — 126,1 тысяч человек.
- 3) Инвестиции в основной капитал — 42 881,9 тысяч рублей.
- 4) Среднемесячная номинальная начисленная заработанная плата — 66 584 рублей.

Как мы видим, формирование данного кластера в составе единственного моногорода вовсе не случайно. Анализируя используемые нами показатели, социально-экономическое состояние данного моногорода явно отличается от всех остальных. Во-первых, доля занятых в Норильске существенно превышает долю занятых во всех других рассматриваемых нами моногородах (свыше 70%). Это объясняется как масштабами градообразующего предприятия (ОАО «Норильский Никель»), так и спецификой положения города, который является вторым по величине после Красноярска. Во-вторых, такие показатели, как инвестиции в основной капитал и среднемесячная зарплата, также значительно выше, чем в других городах, причем разница достигает 1,5—2,5 раза по сравнению со средними значениями в других моногородах.

Иными словами, ситуация в Норильске может считаться весьма стабильной, относительно благополучной. Безусловно, причина этого во многом кроется в успешности градообразующего предприятия — ОАО «Горно-металлургическая компания "Норильский никель"». Примечательно, что в условиях кризиса 2008—2009 гг. политика компании была разработана на основе приоритетов «недопущения сокращения производственного персонала» и «сохранения социальной стабильности в регионе присутствия» [8; 26]. Возможно, что именно благодаря такой расстановке приоритетов Норильску удалось сравнительно быстро реабилитироваться после кризиса. Тем не менее стоит отметить и причастность местных властей в преодолении последствий кризиса 2008—2009 гг.

Так, в 2010 г. на сайте Красноярского края был опубликован План модернизации моногорода Норильска [6], в основе которого было обеспечение устойчивого экономического развития города. Местными властями было определено, что обеспечение стабильной жизнедеятельности градообразующего предприятия, проводимых на нем работ, наравне с созданием условий для благоприятной жизнедеятельности граждан зависят от решения ряда жилищно-коммунальных вопросов, а также перспективах отселения нетрудоспособной части населения Норильска. На основе заданного базиса были предложены проекты, способные обеспечить как модернизацию промышленности с ориентиром на диверсификацию, так и решить ряд проблем в контексте социальной защиты населения города.

Комплекс мер подразумевал создание инвестиционного проекта развития рудника, модернизацию жилищного фонда, очистных сооружений и объектов инфраструктуры города, переселение граждан в рамках соответствующей целевой программы переселения, строительство объектов социальной инфраструктуры, а также создание полигона твердых бытовых отходов. Согласно Плану реализация проектов должна завершиться к 2025 г., соответственно, результатов промежуточного состояния проектов пока нет.

Шестой кластер

В шестом кластере объединены такие города, как Нижний Тагил и Магнитогорск, оба принадлежащие третьей категории. Численность населения первого города составляет 360,7 тысяч человек, а второго —

414,9 тысяч. При этом число трудоустроенных в Нижнем Тагиле равно 209,9 тысяч, а в Магнитогорске — 246,8 тысяч человек, то есть в Нижнем Тагиле их доля несколько выше. Тем не менее с точки зрения инвестиций в основные фонды Нижний Тагил несколько уступает Магнитогорску — 12 838 тысяч рублей против 17 314 тысяч. Что касается среднемесячной зарплаты по городу, то здесь различия не так существенны — 28 643 рублей в Нижнем Тагиле и 31 429 рублей в Магнитогорске. Оба города также могут быть причислены к одной отрасли — градообразующим предприятием Магнитогорска является ОАО ММК, специализирующийся на продукции черной металлургии, а что касается Нижнего Тагила, то его мощности сосредоточены на трех крупнейших предприятиях — ОАО ЕВРАЗ НТМК (металлургия), ОАО ВГОК (железная руда) и АО НПК Уралвагонзавод (оборонная промышленность).

3. Территории опережающего развития в моногородах — инициативы к развитию или стимулы к рентоориентированному поведению?

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что среди рассмотренной нами выборки, присутствуют и города, получившие статус *территорий опережающего развития* [2] (далее — ТОР). По состоянию на сентябрь 2015 г. моногорода, получившие статус ТОР [17], это — Усолье-Сибирское (Иркутская область), Гуково (Ростовская область), Юрга (Кемеровская область) и Набережные Челны (Республика Татарстан). Согласно закону если город признан территорией опережающего развития, то ему положен ряд привилегий — специальные правовые режимы для предпринимательской и иной деятельности (льготные ставки арендной платы, различные налоговые льготы, специальный режим государственного и муниципального контроля), а также право на изъятие земель с целью расположения на них объекта недвижимости и объектов инфраструктуры ТОР [2].

Рассмотрим упомянутые ранее четыре «новичка» списка моногородов и проанализируем их с позиций однородности социально-экономической обстановки внутри города (табл. 2).

Нельзя не отметить очевидные различия. Во-первых, из четырех моногородов только один является крупным (с населением более 100 тысяч человек) — г. Набережные Челны, что, несомненно, сказалось на столь явной разнице в показателях. Принимая этот факт во внимание, можно согласиться с тем, что в целом оставшиеся три моногорода обладают относительно сходными чертами в показателях. При этом стоит заострить внимание и на г. Усолье-Сибирское, поскольку в отношении инвестиций в основной капитал и индекса промышленного производства у него самые низкие показатели. Однако не менее важным можно считать не только полученные оценки, но и выявленные трудности, связанные со сбором данных.

Таблица 2

Социально-экономическая характеристика городов статуса ТОР

Город	Уровень безработицы, %	Инвестиции в основной капитал за счет средств муниципального бюджета, руб.	Среднемесячная заработная плата, тысяч руб.	Индекс промышленного производства, %	Удельный вес выручки предприятий МСБ
Усьель-Сибирское	1,21	23,6 млн	20,9	62,7	52,4%
Гуково	1,2	262,9 млн [13]	17,3
Юрга	2,25 [1]	718,6 млн [14]	17,9	96,6 [14]	Нет данных, но есть информация о том, что доля налоговых поступлений от предприятий МСБ составляет около 22% [14]
Набережные Челны	0,81	37,7 млрд	25,9	96,4	49 млрд рублей [15]
По России	5,2	396 млрд	32,5	101,7 [9]	—

Источник: составлено авторами на основе данных, представленных на официальных сайтах административных центров рассмотренных городов.

1) Несоответствие сведений на официальном сайте Росстата и на сайте администрации города (так, по инвестициям в основной капитал на www.gks.ru в г. Усолье-Сибирское указано 23,6 млн рублей, в то время как на сайте администрации всего 803,8 млн рублей, из них на строительство — 1,1 млн рублей).

2) Отсутствие необходимых данных как на сайте органа государственной статистики, так и на сайте администрации города (речь идет о г. Гуково).

3) Невозможность сопоставления данных ввиду изначальных структурных различий, отраженных в выбранных нами показателях.

Вот почему структурный анализ выбранных в качестве ТОП моногородов — это лишь своего рода «первичный взгляд» на их устройство, сходства и различия. Учитывая, что эти моногорода представлены разными отраслями, а также то, что они получили свой статус лишь недавно, сложно предположить, каков будет конечный результат обретения ими привилегированного статуса. В данном случае для нас наиболее подходящим был бы подход *difference in difference*, чтобы оценить, как именно моногорода с «особым статусом» будут развиваться относительно других моногородов? Насколько значительной окажется разница?

В этой связи особый интерес представляет другая сторона вопроса — а как реагируют другие моногорода, сходные по структуре с теми, которые получили статус ТОП на соответствующие привилегии? Значит ли это, что в моногородах будет более активна разработка проектов для получения «заветного статуса»? Так, если предположить, что в условном моногороде социально-экономическая ситуация в сравнении со средней по стране примерно одинаковая, но при этом моногород получает статус ТОП, то возникает вопрос, а почему бы не присвоить данный статус со всеми вытекающими привилегиями другим городам со сходными показателями? Как в таком случае можно оценить действительную ситуацию в моногороде, и, более того, существуют ли гарантии того, что после получения моногородом необходимого статуса ситуация в нем изменится в лучшую сторону? Ведь в случае если моногород выбран в качестве территории опережающего развития, то подразумевается диверсификация производства, что порождает проблему переподготовки кадров, что опять-таки требует дополнительных издержек ввиду необходимости переквалификации.

Подобные размышления приводят нас к необходимости постановки вопросов в другом русле. Что, если попытаться обсудить данную проблему параметрически, учитывая, что мы исследуем систему отношений с асимметрией информации? В таком случае можно одновременно говорить и о проблеме достоверности (и своевременном предоставлении) необходимых данных, и о проблеме «привилегированного положения» отдельно взятых моногородов. Отметим, что попытка моделирования уже была предпринята ранее [20], когда речь шла о модели институционального соглашения. В качестве точки отсчета была выбрана целесообразность продолжения своей деятельности градообразующим

предприятием с сопутствующими изменениями в лице переселения, смены основного вида деятельности ввиду перехода специфичного актива в категорию активов общего назначения или же регулярного мониторинга в случае, если сохранение деятельности бизнеса было целесообразно. Однако институциональное соглашение такого рода работает только при условии, если проблемы, возникающие в условиях асимметрии информации, разрешены.

Рассмотрим то же соглашение, но теперь в рамках асимметрии информации. Формально мы решаем задачу «принципал-агент» с поправкой на то, что принципалом (неинформированной стороной) является субъект на федеральном уровне власти, агентом (информированной стороной) — руководство градообразующего предприятия. Однако в системе присутствует еще один элемент в лице субъекта на региональном уровне власти, который выступает агентом для упомянутого нами принципала, и принципалом для агента в лице руководства градообразующего предприятия. В таком случае субъект на региональном уровне власти — ключевая фигура в данной системе, поскольку выполняет в своем роде роль «передаточного звена»⁶ между основными принципалом и агентом.

Положим, что руководство градообразующего предприятия заинтересовано в максимизации своей прибыли: $\pi_i \rightarrow \max$, при этом π_i — представлена некоторой функцией от n переменных, включая специфичность актива, цены реализации, параметры фиксированных и переменных издержек, и т. д. Руководство градообразующего предприятия может получить некоторый объем инвестиций f от субъекта на федеральном уровне власти для реализации некоторого проекта, который по предположению способен положительным образом сказаться на прибыли градообразующего предприятия, соответственно, положительным образом отразившись на социально-экономическом положении рассматриваемого *i-go* моногорода. Однако агент со стимулами к рентоориентированному поведению [22; 24] может исказить информацию, заявив о затруднительном финансовом состоянии субъекту на региональном уровне, который, в свою очередь, обратится с соответствующей заявкой на инвестирование определенного проекта субъекту на федеральном уровне. Здесь важно оговорить следующие возможные допущения:

1) полагаем, что финансовые показатели градообразующего предприятия прямо влияют на социально-экономическое состояние моногорода — учитываются зарплаты, социальные выплаты и прочие характеристические показатели;

⁶ Авторы понимают, что возможна ситуация прямого обращения бенефициаров градообразующего предприятия к федеральному центру. Однако этот вариант иллюстрирует ситуацию, когда взаимодействуют агент и принципал на региональном уровне власти, и в случае финансирования, агент либо выполняет свои обязательства, либо нет, при этом, этой информацией принципал в текущем периоде не владеет.

2) принципал на федеральном уровне способен с вероятностью α отслеживать ситуацию в моногородах, следовательно, с вероятностью $(1-\alpha)$ он не способен оценивать истинную потребность градообразующего предприятия в дополнительном финансировании;

3) принципал на региональном уровне власти, стремясь максимизировать бюджет региона и стабилизировать социально-экономическую обстановку, прикладывая усилия e_1 , следит за исполнением градообразующим предприятием своих обязательств⁷ после получения дополнительных инвестиций [28]. Однако принципала на региональном уровне также может отличать рентоориентированное поведение [23], значит, может быть ситуация, когда часть инвестиций y , $y \in (0;1)$ будет абсорбирована локальным принципалом, а часть инвестиций в размере $(1-y)f$ — передана градообразующему предприятию. В таком случае достоверные обязательства руководства градообразующего предприятия возникают перед локальным принципалом, который прилагает усилия e_2 , следя за их выполнением. Соответственно, оговорим, что $e_2 < e_1$;

4) принципал на региональном уровне, владея информацией, может сообщить принципалу на федеральном уровне о неисполнении агентом своих обязательств, в свою очередь, принципал на федеральном уровне может применить санкции s и в периоде $t+1$ инвестирование будет аннулировано⁸.

Учитывая упомянутые предпосылки, построим вероятностную модель. Имеем следующие параметры:

Π^F — принципал на федеральном уровне, решающий, инвестировать в предлагаемый проект или нет;

Π^R — принципал на региональном уровне. Принципал может знать о недобросовестности агента, но с той же вероятностью может и не знать. Мы рассматриваем случай, когда Π^R знает о недобросовестности агента. Тогда он может принудить его выполнять свои обязательства с некоторой вероятностью a_2 , выдав при этом весь объем инвестиций; может выдать весь объем инвестиций, не принуждая его выполнять свои обязательства с вероятностью a_3 . Одновременно с этим Π^R сам может выступать в качестве рентоориентированного участника. Соответственно, с вероятностью a_4 он может заключить договор с агентом и принудить его выполнять обязательства, а с вероятностью a_5 — присвоить себе долю инвестиций, не зная о дальнейших действиях агента.

⁷ В идеальных условиях речь идет о достоверных обязательствах, так как при подаче заявки на финансирование того или иного предлагаемого проекта обе стороны отражают свои обязательства как гарант их совершения в контракте [17]. Однако поскольку возможны ситуации, при которых это условие не всегда выполняется, мы рассматриваем обязательства в общем виде.

⁸ Предполагается, что проект по «ревитализации предприятия» не может быть реализован в течение одного года, поэтому следует рассматривать T количество периодов, где $t \in (1, T)$ с шагом в 1 год. В таком случае, если проект был принят и в t периоде инвестирование было осуществлено, однако выяснилось, что агент — недобросовестный исполнитель, то в $t+1$ периоде объем инвестиций будет равен нулю.

В таком случае возможны две отношенческие системы:

Π^F и **Агент** — прямое взаимодействие, Π^R и **Агент**, Π^F и Π^R . В случае прямого взаимодействия в периоде t_i принципал наблюдает за реализацией проекта агентом, и если последний не выполняет свои обязательства, в некотором периоде t_{i+j} агент это обнаружит, прекратив инвестирование в следующем периоде t_{i+j+1} .

Однако если мы имеем дело с участием всех трех субъектов, то система существенно усложняется (рис.).

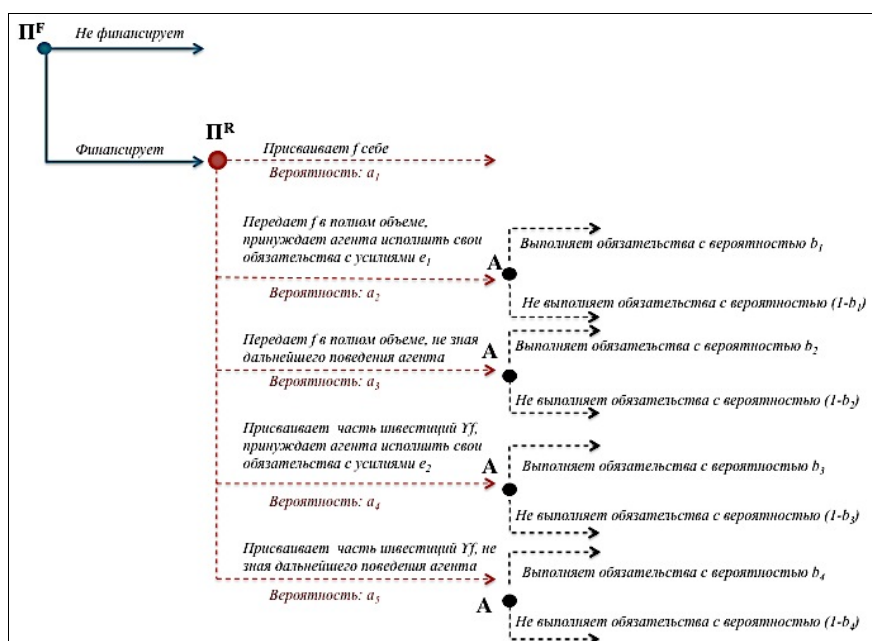

Рис. Схема возможных сценариев в модели

Условимся, что $\sum \alpha_i = 1$, где $I = \overline{1,5}$ и $\sum b_i = 1$, где $I = \overline{1,4}$, причем в силу вероятностного распределения $b_3 < b_1$ и $b_4 < b_2$. Логично предположить, что наибольший интерес для нас представляют ситуации, когда принципал на региональном уровне передает полный объем инвестиций агенту, принуждая последнего к выполнению своих обязательств, а также вариант, когда принципал присваивает некоторую долю инвестиций, все равно принуждая при этом агента к выполнению своих обязательств. Первый вопрос, который нас интересует, — как соотносятся усилия принципала-посредника в данных случаях? Возможна ли ситуация, когда стимулы посредника могут подталкивать его исключительно к первому варианту? Второй же — стимулы агента к выполнению своих обязательств. Мы помним про учтенные нами санкции в размере s , однако смогут ли они оказать достаточное влияние на отказ от рентоориентированного поведения?

Очевидно, что наиболее благоприятной является ситуация, при которой посредник контролирует действия агента, и при этом прибыль

агента при такой модели поведения превышает прибыль от заключения контракта с посредником: для агента условие выбора стратегии (выполнять обязательства) эквивалентно множеству решений неравенства $a_4 b_3 f(1 - \gamma) + \pi < a_2 b_1 f + \pi$, то есть если объем «присвоенных» посредником инвестиций не превышает $\gamma > \left(1 - \frac{a_2 b_1}{a_4 b_3}\right) f$. Тогда, считая полез-

ность принципала некоторой функцией ξ от усилий, прилагаемых для наблюдения за действиями агента и некоторыми значимыми переменными⁹, область взаимовыгодного сотрудничества между принципалом и агентом будет находиться в пределах множества решений системы

$$\begin{cases} \gamma > \left(1 - \frac{a_2 b_1}{a_4 b_3}\right) f \\ \xi \rightarrow \max \end{cases}.$$

В таком случае, если функции заданы в частном виде и можно выявить пороговые значения усилий, прилагаемых принципалом и «вознаграждения» агента, следует выяснить, а как эти усилия могут быть оценены на практике? Что может послужить реальным стимулом к их осуществлению? В подобной ситуации возникает необходимость апелляции к неформальным институтам и изучению частных случаев преодоления «проблемы моногородов» в рамках рассматриваемой структуры заинтересованных лиц, однако эта проблема вызывает необходимость проведения дополнительного самостоятельного исследования.

Выводы

Повышенная активность как властей, так и различных инициативных групп вокруг «проблемы моногородов» подталкивает к необходимости разработки собственных методик, позволяющих эмпирическим путем проанализировать действительную ситуацию, складывающуюся в моногородах. Нельзя утверждать, что «проблемы моногородов» нет. Безусловно, она существует, однако вопрос в степени ее гипертрофированности, ведь при четком понимании проблемы поиск ее решения существенно упрощается.

В данной статье авторами была предпринята попытка количественного анализа моногородов на основе имеющегося списка моногородов и их социально-экономического положения. В результате проведенной работы были получены следующие результаты:

- во-первых, необходим качественный подход к выбору показателей, способных учесть все структурные факторы, отражающие соци-

⁹ Полагаем $\xi = \psi(e_i, v_i^j, \rho(\pi))$, где v_i^j — векторный набор значимых переменных, а $\rho(\pi)$ — описывает некоторую функциональную зависимость полезности принципала от полезности агента, e_i — усилия, прилагаемые принципалом.

ально-экономическую ситуацию в моногородах. При точной оценке необходимого набора показателей оценка перспектив решения «проблемы моногородов» может быть значительно упрощена ввиду формирования кластеров моногородов со сходными признаками, в отношении которых может быть применен тот или иной подход;

- во-вторых, важной проблемой остается доступность и достоверность данных, отражающих социально-экономическую обстановку. Так, при попытке оценить ситуацию в динамике с 2007 по 2014 г. по всем моногородам авторы столкнулись с проблемой отсутствия большей части данных по требуемым годам для внушительного количества моногородов. Проблема отсутствия данных крайне важна, ведь именно панельная выборка позволила бы выявить особенности реакции моногородов к кризисам, что, безусловно, позволило бы обозначить ориентир при разработке концепций по решению «проблемы моногородов»;

- в-третьих, особый интерес представляет присвоение моногородам статуса территорий опережающего развития. На данном этапе нельзя делать выводы о прозрачности принципов выбора моногородов для присвоения им статуса ТОР. Тем не менее допустимо предположить, что возможность анализа развития «привилегированных» моногородов в сравнении с другими моногородами позволит определить ключевые характеристики, необходимые для получения статуса, а также позволит понять действительные преимущества от получения статуса ТОР.

Список литературы

1. *Автомобильный рынок России: результаты за 9 месяцев 2015 г.* : аналитический обзор PwC. URL: <https://www.pwc.ru/ru/automotive/publications/assets/automotive-nov-2015.pdf> (дата обращения: 27.03.2016).

2. *Департамент труда и занятости населения Кемеровской области.* URL: <http://www.ufz-kemerovo.ru/home/informaciya/statistika.aspx> (дата обращения: 27.01.2016).

3. *О территориях социально-экономического развития в Российской Федерации* : федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010.

5. *Индекс цен на лом цветных металлов на российском рынке в декабре 2015 г.* URL: <http://www.infogeo.ru/metalls/review/?act=show&rev=1133> (дата обращения: 29.12.2015).

6. *Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Новокузнецк.* URL: <http://monogorod.kemobl.ru/NOVOKUZNETSK/kipr1.pdf> (дата обращения: 01.02.2016).

7. *Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Норильска.* URL: http://econ.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/1730_kompleksnij_investicionnij_plan_modernizacii_monogoroda_norilxska.pdf (дата обращения: 12.12.2015).

8. *Обзор рынка черной металлургии за 2015 год, Deloitte.* URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/manufacturing/russian/ru-iron-and-steel-industry-report-ru.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).

9. «Обращение генерального директора...». URL: http://www.nornik.ru/_upload/year2009/obrazhenie_strzhalkovsky.pdf (дата обращения: 17.12.2015).
10. Государственная статистика РФ : [официальный сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 27.10.2015).
11. Нижнекамский муниципальный район Республики Татарстан : [официальный сайт]. URL: <http://www.e-nizhnekamsk.ru/infrastruktura/economica/prom.php> (дата обращения: 18.03.2016).
12. Город Череповец : [официальный сайт]. URL: <http://www.cherinfo.ru/news/78025> (дата обращения: 14.01.2016).
13. Распоряжение № 668-р Правительства РФ от 16 апреля 2015 г. URL: <http://government.ru/media/files/ANTtXeAibvOQUysuIxa7br4h3rjptEYS.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).
14. Росстат Ростовской области РФ. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/56d86200483036ea845ea4ed3bc4492f/Инвестиции+в+основной+капитал.html (дата обращения: 19.02.2016).
15. Социально-экономическое развитие Юргинского городского округа за 2014 год. URL: http://www.yurga.org/pagedata/00000190/files/fact_ser2014.pdf (дата обращения: 19.02.2016).
16. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования города Набережные Челны до 2030 года. URL: http://kpfu.ru/portal/docs/F_1500185514/chelny.no.pdf (дата обращения: 19.02.2016).
17. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая контрактация». СПб., 1996.
18. Улюкаев А. В. «В 4 моногорода будут созданы территории опережающего развития...». URL: <http://economy.gov.ru/minrec/press/news/2015300901> (дата обращения: 18.01.2016).
19. «Челнинский TOP благословлен...». URL: <http://www.business-gazeta.ru/text/142248/> (дата обращения: 19.02.2016).
20. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. М., 2010.
21. Шаститко А. Е. Фатихова А. Ф. Моногорода: новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 7—35.
22. Boukendor S. Preventing post-contractual opportunism by an option to switch from one contract to another // Construction management and economics. 2007. Vol. 25, is. 7. P. 723—727.
23. Drugov M. Information and delay in an agency model // RAND Journal of Economics. 2010. Vol. 41, № 3. P. 598—615.
24. Foss N., Stea D. Putting a Realistic Theory of Mind into Agency Theory: Implications for Reward Design and Management in Principal Agent Relations // European Management Review. 2014. Vol. 11, is. 1. P. 101—116.
25. Kaplan T., Ruffle B. Which way to cooperate // The Economic Journal. 2011. Vol. 122, is. 563. P. 1042—1068.
26. Parente G., Shiklomanov N., Streletskiy D. Living in the New North: Migration to and from Russian Arctic Cities // Focus on Geography. 2012. Vol. 55, is. 3. P. 77—89.
27. Ramamohan Rao T. V. S. Estimating the parameters of Principal Agent Models // Journal of Quantitative Economics. Vol. 13, is. 1. P. 27—52.
28. Ronen J., Yaari V. Demand for the truth in principal-agent relationships // Review of accounting studies. 2007. Vol. 12, is. 1. P. 125—153.

Об авторах

Андрей Евгеньевич Шаститко, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: aeshastitko@econom.msu.ru

Аделя Фанисовна Фатихова, младший научный сотрудник, Центр исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: afatikhoff9@gmail.com

Для цитирования:

Шаститко А. Е., Фатихова А. Ф. Моногорода: опыт количественного анализа // Балтийский регион. 2016. Т. 8, №2. С. 7—29. doi: 10.5922/2074-9848-016-2-1.

MONOTOWNS: A QUANTITATIVE ANALYSIS

A. Shastitko*

A. Fatikhova**

* *Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia*

** *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571 Russia*

Submitted on March 18, 2016

The authors propose an empirical analysis of the current situation in monotowns. The study questions the perceived seriousness of the 'monotown problem' as well as the actual challenges it presents. The authors use a cluster analysis to divide monotowns into groups for further structural comparison. The structural differences in the available databases limit the possibilities of empirical analysis. Hence, alternative approaches are required. The authors consider possible reasons for the limitations identified. Special attention is paid to the monotowns that were granted the status of advanced development territories. A comparative analysis makes it possible to study their general characteristics and socioeconomic indicators. The authors apply the theory of opportunistic behaviour to describe potential problems caused by the lack of unified criteria for granting monotowns the status of advanced development territories. The article identifies the main stakeholders and the character of their interaction; it describes a conceptual model built on the principal/agent interactions, and identifies the parametric space of mutually beneficial cooperation. The solution to the principal/agent problem suggested in the article contributes to the development of an alternative approach to the current situation and a rational approach to overcoming the 'monotown problem'.

Key words: monotown, single industry town, institutional agreement, cluster analysis, information asymmetry.

References

1. *Analiticheskij obzor PwC «Avtomobil'nyj rynek Rossii: rezul'taty za 9 mesjacev 2015 g.»* [Analytical review PwC «Automotive market of Russia: results for the first 9 months of 2015"], 2015, available at: <https://www.pwc.ru/ru/automotive/publications/assets/automotive-nov-2015.pdf> (accessed 27.03.2016).
2. *Departament truda i zanjatosti naselenija Kemerovskoj oblasti* [The Department of Labor and Employment of the Kemerovo Region population], 2015, available at: <http://www.ufz-kemerovo.ru/home/informaciya/statistika.aspx> (accessed 27.01.2016).
3. *Zakon «O territorijah social'no-jekonomicheskogo razvitija v Rossijskoj Federacii» ot 29 dekabrja 2014 g. №473-FZ* [The law "On Territories of socio-economic development in the Russian Federation" dated 29 December 2014 # 473-FZ], 2014.
4. Zubarevich, N. V. 2010, *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizacija* [Regions of Russia: the inequality crisis, modernization], Moscow, 160 p.
5. *Indeks cen na lom cvetnyh metallov na rossijskom rynke v dekabre 2015 g.* [The price index for scrap non-ferrous metals in the Russian market in December 2015], 2015, available at: <http://www.infogeo.ru/metalls/review/?act=show&rev=1133> (accessed 29.12.2015).
6. *Kompleksnyj investicionnyj plan modernizacii monogoroda Novokuzneck* [A comprehensive investment plan for the modernization of company towns Novokuznetsk], 2016, available at: <http://monogorod.kemobl.ru/NOVOKUZNETSK/kipr1.pdf> (accessed 01.02.2016).
7. *Kompleksnyj investicionnyj plan modernizacii monogoroda Noril'ska* [A comprehensive investment plan for the modernization of Norilsk monotown], 2015, available at: http://econ.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/1730_kompleksnij_investicionnij_plan_modernizacii_monogoroda_noril'ska.pdf (accessed 12.12.2015).
8. *Obzor rynka chernoj metallurgii za 2015 god* [Review of the Steel Market in 2015], 2015, *Deloitte*, available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/manufacturing/russian/ru-iron-and-steel-industry-report-ru.pdf> (accessed 15.02.2016).
9. *Obrashhenie general'nogo direktora* [Address by Director General], 2009, *Norilsk Nickel*, available at: http://www.nornik.ru/_upload/year2009/obrazhenie_strzhalkovsky.pdf (accessed 17.12.2015).
10. *Oficial'nyj sajt gosudarstvennoj statistiki RF* [The official website of the state statistics], 2015, available at: <http://www.gks.ru> (accessed 27.10.2015).
11. *Oficial'nyj sajt Nizhnekamskogo municipal'nogo rajona Respubliki Tatarstan* [The official website of the Nizhnekamsk municipal district of the Republic of Tatarstan], 2015, available at: <http://www.e-nizhnekamsk.ru/infrastruktura/economica/prom.php> (accessed 18.03.2016).
12. *Oficial'nyj sajt goroda Cherepovec* [Official site of Cherepovets], 2016, available at: <http://www.cherinfo.ru/news/78025> (accessed 14.01.2016).
13. *Rasporjazhenie №668-p Pravitel'stva RF ot 16 aprelja 2015 g.* [Order №668-p of the RF Government of April 16, 2015], 2015, available at: <http://government.ru/media/files/ANTtXeAibvOQUysulxa7br4h3rjptEYS.pdf> (accessed 20.10.2015).
14. *Rosstat Rostovskoj oblasti RF* [The Federal State Statistics Service of the Rostov region of the Russian Federation], 2016, available at: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/56d86200483036ea845ea4ed3bc4492f/Инвестиции+в+основной+капитал.html (accessed 19.02.2016).
15. *Social'no-jekonomicheskoe razvitie Jurginskogo gorodskogo okruga za 2014 god* [Socio-economic development of the city of Yurga district in 2014], 2014, available at: http://www.yurga.org/pagedata/00000190/files/fact_ser2014.pdf, c. 8 (accessed 19.02.2016).

16. *Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija municipal'nogo obrazovanija goroda Naberezhnye Chelny do 2030 goda* [Strategy of socio-economic development of the municipality of the city of Naberezhnye Chelny to 2030], 2015, available at: http://kpfu.ru/portal/docs/F_1500185514/chelny.no.pdf (accessed 19.02.2016).
17. Williamson, O. 1996, *Jekonomicheskie instituty kapitalizma. Firmy, rynki, «otnoshencheskaja kontraktacija»* [Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, "relational contracting"], St. Petersburg, 702 p.
18. Ulyukayev, A.V. *V 4 monogorodah budut sozdany territorii operezha-jushhego razvitija...* [The 4 single-industry towns will be created territory of priority development...], 2015, available atL <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015300901> (accessed 18.01.2016).
19. Sabirov, R., Idiyatullin, A., Gavrilenko, A. 2015, Челнинский ТОР благословлен... [Chelny TOP blessed... Chelninskij TOR blagosloven...], *Delovaja jelektronnaja gazeta Biznes Online* [Business e-Business Newspaper Online], available at: <http://www.business-gazeta.ru/text/142248/> (accessed 19.02.2016).
20. Shastitko, A. E. 2010, *Novaja institucional'naja jekonomicheskaja teorija* [New Institutional Economics], Moscow, 828 p.
21. Shastitko A., Fakhitova A. 2015, Monotowns: A New Take on the Old Problem, *Balt. Reg. no. 1*, p. 4—24. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-1-1.
22. Boukendour, S. 2007, Preventing post-contractual opportunism by an option to switch from one contract to another, *Construction management and economics*, T. 25, Vol. 7, p. 723—727.
23. Drugov, M. 2010, Information and delay in an agency model, *RAND Journal of Economics*, T. 41, Vol. 3, p. 598—615.
24. Foss, N., Stea, D. 2014, Putting a Realistic Theory of Mind into Agency Theory: Implications for Reward Design and Management in Principal Agent Relations, *European Management Review*, T. 11, Vol. 1, p. 101—116.
25. Kaplan, T., Ruffle, B. 2011, Which way to cooperate, *The Economic Journal*, T. 122, Vol. 563, p. 1042—1068.
26. Parente, G., Shiklomanov, N., Streletskiy, D. 2012, Living in the New North: Migration to and from Russian Arctic Cities, *Focus on Geography*, T. 55, Vol. 3, p. 77—89.
27. Ramamohan Rao T.V.S. Estimating the parameters of Principal Agent Models, *Journal of Quantitative Economics*, T. 13, Vol. 1, p. 27—52.
28. Ronen, J., Yaari, V. 2007, Demand for the truth in principal-agent relationships, *Review of accounting studies*, T. 12, Vol. 1, p. 125—153.

About the authors

Prof Andrei Shastitko, Head of the Department of Competition and Industrial Policy, Lomonosov Moscow State University; director, the Centre for Competition and Economic Regulation Studies, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: aeshastitko@econom.msu.ru

Adelya Fatikhova, a researcher, the Centre for Competition and Economic Regulation Studies, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: afatikhoff9@gmail.com

To cite this article:

Shastitko A.E., Fatikhova A.F. Monotowns: A Quantitative Analysis, *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 2, p. 7—29. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-1.

УДК 332.13

**СТРУКТУРНЫЕ
ИЗМЕНЕНИЯ
ЭКОНОМИКИ
СЕВЕРО-ЗАПАДА
РОССИИ:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ
АСПЕКТ**

*Н. Г. Колесников**

*О. В. Толстогузов**

Выявляются и научно обосновываются тенденции трансформации экономического пространства Северо-Западного федерального округа России (СЗФО) на основе исследования изменений в структуре валового регионального продукта (ВРП) и экономической специализации регионов СЗФО и определяются подходы к управлению структурными изменениями в экономике периферийных регионов. Предложен метод определения экономической специализации регионов на базе оценки степени развитости секторов региональной экономики. Изложена методика определения степени развитости экономических секторов региона с помощью индекса валовой добавленной стоимости, учитывающего среднедушевой объем валовой добавленной стоимости, произведенной отдельными секторами экономики региона, рассчитываемый относительно среднего общероссийского уровня. Представлены результаты анализа структурных изменений валового регионального продукта регионов Северо-Западного федерального округа. Ряды значений индекса валовой добавленной стоимости с 2004 по 2013 г. позволили выявить для всех регионов СЗФО тренды усиления или ослабления каждого сектора экономики региона относительно общероссийского тренда развития данного сектора. На основе данных исследования были сделаны выводы о характере изменений экономической отраслевой специализации регионов СЗФО. Выявлено, что специализация регионов СЗФО коррелирует с пространственным положением региона относительно ближайших крупных экономических центров — Санкт-Петербурга и Москвы. Подтвержден вывод о «центр-периферийном» характере экономического развития Северо-Западного макрорегиона и выявлена зависимость структуры экономики региона от степени его периферийности. Предложены подходы к управлению структурными изменениями в экономике периферийных регионов.

* Институт экономики Карельского научного центра РАН 185030, Россия, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

Поступила в редакцию 23.02.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-2

© Колесников Н. Г.,
Толстогузов О. В., 2016

Ключевые слова: трансформация экономического пространства, «центр-периферия», пространственная неравномерность, структура валового регионального продукта

Введение

Согласно результатам многочисленных исследований, подтвержденным обширными эмпирическими данными, развитие современной мировой экономики характеризуется пространственной неравномерностью [2; 8; 13], которая выражается в концентрации экономической активности в агломерациях и отставании в развитии периферийных регионов, что приводит к поляризации экономического пространства. Она также проявляется в дисбалансе структуры экономики регионов, то есть в формировании «полярной» специализации регионов на определенных отраслях.

Различным аспектам пространственной неравномерности развития в России посвящено значительное число публикаций; обзор трудов по данной тематике представлен в работе К. П. Глущенко [1]. Обширный анализ концентрации экономической активности и специализации российских регионов дан в монографии С. Н. Растворцевой [6]. В ней предложена классификация регионов по значению индекса специализации региона с выделением двух групп: с высоким и низким значением индекса. Регионы с высоким индексом специализации предлагается дополнительно разделить на две подгруппы: регионы с сильным добывающим сектором экономики и прочие. Вместе с тем подгруппы регионов, специализирующихся на других секторах экономики, например обрабатывающих производствах или секторе услуг, в рамках данной классификации не выделяются, что, по нашему мнению, затрудняет межрегиональные сравнения по типу специализации.

Анализ пространственной концентрации экономической активности в России на основе наиболее актуальных статистических данных (по состоянию на 2011 г. включительно) отражен в статье Е. А. Коломак [4], в которой одним из рассматриваемых показателей принят валовый региональный продукт (ВРП), однако анализ структуры ВРП регионов автором не осуществлялся.

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) включает как одну из крупнейших агломераций России (Санкт-Петербург), так и малонаселенные удаленные от крупных экономических центров регионы, а также регионы, занимающие на данной шкале промежуточное положение. В связи с этим СЗФО является репрезентативным с точки зрения изучения процессов трансформации экономического пространства.

Пространственная неравномерность экономического развития регионов СЗФО исследуется, в частности, в работе Л. И. Розановой и М. В. Морошкиной [7], при этом показателем, по которому проводится межрегиональное сравнение, принята инвестиционная активность. В зарубежных научных изданиях исследования экономического развития регионов СЗФО представлены весьма ограниченно. В числе последних работ по данной тематике следует упомянуть статью Я. Кортелайнена и П. Раннико [16], в которой рассматривается формирование локальной модели экономического развития в приграничных периферийных регионах Северо-Запада России на примере развития сектора лесозаготовок в двух муниципальных районах.

Целью настоящей работы стало выявление и научное обоснование тенденций трансформации экономического пространства СЗФО на основе анализа изменений в структуре валового регионального продукта (ВРП) и экономической специализации регионов, входящих в федеральный округ, и определение подходов к управлению структурными изменениями в экономике периферийных регионов.

Методы исследования

Информационную базу исследования составили статистические данные Росстата о структуре ВРП по каждому региону. Изучаемым показателем выступает объем ВРП по видам деятельности на душу населения в регионах. Анализируемый период был определен исходя из доступности соответствующих статистических данных — временной промежуток с 2004 по 2013 г.

Статистические данные о ВРП регионов России доступны в разрезе укрупненных отраслей («видов деятельности» — в терминологии, принятой Росстатом). Данные виды деятельности были нами сгруппированы в секторы: сектор нерыночных услуг, сектор рыночных услуг, сектор строительства, сектор обрабатывающих производств, сырьевой сектор (табл. 1).

Таблица 1

Группировка видов деятельности по секторам

Виды деятельности по Росстату	Секторы экономики региона
Раздел А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	Сырьевой
Раздел В. Рыболовство, рыбоводство	
Раздел С. Добыча полезных ископаемых	
Раздел Д. Обрабатывающие производства	Обрабатывающих производств
Раздел Ф. Строительство	Строительства
Раздел Г. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	Рыночных услуг
Раздел Н. Гостиницы и рестораны	
Раздел И. Транспорт и связь	
Раздел Ж. Финансовая деятельность	
Раздел К. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Нерыночных услуг
Раздел Е. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	
Раздел Л. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	
Раздел М. Образование	
Раздел Н. Здравоохранение и предоставление социальных услуг	
Раздел О. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	

В сырьевой сектор были включены виды деятельности, основное содержание которых заключается в извлечении природных ресурсов либо непосредственной их эксплуатации. В сектор рыночных услуг — виды деятельности, которые производят услуги, реализуемые преимущественно на открытом (конкурентном) рынке. В сектор нерыночных услуг — виды деятельности, услуги которых реализуются преимущественно на рынках с регулируемым ценообразованием. Сектор обрабатывающих производств и сектор строительства в нашей классификации совпадают с соответствующими видами деятельности в классификации Росстата.

Данные Росстата, составившие информационную базу исследования, представлены как номинальный ВРП. С целью учета фактора инфляции, а также исключения влияния макроэкономических процессов, значения показателя номинального ВРП на душу населения в разрезе секторов по каждому региону были отнесены к определенному среднему значению по России в целом в соответствующем году:

$$I_{\text{ВДС}_{ij}} = \frac{\text{ВДС}_{ij}/P_j}{\text{ВДС}_i/P} \cdot 100\%, \quad (1)$$

где $I_{\text{ВДС}_{ij}}$ — индекс валовой добавленной стоимости i -го сектора j -го региона, %; ВДС_{ij} — объем валовой добавленной стоимости i -го сектора в j -ом регионе, руб.; P_j — численность населения j -го региона; ВДС_i — объем валовой добавленной стоимости i -го сектора в России, руб.; P — численность населения России.

Данный показатель рассчитывается для каждого исследуемого периода (года). В результате для каждого региона СЗФО были получены хронологические ряды значений валовой добавленной стоимости (ВДС) секторов экономики на душу населения, выраженной в процентах к среднему общероссийскому уровню. Полученный показатель характеризует степень развитости отдельных секторов экономики региона относительно среднего общероссийского уровня. Данному показателю в рамках настоящей работы мы присвоили наименование «индекс валовой добавленной стоимости».

Ряды значений индекса валовой добавленной стоимости за десять лет с 2004 по 2013 г. позволили выявить для всех регионов СЗФО тренды усиления или ослабления каждого сектора экономики региона относительно общероссийского тренда развития данного сектора. На основе результатов анализа были сделаны выводы о характере изменений экономической отраслевой специализации регионов СЗФО.

Важное методологическое замечание следует сделать относительно некоторых аспектов таксономии экономического пространства СЗФО. Санкт-Петербург и Ленинградская область в статистическом учете представлены как два отдельных региона. В рамках настоящего исследова-

дования мы рассматриваем их как единый регион, что обусловлено необходимостью обеспечения сопоставимости исследуемых регионов при сравнительном анализе их отраслевой структуры. Очевидно, что представление в качестве равноправных объектов анализа крупного города, являющегося исключительно урбанизированной территорией, и области (республики), включающей как урбанизированные, так и неурбанизированные территории, при сопоставлении отраслевой структуры экономики не вполне корректно. В более широком философском аспекте объединение Санкт-Петербурга и Ленинградской области в некий объект анализа отвечает принципу пространственной континуальности.

Результаты

Анализ динамических рядов показателя совокупного ВРП на душу населения продемонстрировал, что он имеет тренд к увеличению относительно общероссийского уровня в Республике Коми, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в Калининградской области. Яркая выраженная тенденция к снижению данного показателя наблюдается в Вологодской области и Мурманской области. В Республике Карелия, Новгородской области и Архангельской области ВРП на душу населения не превышает 80% от среднего российского уровня, в Псковской области — 50%, причем динамика изменений ВРП в этих регионах свидетельствует о его фиксации в данных пределах (рис. 1). Лидерами по абсолютному значению совокупного ВРП на душу населения в СЗФО являются Республика Коми, Санкт-Петербург и Ленинградская область.

Рис. 1. ВРП на душу населения регионов СЗФО, % к среднему российскому уровню

Распределение регионов СЗФО по абсолютному значению и динамике изменения совокупного ВРП на душу населения в целом соответствует логике модели «центр-периферия»: высокий ВРП и положительная динамика относительно среднего российского уровня в центральном регионе — Санкт-Петербурге и Ленинградской области; низкий ВРП в сочетании с трендом к стабилизации на текущих уровнях либо ВРП, активно снижающийся относительно среднего российского уровня, в периферийных регионах. Вместе с тем два удаленных от центра региона СЗФО не подчиняются логике модели «центр-периферия» (если рассматривать исключительно *совокупный* ВРП на душу населения) — это Республика Коми и Калининградская область. В данных регионах ВРП на душу населения имеет тенденцию к росту относительно общероссийского уровня, при этом в Республике Коми его абсолютное значение существенно выше среднего по России. Для выявления факторов данных явлений обратимся к анализу *структуры* ВРП и ее динамики в регионах СЗФО.

Результаты обработки статистических данных, необходимых для анализа структуры ВРП регионов СЗФО, представлены на рисунке 2. В соответствии со степенью развитости тех или иных секторов экономики регионы СЗФО по состоянию на 2013 г. можно распределить в следующие четыре группы:

Первая группа — регионы со специализацией на рыночных услугах и обрабатывающих производствах. В СЗФО к данному типу регионов относится только Санкт-Петербург и Ленинградская область, ВДС на душу населения по данным секторам превышает средние российские уровни в 1,5 раза.

Вторая группа — регионы со специализацией на обрабатывающих производствах. Этот сектор является единственным в регионах данной группы, который производит добавленной стоимости в расчете на душу населения региона больше, чем этот же сектор в среднем по России. В СЗФО в эту группу регионов входят Вологодская, Новгородская и Калининградская области (рис. 2). Вместе с тем сектор рыночных услуг в этих регионах развит хуже, чем в регионе первой группы (Санкт-Петербурге и Ленинградской области), и, более того, хуже, чем в среднем по России. Специализация на сырьевом секторе в регионах этой группы незначительна — ВДС на душу населения по данному сектору в 2—3 раза ниже, чем в среднем по России. Отметим, что в Вологодской области в течение исследуемого периода происходило постоянное снижение ВДС на душу населения по сектору обрабатывающих производств относительно среднероссийского уровня — с 295 % в 2004 г. до 145 % в 2013 г. При сохранении данной тенденции Вологодская область утратит специализацию на обрабатывающих производствах. В Калининградской области наблюдается тенденция к приближению удельной ВДС по сектору рыночных услуг к общероссийскому уровню; при сохранении данной тенденции Калининградская область может перейти в состав первой группы регионов.

Рис. 2. Индексы валовой добавленной стоимости регионов СЗФО

Третья группа — регионы без выраженной специализации. В этих регионах отсутствуют рыночные секторы экономики, которые были бы развиты лучше, чем в среднем по России, то есть ВДС на душу населения по всем секторам в этих регионах ниже общероссийского уровня (исключение может составлять лишь сектор нерыночных услуг). К регионам данной группы в СЗФО относятся Республика Карелия, Псковская и Архангельская (без Ненецкого автономного округа) области (см. рис. 2). Сектором, наиболее приближенным по объему добавленной стоимости на душу населения к среднероссийскому уровню, стал сектор нерыночных услуг.

Четвертая группа — регионы со специализацией на сырьевом секторе. Здесь наиболее развитым из рыночных секторов является сырьевой. В СЗФО к регионам данной группы относятся Мурманская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ (см. рис. 2). Отметим значительный рост сырьевого сектора в Республике Коми, который вносит наибольший вклад в отмеченный выше «нелогичный» рост ВРП в данном периферийном регионе, то есть рост ВРП происходит за счет усиления сырьевой специализации региона.

Соотнеся тип специализации каждого региона СЗФО с его пространственным положением, обнаруживаем, что специализация региона коррелирует с его пространственным положением относительно двух экономических центров — Санкт-Петербурга и Москвы, являющихся крупнейшими в России и ближайшими к регионам СЗФО (табл. 2).

Таблица 2

Расстояние до экономических центров и специализация регионов, км

Регион	Расстояние		Сумма расстояний	Специализация региона
	До Санкт-Петербурга	До Москвы		
Новгородская область	200	530	730	Обрабатывающие производства
Вологодская область	520	470	990	Обрабатывающие производства
Псковская область	290	740	1030	Нет выраженной специализации
Республика Карелия	420	1000	1420	Нет выраженной специализации
Калининградская область	1000	1200	2200	Нет выраженной специализации
Архангельская область	1400	1200	2600	Нет выраженной специализации
Республика Коми	1500	1300	2800	Сырьевой сектор
Мурманская область	1300	1900	3200	Сырьевой сектор
Ненецкий автономный округ	2600	2500	5100	Сырьевой сектор

Таким образом, мы можем дополнить приведенную выше классификацию регионов, дополнив определение каждой группы регионов характеристикой пространственного положения. Центральным регионом СЗФО является Санкт-Петербург и Ленинградская область — центр данного региона непосредственно совпадает со вторым крупнейшим экономическим центром России, а в структуре экономики преобладают секторы с высокой добавленной стоимостью. «Ближними» периферийными регионами определим Новгородскую и Вологодскую области. Термин «ближний» относится как к географическому положению, так и к характеру структуры экономики: во-первых, из всех регионов СЗФО Новгородская и Вологодская области географически наиболее приближены как к Санкт-Петербургу, так и к Москве, во-вторых, эти регионы близки к центральному региону по структуре экономики, так как сохранили специализацию на обрабатывающих производствах. В группу «удаленных» периферийных регионов входят Архангельская область, Псковская область и Республика Карелия — географически они удалены от экономических центров, а структура экономики характеризуется отсутствием выраженной специализации как на секторах с высокой добавленной стоимостью, так и на сырьевых секторах. «Дальние» периферийные регионы составляют Мурманская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ — географически наиболее удаленные от экономических центров, имеющие наибольшее расстояние до Москвы и Санкт-Петербурга, и по структуре экономики противоположны центральному региону, имея ярко выраженную сырьевую специализацию. Особое положение занимает Калининградская область как регион-экслав с особым экономическим режимом.

С целью анализа *процесса* изменения структуры ВРП регионов СЗФО в динамике сравним распределение регионов СЗФО по группам в соответствии с их типом специализации в 2004-м и в 2013 г. В 2004 г. в СЗФО преобладали регионы со специализацией на обрабатывающих производствах (рис. 3). Однако к 2013 г. Мурманская область, утратив специализацию на обрабатывающих производствах, переместилась в группу регионов «сырьевой» («дальней») периферии, а Архангельская область — в группу регионов без выраженной специализации. При сохранении трендов структурных изменений экономики регионов СЗФО специализацию на секторах рыночных услуг и обрабатывающих производств приобретет Калининградская область, специализацию на секторе обрабатывающих производств сохранит Новгородская область, но потеряет Вологодская область (рис. 3).

Калининградская область стала единственным исключением из общего тренда «стягивания» секторов с высокой добавленной стоимостью из удаленных регионов в центр. Объяснение данного феномена может заключаться в преимущественном положении области относительно других регионов в связи с функционированием на ее территории особой экономической зоны, а также наиболее высокой степенью приграничности области по сравнению с другими регионами СЗФО [3] и соответствующей вовлеченностью в трансграничные цепочки создания добавленной стоимости.

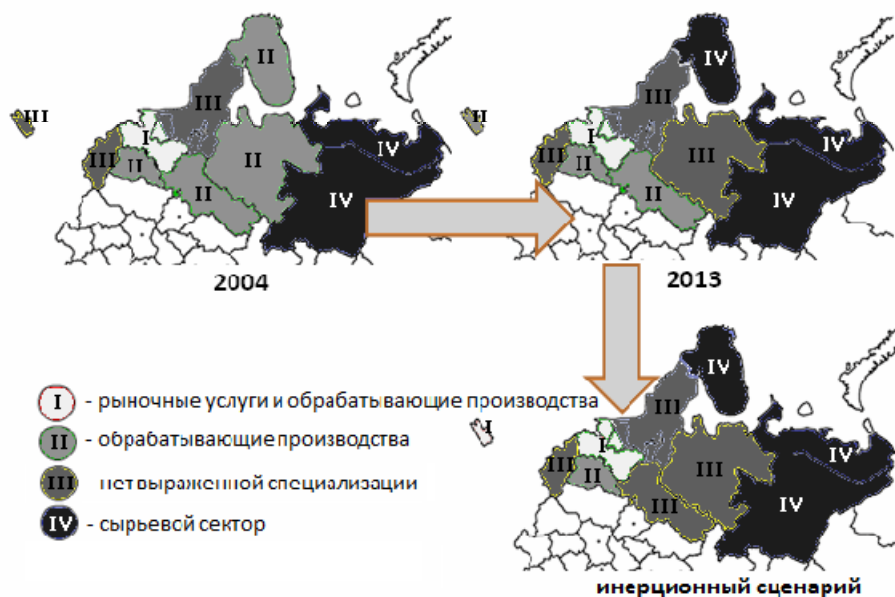

Рис. 3. Динамика изменения специализации регионов СЗФО

Картографическое представление обеспечивает визуальное восприятие информации (рис. 3), однако не обеспечивает точности. В связи с этим выразим пространственную неравномерность структуры экономики СЗФО в количественных показателях. С этой целью определим разрыв в развитии различных секторов экономики между группами регионов, занимающих полярные положения на шкале «центр-периферия»: Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, с одной стороны, и группой регионов «дальней» периферии (Мурманская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ) — с другой. Показателем разрыва примем отношение индексов валовой добавленной стоимости данных групп регионов по секторам рыночных услуг, обрабатывающих производств и сырьевому сектору. Результаты расчетов представлены на рисунке 4.

Оценивая динамику изменения разрыва в развитии секторов рыночных услуг и обрабатывающих производств, можно констатировать, что в начале исследуемого периода имела место тенденция к конвергенции центра и периферии. Значения соответствующих индексов валовой добавленной стоимости группы периферийных регионов лишь незначительно — в пределах 20% — «отставали» от индексов центрального региона. Однако с 2006—2007 г. тренды развития данных секторов стали разнонаправленными, разрыв между центральным и периферийными регионами приобрел выраженную тенденцию к увеличению, достигнув в 2013 г. значения 1,8—1,9 раз (рис. 4).

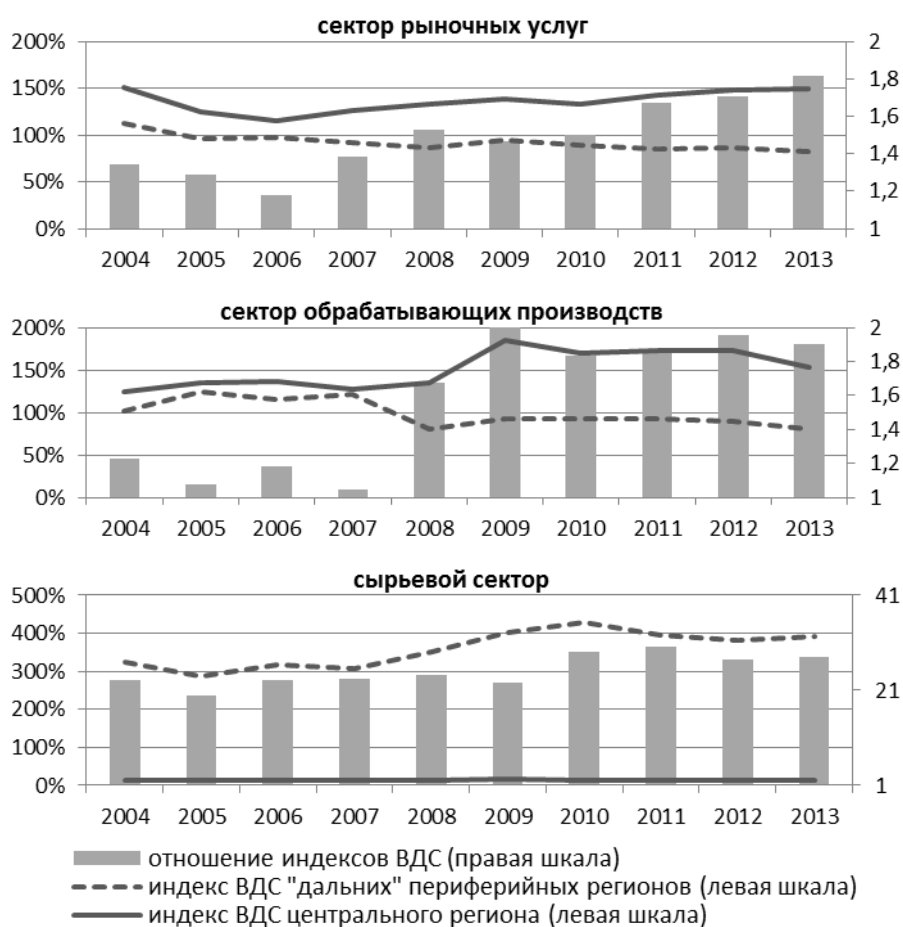

Рис. 4. Индексы ВДС центрального и периферийных регионов СЗФО

Сырьевой сектор усиливает свое доминирующее положение в регионах «дальней» периферии СЗФО, что демонстрирует рост значений индекса валовой добавленной стоимости от 325% в 2004 г. до 392% в 2013 г. (рис. 4). Значение данного индекса в центральном регионе СЗФО относительно стабильно и колеблется в пределах 13—18%. По степени развития сырьевого сектора мы также фиксируем тенденцию к дивергенции центра и периферии, только в роли «отстающего» выступает центральный регион.

Результаты анализа свидетельствуют, что концентрация секторов-генераторов высокой добавленной стоимости в центре макрорегиона и специализация удаленных регионов на сырьевом секторе имеет тенденцию к усилению.

Таким образом, трансформация экономического пространства СЗФО происходит в соответствии с моделью «центр-периферия», что выражается в поляризации структуры экономики центрального и периферийных регионов.

Выводы и рекомендации

В результате исследования были выявлены тенденции структурных изменений экономик регионов федерального округа. Осуществив анализ структурных изменений во взаимосвязи с пространственным положением и шире — экономико-географическим положением регионов были выявлена направленность процессов трансформации экономического пространства.

Северо-западные периферийные (а особенно приграничные) территории России, как и другие проблемные периферии, сталкиваются с масштабным процессом глобальной трансформации [5]. При этом периферийные регионы, не соперничая с агломерациями по величине добавленной стоимости, инвестициям и расходам домохозяйств, несут ответственность за освоение и «удержание» территории. Северо-западные регионы ведут активную внешнеэкономическую деятельность с европейскими странами, решают важную геополитическую задачу — продвижение и реализация конкурентоспособных проектов освоения территории — в условиях жесткой конкуренции с проектами развития сопредельных зарубежных территорий и системных вызовов.

Поляризация экономического пространства вкупе с излишней централизацией власти усиливают контрасты между развитым центром и ослабленной периферией и обуславливают набор типичных проблем: депопуляция населения, слабая экономическая активность, дефицит бюджета, низкий инвестиционный потенциал, бедность и дифференциация общества, недостаточная развитость городов, изношенность и недостаточность инфраструктуры. Следствиями сложившегося поляризационного развития стало снижение качества трудовых ресурсов и отток населения, падение экономической активности и в конечном счете переход периферийных регионов в разряд депрессивных. Сказанное является причиной усиливающегося внимания российской региональной политики на вопросах социально-экономического и пространственного развития периферийных регионов.

Недостаток традиционного подхода заключается в недооценке системных рисков, неопределении ключевых компетенций, предоставляющих фундаментальные выгоды в результате организованной системной экономической деятельности и применения новых инструментов, учитывающих экономические циклы и внешние глобальные вызовы, стоящие перед периферийными регионами [10]. Это сказывается в отсутствии сегментов новых отраслей, базирующихся на совокупности «прорывных» технологий, определяющих возможность появления новых рынков высокотехнологичной продукции и услуг, а также быстрого распространения передовых технологий в традиционных и новых отраслях.

В европейской научной литературе, посвященной вопросам развития периферийных территорий, инновационная активность определяется как основная детерминанта экономического развития региона. Так,

например, в трудах К. Онсагера [18], С. Вирккала [20], Д. Долоро [12], Д. Баумгартнера [11], А. Исаксена и Й. Карлсена [14] отмечается, что периферийные регионы характеризуются относительно низкой плотностью экономически активного населения, слабой внутрорегиональной конкуренцией, малым размером локальных рынков, узкой знаниевой базой, а также, по определению Ф. Тётлингга и М. Триппла [19], «тонкой» региональной инновационной системой.

По нашему мнению, модернизации экономики периферийного региона мешают системные ограничения, выраженные в низкой ликвидности, недостаточной инвестиционной привлекательности, институциональных особенностях, определяющих пространственное неравномерное (с сильной концентрацией в агломерациях) распределение инвестиций. Чтобы создать ликвидность, помимо самого инвестиционного проекта следует воспроизвести определенные узлы экономического пространства, включая транспортные и инженерные сети, социальную инфраструктуру, здравоохранение, образование.

Для того чтобы воспользоваться внешними эффектами и экстерналиями, необходимо сконцентрировать усилия на управлении концентрацией и получении экономических выгод от эффекта масштаба и специализации. При этом условия периферии предполагают для воспроизводства капитала точечное использование территории и практическое включение периферии в глобальные процессы. В этой связи объектом региональной политики должны быть не столько отдельные субъекты РФ, сколько функциональные и инновационные зоны и иные надсубъектные территориально-производственные образования.

На базе полученных результатов предложены рекомендации для формирования региональной экономической политики, которая, с одной стороны, не препятствовала бы объективным процессам поляризации экономического пространства, а с другой — стимулировала развитие экономической активности в периферийных регионах на основе использования их уникальных преимуществ и человеческого капитала.

Стратегический анализ позволяет сформировать три подхода структурной модернизации экономики периферийного региона, различающиеся в выборе стратегических ресурсов. Первый — заключается в выборе стратегии усиления позиции на отраслевых рынках на основе еще большего усиления специализации экономики региона, фокусирования усилий на отдельных секторах экономики и технологий с одновременным повышением эффективности производств с учетом их включенности в глобальные цепочки создания добавленной стоимости и активном привлечении внешних инвестиций. Происходит отбор специализации и кооперирования, включения в межрегиональные и международные производственные цепочки, финансовые потоки. В этом случае имеет место фокусирование внимания на инвестиционном процессе, его организационном и институциональном обеспечении, акцентировании внимания на добавленной стоимости резидентных агентов в производственно-технологических цепочках, специализации и кооперировании.

Как справедливо отмечает В. И. Часовский, «не лишено смысла и стимулирование миниатюризации форм деятельности, ведь высокотехнологичное малое предприятие вписывается в среду регионов разных рангов» [9, с. 166].

Второй — заключается в ее структурной диверсификации на основе развития производственно-технологической и транспортно-логистической инфраструктуры и встраивания в глобальные цепочки создания добавленной стоимости. Ожидаемый результат: создание предпосылок для диффузии инноваций, заимствования инновационных управленческих инструментов, диверсификации экономики, повышения инвестиционной привлекательности региона, в конечном счете — реализация инновационно-технологического развития. Основной упор делается на разработку мер по использованию возможностей развития, которые предоставляет внешняя среда (внешние инвестиции и экстерналии).

Выбор между специализацией и диверсификацией как концептуальными подходами к региональному экономическому развитию исследуется многими авторами, и вывод об однозначном преимуществе одного из этих двух подходов до сих пор не поучен. Вместе с тем Т. Кемени и М. Сторпер [15] отмечают, что усиление специализации региона имеет положительную взаимосвязь с уровнем заработной платы. Кроме того, специализация и диверсификация региональной экономики рассматриваются как взаимообусловленные процессы [17].

Третий подход в чистом виде не выделяется, но его элементы могут быть использованы в рамках первого и второго подходов в виде создания функциональных зон и новых технологий и технологических платформ, замещающих традиционные элементы цепочек создания добавленной стоимости в условиях консолидации местного сообщества. Учитывая заданный императив — создание инновационной экономики, — нам представляется, что направленность действий должна заключаться в объединении усилий представителей бизнеса, науки и государства. На этой основе и на основе долгосрочного прогноза развития науки и техники, выявления критических технологий и прорывных направлений вырабатываются приоритеты и разрабатываются стратегические программы исследований, а также дорожные карты использования инновационных механизмов (технологические платформы, промышленные парки и т. д.).

Работа выполнена в рамках НИР «Методология исследования эволюции северных периферийных регионов и разработка механизмов управления их экономическим развитием» №АААА-А16-116011900255-1.

Список литературы

1. Глуценко К. П. Исследования неравенства по доходам между российскими регионами // Регион: экономика и социология. 2010. №4. С. 88—119.
2. Доклад о мировом развитии 2009: новый взгляд на экономическую географию. М., 2009.

3. Колесников Н. Г. Приграничность и периферийность как факторы экономического развития региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т. 3, №31. С. 117.

4. Коломак Е. А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. №4. С. 82—99.

5. Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общ. ред. Ю. В. Савельева, О. В. Толстогузова. Петрозаводск, 2015.

6. Растворцева С. Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии : монография. М., 2013.

7. Розанова Л. И., Морошкина М. В. Анализ влияния процесса концентрации на развитие регионов Северо-западного федерального округа // Экономический анализ: теория и практика. 2015. №22. С. 52—62.

8. Толстогузов О. В. Дифференциация регионов России и проблемы развития приграничных регионов // Проблемы стратегии и тактики регионального развития. 2011. Т. 2. С. 153—162.

9. Часовский В. И. Основные тренды территориально-отраслевых изменений в промышленности России // Балтийский регион. 2015. №3 (25). С. 154—172.

10. Шишкин А. И., Шишкин А. А. Управление экономическими процессами в регионе (аналитика на основе практики стратегического планирования в Карелии). СПб., 2015.

11. Baumgartner D., Pütz M., Seidl I. What kind of entrepreneurship drives regional development in European non-core regions? A literature review on empirical entrepreneurship research // European Planning Studies. 2013. №21. P. 1095—1127.

12. Doloreux D., Dionne S. Is regional innovation system development possible in peripheral regions? Evidence from the case of La Pocatiere // Entrepreneurship & Regional Development. 2008. №20. P. 259—283.

13. Gardiner B., Martin R. L., Tyler P. Spatially unbalanced growth in the British economy // Journal of Economic Geography. 2013. №13. P. 889—928.

14. Isaksen A., Karlsen J. Can small regions construct regional advantages? The case of four Norwegian regions // European Urban and Regional Studies. 2013. №20. P. 243—257.

15. Kemeny T., Storper M. Is Specialization Good for Regional Economic Development? // Regional Studies. 2015. №49, vol. 6. P. 1003—1018.

16. Kortelainen J., Rannikko P. Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian Borderlands // Economic Geography. 2015. №91, vol. 1. P. 59—81.

17. Noseleit F. The Role of Entry and Market Selection for the Dynamics of Regional Diversity and Specialization // Regional Studies. 2015. №49, vol. 1. P. 76—94.

18. Onsager K., Isaksen A., Fraas M., Johnstadt T. Technology cities in Norway: Innovating in glocal networks // European Planning Studies. 2007. №15. P. 549—566.

19. Tödtling F., Trippl M. One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach // Research Policy. 2005. №34. P. 1203—1219.

20. Virkkala S. Innovation and networking in peripheral areas — a case study of emergence and change in rural manufacturing // European Planning Studies. 2007. №15. P. 511—529.

Об авторах

Николай Геннадьевич Колесников, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

E-mail: nikolaikolesnikov@yandex.ru

Олег Викторович Толстогузов, доктор экономических наук, заведующий отделом региональной экономической политики, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Россия.

E-mail: olvito@mail.ru

Для цитирования:

Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. 2016. Т. 8, №2. С. 30—47. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-2.

STRUCTURAL CHANGES IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN NORTHWEST: SPATIAL DIMENSION

N. Kolesnikov*

O. Tolstoguzov*

* *Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
50 A. Nevskogo pr., Petrozavodsk, 185030, Russia*

Submitted on February 23, 2016

This paper identifies and explains the trends in the economic transformations in the Russian Northwest (NWFD). It studies the changes in the structure of the gross regional product (GRP) and economic specialization of the NWFD regions. The authors suggest approaches to managing structural changes in the economies of the NWFD regions. The authors propose a new method for the identification of the regional economic specialization on the basis of the regional economy sectoral development rate. The article describes a methodology for identifying the development of the regional economic sectors using the 'gross value added index' calculated per capita and per sector against the national average. The article presents the analysis of the structural changes in the NWFD gross regional product. The proposed gross value added index helps to identify the upward and downward trends in each sector compared to the national average. Based on this analysis, the authors describe the nature of changes in the NWFD sectoral specialisation, which correlated with the distance to large economic centres — Moscow and St. Petersburg. The authors prove that the economic development of the Northwest macroregion follows the

'core-periphery' pattern. The regional economy structure depends on the position of a given region in relation to the core. Concrete approaches to managing structural changes in the economies of periphery regions are proposed.

Key words: economic space transformation, core-periphery, spatial inequality, structure of gross regional product

References

1. Gluschenko, K.P. 2010, Issledovaniya neravenstva po dokhodam mezhdou rossiyskimi regionami [Studies on income inequalities among Russian regions], *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], no.4, p. 88—119.
2. Doklad o mirovom razvitiy 2009: novyy vzglyad na ekonomicheskuyu geografiyu [World development report 2009: Reshaping Economic Geography], 2009, Moscow.
3. Kolesnikov, N.G. 2012, Prigranichnost' i periferiynost' kak faktory ekonomicheskogo razvitiya regiona [Borderness and peripherality as factors of economic development of a region], *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka* [North and Market: Formation of Economic Order], T. 3, no.31, p. 117.
4. Kolomak, Ye.A. 2014, Prostranstvennaya kontsentratsiya ekonomicheskoy aktivnosti v Rossii [Spatial concentration of economic activities in Russia], *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], no. 4, p. 82—99.
5. Savelyev, Yu.V., Tolstoguzov, O.V. (eds.) 2015, *Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i modernizatsii prigranichnogo regiona* [Features of the socio-economic development and modernization of a border region], Petrozavodsk.
6. Rastvortseva, S.N. 2013 *Upravleniye razvitiyem protsessov kontsentratsii ekonomicheskoy aktivnosti v regione: podkhody novoy ekonomicheskoy geografii* [Regional economic activities processes development management: new economic geography approach], Moscow.
7. Rozanova, L.I., Moroshkina, M.V. 2015, Analiz vliyaniya protsessa kontsentratsii na razvitiye regionov Severo-zapadnogo federal'nogo okruga [Analysis of the impact of processes of concentration on the development of North-West Federal District regions], *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [The economic analysis: theory and practice], no.22, p. 52—62.
8. Tolstoguzov, O.V. 2011, Differentsiatsiya regionov Rossii i problemy razvitiya prigranichnykh regionov [Differentiation of Russian regions and issues of development of border regions], *Problemy strategii i taktiki regional'nogo razvitiya* [Problems of strategy and tactics of regional development], T. 2, p.153—162.
9. Chasovskiy, V.I. 2015, Key Directions of Sectoral and Spatial Changes in the Russian Industry, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 121—134. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-3-10.
10. Shishkin, A.I., Shishkin, A.A. 2015, *Upravleniye ekonomicheskimi protsessami v regione (analitika na osnove praktiki strategicheskogo planirovaniya v Karelii)* [Management of economic processes in a region (analytics based on the practice of strategic planning in Karelia)], Saint-Petersburg.
11. Baumgartner, D., Pütz, M., Seidl, I. 2013, What kind of entrepreneurship drives regional development in European non-core regions? A literature review on empirical entrepreneurship research, *European Planning Studies*, no. 21, p. 1095—1127.
12. Doloreux, D., Dionne, S. 2008, Is regional innovation system development possible in peripheral regions? Evidence from the case of La Pocatiere, *Entrepreneurship & Regional Development*, no. 20, p. 259—283.
13. Gardiner, B., Martin, R. L., Tyler, P. 2013, Spatially unbalanced growth in the British economy. *Journal of Economic Geography*, 13, p. 889—928.

14. Isaksen, A., Karlsen, J. 2013, Can small regions construct regional advantages? The case of four Norwegian regions. *European Urban and Regional Studies*, no. 20, p. 243—257.

15. Kemeny, T., Storper, M. 2015, Is Specialization Good for Regional Economic Development? *Regional Studies*, T. 49, Vol. 6, p. 1003—1018.

16. Kortelainen, J., Rannikko, P. 2015, Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian Borderlands, *Economic Geography*, T. 91, Vol. 1, p. 59—81.

17. Noseleit, F. 2015, The Role of Entry and Market Selection for the Dynamics of Regional Diversity and Specialization, *Regional Studies*, T. 49, Vol. 1, p. 76—94.

18. Onsager, K., Isaksen, A., Fraas, M., Johnstadt, T. 2007, Technology cities in Norway: Innovating in glocal networks, *European Planning Studies*, no. 15, p. 549—566.

19. Tödting, F., Trippel, M. 2005, One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach, *Research Policy*, no. 34, p. 1203—1219.

20. Virkkala, S. 2007, Innovation and networking in peripheral areas — a case study of emergence and change in rural manufacturing, *European Planning Studies*, no. 15, p. 511—529.

About the authors

Dr. Nikolai Kolesnikov, Senior Research Fellow, the Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: nikolaikolesnikov@yandex.ru

Prof. Oleg Tolstoguzov, Head of the Department of Regional Economic Policy, the Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: olvito@mail.ru

To cite this article:

Kolesnikov N. G., Tolstoguzov O. V. Structural Changes in the Economy of the Russian Northwest: Spatial Dimension, Baltijskij region, Vol. 8, no. 2, p. 30—47. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-2.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 327

СТРАТЕГИЯ ЕС ДЛЯ РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ю. В. Косов*
Г. И. Грибанова*

* Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43.

** Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.

Поступила в редакцию 01.03.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-3

© Косов Ю. В., Грибанова Г. И., 2016

Изучается международное сотрудничество на Балтике в рамках макро-региональной стратегии Европейского союза для данного региона. Анализ основных направлений, структуры и механизмов реализации позволяет сделать вывод об экспериментальном и инновационном ее характере. В то же время выявлены проблемы и противоречия в самой идее Стратегии и применения ее в практике межгосударственных отношений балтийских государств. Главным препятствием эффективной реализации основных мероприятий, предусмотренных Стратегией, стало игнорирование России в качестве ключевого актора в регионе. Обращено внимание, что подобная ситуация возникла в условиях, когда все значимые институты сотрудничества на Балтике уже включают Россию и другие третьи страны. Отсюда подчеркивается необходимость сочетания Стратегии ЕС для Балтийского моря с уже действующим проектом «Северное измерение». В целом новизна концепции макрорегионального сотрудничества на Балтике заключается в комплексном подходе к развитию региона как целого, а не как к административной единице, в рамках которой осуществляются различные схемы сотрудничества, относящиеся к каким-то ее частям. В этом смысле, вызванная стремлением к тому, что может быть названо рациональным функционализмом, Стратегия ЕС для региона Балтийского моря вносит определенный новый смысл в понятие «регион».

Ключевые слова: стратегия ЕС для региона Балтийского моря, Северное измерение, регион, макрорегиональное сотрудничество

В последние годы сотрудничество различных стран на Балтике развивается не только в ставшем уже привычном формате двусторонних отношений или деятельности существующих не одно десятилетие организаций и программ, но и в рамках первой в истории Европейского союза макрорегиональной стратегии для данного региона.

Стратегия ЕС для региона Балтийского моря (СРБМ) [11] имеет особое значение для Европы, поскольку представляет собой инновационный и во многом экспериментальный проект. Инновационность заключается в том, что Стратегия реализуется на транснациональном уровне управления, который выходит за пределы обычного для Евросоюза регионального уровня (так называемой Европы регионов), в то же время не стремясь напрямую вовлечь в этот процесс страны, не входящие в ЕС (Европейская политика соседства). Вместо этого СРБМ самим фактом своего существования заявляет о необходимости постепенного формирования нового уровня управления в ЕС — находящегося между уровнем национального государства и всего европейского общества.

Экспериментальный характер СРБМ связан с особым геополитическим статусом региона Балтийского моря, развитие которого представляет собой пример успеха европейской интеграции в период после окончания холодной войны. Когда в 1989 г. пала Берлинская стена, большинство стран балтийского региона были вне зоны действия Европейского союза. Из семи прибрежных государств только Дания и Западная Германия были членами ЕС. Два десятилетия спустя геополитическая ситуация изменилась кардинальным образом. Восемь из девяти прибрежных государств теперь являются членами: к Дании и ФРГ добавились Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша. Два других государства, участвующих в балтийском сотрудничестве (Норвегия и Исландия), также частично интегрированы в ЕС (среди прочего посредством Европейской экономической зоны и Шенгенского соглашения). Балтийское море, таким образом, почти что стало внутренним морем Европейского союза, за одним, но крайне важным исключением, каковым является Россия. Российская Федерация со своим эксклавом Калининградом, представляя собой неотъемлемую часть региона Балтийского моря, в обозримом будущем останется вне зоны действия ЕС. Именно благодаря гибридной роли России (как участника регионального сотрудничества и как соседа ЕС) СРБМ превращается в своего рода границу между внутренней и внешней политикой Европейского союза.

Европеизация региона Балтийского моря прежде всего является результатом регионального сотрудничества, которое возникло и развивалось независимо от ЕС. Это сотрудничество привело к созданию множества транснациональных сетей, организаций и институтов, простое перечисление которых представляет собой трудность даже для специалиста. Именно разнообразие вариантов сотрудничества стало силой региона и вносит свой вклад в его репутацию своего рода лаборатории транснационального сотрудничества. Более того, это разнообразие все чаще стало восприниматься местными акторами как слабость, поскольку

ку сотрудничеству не хватало общей объединяющей цели или миссии. Такая миссия в 1990-е гг. еще была простой декларацией. Она материализовалась в активной поддержке стран восточной части Балтийского моря в их переходе от авторитаризма к демократии и от плановой к рыночной экономике. Когда страны Балтии и Польша вошли в 2004 г. в ЕС и НАТО, эта миссия по большей части оказалась выполненной. Сотрудничество в регионе Балтийского моря достигло своей высшей точки, но при этом потеряло динамику. Оно стало жертвой собственных успехов; в поисках новой миссии региональное сотрудничество вступило в полосу стагнации.

На этом фоне родилась плодотворная идея разработать Стратегию Европейского союза для региона Балтийского моря (СРБМ). Идея впервые была высказана в конце 2005 г. в Европейском парламенте Европейской Балтийской интергруппой, неформальной группой членов Европарламента под председательством британского консерватора Кристофера Бизли [6]. Первоначально эта инициатива не вызвала положительной реакции, хотя и была поддержана в резолюции, принятой Европарламентом в ноябре 2006 г. [13]. Тем не менее ни Финляндия, ни Германия в период своего председательствования в ЕС (в 2006 и 2007 г.) не захотели проявить инициативу в этом вопросе. И только правительство Швеции в преддверии своего президентства в ЕС во второй половине 2009 г., выдвинуло для обсуждения этот вопрос. В декабре 2007 г. под давлением Швеции Европейский совет согласился на следующий шаг: «Без каких-либо предубеждений по отношению к интегрированной морской политике Европейский совет предлагает Комиссии представить Стратегию ЕС для региона Балтийского моря самое позднее в июне 2009 г. Эта стратегия должна, кроме всего прочего, отвечать на неотложные экологические вызовы, связанные с Балтийским морем. Рамки Северного измерения обеспечивают основу для внешних аспектов сотрудничества в регионе Балтийского моря» [20, р. 6].

В рамках Еврокомиссии ответственность за подготовку СРБМ взял на себя Генеральный директорат по вопросам региональной политики (DG REGIO), возглавив постоянный комитет, куда также входят Генеральные директораты по морским вопросам и рыболовству (DG MARE), окружающей среде (DG ENV) и внешней политике (DG RELEX). В общей сложности в процесс подготовки проекта СРБМ было включено 19 директоратов, что стало серьезным испытанием для Еврокомиссии в целом. Общественные консультации по СРБМ были официально открыты на так называемой конференции групп интересов в Стокгольме 30 сентября 2008 г. К этому событию Еврокомиссия опубликовала рабочий доклад, в котором впервые определила основные сферы действия СРБМ: экология («сделать регион Балтийского моря (РБМ) экологически устойчивым»), экономика («сделать РБМ процветающим»), инфраструктура («сделать РБМ доступным и привлекательным») и безопасность («сделать РБМ надежным и безопасным») [16].

В последующие месяцы по каждому из этих направлений прошли круглые столы, а завершила консультационный процесс вторая конфе-

рениция групп интересов в Ростоке 6 февраля 2009 г. В РостокЕ Еврокомиссия представила «предварительный список возможных действий (для утверждения)» для СРБМ. Работа над проектом плана действий была продолжена в марте, в апреле-мае прошли консультации между различными директоратами и службами внутри Комиссии. В июне 2009 г. Комиссией был принят итоговый вариант, переданный затем в виде коммюнике в Европейский совет, который, в свою очередь, принял окончательное решение об ее утверждении на своем заседании в декабре того же года [9].

Оценивая ход работы над Стратегией, следует обратить особое внимание на три момента. Во-первых, тот факт, что рамки Стратегии были очерчены Европейским советом, сыграло важную роль в том, как впоследствии развивалась дискуссия вокруг него. В тексте, принятом в связи с СРБМ Советом, следует отметить два принципиальных момента. Один касается акцента на решение экологических проблем, особенно тех, которые связаны с судоходством. Второй — это взгляд на Балтийское море как на внутреннее море ЕС с указанием на то, что внешние отношения должны реализоваться в существующих рамках Северного измерения. В заключении Совета содержится призыв к эффективному разделению внутренней и внешней сферы проводимой политики [7, р. 443]. Интересно, что подобный взгляд вступает в противоречие с уже имеющимся опытом решения наиболее острых проблем Балтийского моря, в том числе экологических, а также вопросов судоходства, носящих транснациональный и трансграничный характер, тем самым по определению включающих государства, не являющиеся членами ЕС. Надо отметить, что подобная позиция Европейского совета принципиально отличалась от позиции, отраженной в резолюции Европейского парламента, в которой прямо говорилось о «Стратегии региона Балтийского моря для Северного измерения» и указывалось, что одна из задач резолюции — «поддержка политики Северного измерения путем определения региона Балтийского моря в качестве одной из приоритетных сфер его деятельности». Именно в связи с этим обращен призыв к Европейской комиссии подготовить проект стратегии «для усиления внутренней опоры Северного измерения» [13]. Как мы видим, Европарламент по нескольким направлениям увязывает СРБМ с Северным измерением, в то время как Европейский совет и Комиссия последовательно проводят различия между стратегией и внешними аспектами сотрудничества.

Во-вторых, важными представляются различия, касающиеся структуры управления. Еврокомиссия предложила стратегию, которая, главным образом, призвана координировать существующие инициативы и постоянно отслеживать и пересматривать прогресс, потребности и проблемы, стремясь в результате сохранить динамику Плана действий. Более того, она высказалась за то, чтобы институциональные механизмы были сведены к минимуму и не было никакого дополнительного финансирования, направленного непосредственно на СРБМ. В резолюции Парламент призвал к совершенно иному решению: частично своим

предложением проводить ежегодные саммиты государств Балтийского моря перед летним заседанием Европейского совета и расширять региональные организации внутри и вне системы ЕС. Интересно, что Парламент отмечал возможность того, чтобы эта бюджетная линия осуществлялась под эгидой Инструмента европейского соседства и партнерства (European Neighbourhood and Partnership Instrument), тем самым рассматривая Стратегию как составную часть внешней политики ЕС. Все это вместе взятое означало, что Парламент изначально рассматривал СРБМ в качестве гораздо более амбициозного плана действий, чем Еврокомиссия.

Наконец, третьим важным моментом стал характер работы по совершенствованию Стратегии. Процесс публичных консультаций, проходивший в период с августа 2008-го по февраль 2009 г., был призван не только способствовать совершенствованию Стратегии, но и облегчить процесс ее утверждения. В консультациях приняли участие государства, регионы, ряд неправительственных и международных правительственных организаций, а также отдельные граждане. В общей сложности было подготовлено 109 предложений, как в виде письменных документов, так и высказанных в устной форме на двух конференциях заинтересованных сторон (Стокгольм — август 2008-го и Ростов — февраль 2009-го) и четырех круглых столах (в Каунасе, Гданьске, Копенгагене и Хельсинки), на молодежной конференции в Гамбурге и на интернет-форуме, работавшим в ноябре-декабре 2008 г. Результатом консультаций стало определение базовых позиций, разделяемых значительным большинством участников:

- Абсолютная необходимость стратегии для региона Балтийского моря.
- Потребность интегрированного подхода для обеспечения результата.
- Важная роль Еврокомиссии в разработке Стратегии.
- Сфокусированность на конкретных проектах для получения реально зримого результата.
- Отсутствие необходимости в создании новых институтов с учетом наличия уже значительного числа действующих организаций.
- Стремление выйти за рамки пустых деклараций и работать с ведущими странами, имея конкретные цели и четко обозначенные сроки.

Итак, каков же оказался конечный результат? Прежде всего надо отметить отраженную в Стратегии озабоченность лучшей координации уже существующих рамок сотрудничества в регионе. В этом плане в Стратегии не содержится никаких новых схем сотрудничества (хотя, конечно, в основе заложена мысль о том, что лучшее размещение средств фондов и инициатив вызовет повышенную активность в региональном контексте). Скорее ключевым моментом является то, что интегрированный подход необходим для гарантирования устойчивого развития в регионе — проблемы, которые являются взаимосвязанными, в то время как существующие планы сотрудничества не достаточно эффективно скоординированы. Отсюда возможность функционального совершенствования в рамках существующего в настоящее время набора институтов, политик и финансовых средств.

В Стратегии [11] выделены четыре основных блока проблем, которые или представляют собой наибольшую угрозу региону, или характеризуются нереализованным потенциалом:

1. Улучшить экологическое состояние Балтийского моря (точнее, всего региона в целом).
2. Способствовать более сбалансированному экономическому развитию в регионе.
3. Сделать регион более доступным и привлекательным.
4. Сделать его более безопасным и надежным местом.

Эти четыре направления далее конкретизируются по 15 различным задачам, приоритетным сферам. Идея заключается в том, чтобы установить специфические конкретные цели и распределить ответственность различных государств-членов ЕС за реализацию каждой из этих задач. Всего было предусмотрено 76 мероприятий, которые, в свою очередь, содержат конкретные проекты, включающие планируемых основных партнеров, показатели, которые должны быть достигнуты и сроки проверки. Что касается методов работы, следует отметить, что Еврокомиссия представила список приоритетов в качестве динамичного документа, подлежащего периодической корректировке; логика заключается в том, что для того чтобы макрорегиональная политика была эффективной, необходимо сделать ее настолько гибкой, чтобы ее можно было адаптировать к новым обстоятельствам.

И действительно, как показала практика, Стратегия ЕС для региона Балтийского моря является «живым» документом, подвергаясь постоянным изменениям и уточнениям с целью лучшей ее адаптации к меняющимся условиям внешней и внутренней среды. С одной стороны, речь идет об уточнении целей и задач. Так, в первой половине 2012 г. под председательством Дании в Стратегии для более эффективной ее реализации были выделены три основные цели [11]:

- Спасти море.
- Соединить регион.
- Нарращивать благосостояние.

С другой — идет постоянный поиск более эффективного механизма управления в рамках сотрудничества по СРБМ, поскольку в процессе ее реализации возникает ряд проблем, как политического, так и управленческого характера, требующих эффективного разрешения.

Следует учитывать тот факт, что в ходе работы над СРБМ Еврокомиссия стремилась максимально учесть предложения, которые выдвигались различными политическими акторами в процессе проведения консультаций. В результате в значительной степени отвечающий интересам и потребностям жителей региона, отраженным в общественном мнении, документ в его окончательном виде оказался слишком широким, сложным и нередко расплывчатым. Стремясь отдать должное всем участникам процесса регионального сотрудничества, Еврокомиссия в результате в ряде случаев просто предложила новое название для тех

действий и проектов, которые и без того уже существуют, что, в свою очередь, приводит к потере из виду первоначального стратегического замысла — дать новый импульс стагнирующему сотрудничеству в балтийском регионе благодаря ясной, четко сформулированной, скоординированной и направленной на конкретные действия стратегии. Отсюда следует, что, возможно, было бы целесообразно создать более короткий, сконцентрированный вариант СРБМ, в котором содержался бы более краткий перечень наиболее значимых проектов. Однако этот отбор должен быть произведен не столько Еврокомиссией, сколько самими непосредственными участниками, которые в ряде случаев будут вынуждены пожертвовать (или, по крайней мере, умерить) своими специфическими интересами, будучи включенными в общую стратегию. Внутри государств, прежде всего таких крупных, как Германия и Польша, это связано с урегулированием отношений между центром и регионами, а также между транснациональными интересами внутри балтийского региона и Объединенной Европой в целом.

В целом можно сказать, что в отличие от определения политического насыщения Стратегии для региона Балтийского моря вопросы, связанные с системой управления, осуществляемыми в ее рамках проектами, остаются до сих пор не до конца ясными. Единственное, что было сформулировано достаточно четко, — это намерение воплощать Стратегию в жизнь путем постоянно обновляющегося плана действий, то есть плана, рассчитанного на неопределенный срок действия, в который на регулярной основе будут вноситься необходимые изменения.

Идея Еврокомиссии реализовывать Стратегию с помощью постоянно обновляющегося плана действий в ходе проводившихся консультаций получила широкую поддержку. В частности, заинтересованные стороны единодушно поддержали предложение, согласно которому каждое приоритетное действие должно быть описано путем идентификации: (1) мер; (2) временных рамок; (3) финансовых инструментов; (4) ответственных за реализацию акторов. Поддержку получила также идея о необходимости введения пятого элемента — контроля успеха путем измерения результатов. В связи с этим было предложено установить систему индикаторов или заданных стандартов для определения достигнутого прогресса [21].

Другое предложение касалось ежегодного доклада по результатам реализации Стратегии, в который целесообразно включать примеры наиболее эффективных решений по различным направлениям. Заинтересованные стороны в принципе согласились, что план действий должен подвергаться постоянному мониторингу и регулярно пересматриваться и уточняться.

Сохраняющаяся до сих пор определенная расплывчатость в отношении конкретных механизмов управления, скорее всего, связана с базовым противоречием. Прежде всего очевидна необходимость участия в реализации стратегии акторов, представляющих все уровни управления (национальный, региональный, местный) и различные сектора (го-

сударственный и частный). В то же время раздаются голоса, призывающие к «сильному лидерству», управлению по принципу «сверху вниз», которое обеспечило бы более эффективную реализацию плана действий. Лидерства по преимуществу ждут от Европейской комиссии, при том, что она сама видит себя, главным образом, в виде посредника.

Второй блок проблем управления связан с институционализацией этого процесса. В ходе консультаций в принципе была высказана поддержка уже существующим институтам сотрудничества в регионе Балтийского моря. Почти все заинтересованные стороны верят в то, что Стратегия ЕС должна реализовываться через различные уже работающие в данном регионе организации. В связи с этим часто упоминаются Хельсинкская комиссия (HELCOM) и Совет государств Балтийского моря (CBSS), призванные сыграть важную роль в будущем, поскольку они уже внесли важный вклад в подготовку Стратегии. Однако это не помешало заинтересованным сторонам призвать к реформе существующей сети институтов. В ряде случаев СРБМ рассматривается в качестве возможности для региональных организаций уточнить свои цели, направленность деятельности и лучше скоординировать свои действия с другими участниками. Короче говоря, «каждый должен делать все возможное», как это было сформулировано в итоговом документе Парламентской конференции Балтийского моря [12].

Существуют различные точки зрения по вопросу о желательности институциональной реформы. Ряд заинтересованных сторон, включая федеральное и земельные правительства ФРГ, выступают против создания новых институциональных структур, подчеркивая риск дублирования и наложения видов деятельности. Однако относительное большинство участников высказывается за определенные институциональные инновации.

Следует отметить, что сама Еврокомиссия запустила дискуссию в этом направлении предложением, сформулированным в первом рабочем варианте, начать процесс публичных консультаций для «создания структурированного и устойчивого дискуссионного форума», который может также включать «согласованные механизмы принятия решений». Идея, очевидно, пришла по душе польскому правительству, которое сочло полезным создание Форума для Стратегии ЕС по региону Балтийского моря, чтобы собрать вместе «представителей национальных, региональных и местных властей и социальных партнеров». «Местное самоуправление Дании», организация — член Союза датских муниципалитетов, также поддержала идею о «новом дискуссионном форуме для принимающих решение», который бы отслеживал и проводил мониторинг СРБМ. Наиболее далеко идущее предложение исходило от общего документа, подготовленного совместно шестью организациями (Конференцией субрегионов-государств Балтийского моря, В7¹, Еврорегионом «Балтика», Балтийским форум развития, Конференцией пе-

¹ В7 — сеть семи крупнейших балтийских островов из пяти стран.

риферийных морских регионов Европы — Комиссией по Балтийскому морю, Союзом балтийских городов) [7]. Они рекомендовали новую «модель управления», которая должна состоять из двух структур: Форума Балтийского моря и Органа, принимающего решения. Форум Балтийского моря должен осуществлять консультативные функции и быть открытым для всех, кто заинтересован в сотрудничестве в Балтийском море, включая акторов за пределами ЕС. Орган, принимающий решения же — состоять из избранных представителей различных уровней управления в регионе Балтийского моря — национальных, региональных и местных. Его основная задача заключалась бы в том, чтобы определять и согласовывать общие цели и деятельность и осуществлять мониторинг прогресса в реализации Стратегии. Обе структуры должны были возглавляться Еврокомиссией.

В результате был найден компромиссный вариант, который выразился в создании формата ежегодных Форумов СРБМ, которые проводятся с 2010 г. по очереди в государствах Балтики, являющихся членами ЕС. На них обсуждается широкий спектр вопросов, относящихся к развитию региона, с приглашением политиков, экспертов, представителей научных кругов, региональных организаций, СМИ, НКО и других заинтересованных лиц. По итогам Форума принимающей стороной готовится заключительный доклад [18], в котором подводятся итоги состоявшейся дискуссии и фиксируются наиболее интересные предложения и рекомендации.

В процессе реализации СРБМ стала очевидной необходимость не только уточнения целей и задач в зависимости от конкретного этапа, но и совершенствования самого процесса реализации их на практике. Так, 10 сентября 2015 г. Европейской комиссией была представлена обновленная версия Плана, охватывающая 13 приоритетных сфер и 4 горизонтальных действия. Особое внимание уделено упрощению процедуры реализации флагманских проектов, а также роли региональных организаций в реализации Стратегии. Для каждого из проектов сотрудничества определяется собственный лидер из числа балтийских стран-членов ЕС, региональных организаций, ассоциаций предпринимателей или НКО, которые несут ответственность за координацию действий по реализации соответствующего пункта Плана [4].

Значительное внимание уделяется привлечению новых участников в проекты СРБМ, в создание благоприятного общественного мнения вокруг ее проектов и программ. Этому, в частности, способствует хорошо продуманная ПР деятельность, примером которой может служить издание в марте 2014 г. Шведским агентством по экономическому и региональному росту (*Tillväxtverket*) специального пособия «Введение в Стратегию для региона балтийского моря для начинающих» [3].

Одним из центральных вопросов на всех этапах разработки, принятия и реализации СРБМ было финансирование. В ведущихся дискуссиях как на начальном этапе, так и сегодня, доминируют две идеи. Во-первых, Стратегия для региона Балтийского моря должна реализовываться за

счет всех доступных источников финансирования, то есть Европейского союза, государств, являющихся его членами и международных финансовых институтов (МФИ), а также частного капитала. Во-вторых, акцент должен делаться на совершенствовании способов координации различных финансовых инструментов, то есть повышении их эффективности и результативности. Призыв Европейского парламента «выделить отдельную бюджетную линию ЕС для Стратегии Балтийского моря» был поддержан правительствами Польши и Литвы [7, р. 448]. Однако большинство заинтересованных сторон согласны с желанием Еврокомиссии, чтобы финансирование Стратегии шло по уже существующим финансовым каналам. В результате на время идея новой бюджетной линии ЕС для Стратегии отложена. Вместо этого было высказано соображение о том, что самого серьезного внимания заслуживает идея, высказанная правительством Швеции и корпорацией *BaltMet*, о том, что все финансирование для данного региона должно быть транспарентным и наглядным. В результате было принято решение в пользу составления «своего рода бюджета», который не является в строгом правовом смысле этого слова бюджетом, а скорее представляет собой балансовый отчет, в котором четко указываются источники финансирования и пути использования фондов, связанные с СРБМ.

Несмотря на то что существует общее согласие по поводу ограниченности доступных фондов, это не означает отсутствия возможности найти дополнительные финансовые ресурсы. Так, правительство Швеции сочло необходимым привлечь особое внимание к до сих пор не упоминавшимся в связи с СРБМ источникам финансирования. Прежде всего речь шла о решении Северного инвестиционного банка (СИБ) создать собственный отдел по финансированию экологических мероприятий в Балтийском море, который призван облегчить реализацию плана действий HELCOM. Шведское правительство также указало на Европейский фонд соседских инвестиций (European Neighbourhood Investment Fund), который ставит своей целью поддерживать инвестиции, особенно в наиболее крупные проекты, касающиеся транспортных инфраструктур, в значительно большей степени, чем существовавшие до него механизмы ЕС.

Несмотря на несомненные успехи в реализации СРБМ сегодня становятся все более очевидными и определенные проблемы и противоречия, носящие как внутренний, так и внешний по отношению к ЕС характер. Ключевыми из них, собственно говоря, являются две — управление реализацией Стратегии и отношения с Россией.

Не вызывает сомнения тот факт, что СРБМ придала новый динамизм сотрудничеству в регионе Балтийского моря, однако многие вопросы, связанные в первую очередь с политическим лидерством, финансированием и процедурами принятия решений, пока остаются нерешенными. Европейская комиссия, которая, как планировалась, должна играть ведущую роль в управлении реализацией Стратегии, и без того в связи с нарастанием кризисных явлений в Евросоюзе перегружена работой и не способна в данный момент контролировать ход макро-

региональных программ. Отсюда стремление переложить значительную часть ответственности на государства, непосредственно заинтересованные в региональном сотрудничестве. Определенные шаги в этом направлении уже были сделаны, но до сих пор Еврокомиссия убеждена, что сами балтийские страны недостаточно активны по таким вопросам, как координация действий в приоритетных сферах, лидерство в горизонтальных действиях и флагманских проектах и т. п. [8]. В частности, они крайне неохотно идут на использование денег, получаемых каждой из них от структурных фондов ЕС, для достижения целей, поставленных СРБМ, не говоря уже о собственных ресурсах для стимулирования трансграничного сотрудничества. Так, возникают сомнения по поводу самой приверженности государств Балтийского региона идеям, заложенным в СРБМ, или, по крайней мере, готовности ради их реализации поступиться какими-то сугубо национальными приоритетами.

В то же время необходимо учитывать и опасения самих балтийских стран по поводу нарастающей бюрократизации в управлении СРБМ: растущие требования к оформлению документов и сложность их прохождения неминуемо ведет к снижению эффективности предпринимаемых действий. В принципе, это вполне объяснимо, поскольку, как мы уже отмечали, с самого начала декларировалась приверженность принципу трех «нет» («нет» новым институтам, «нет» новым фондам, «нет» новому законодательству). Иначе говоря, приходится обходиться уже имеющимися ресурсами, правовыми и административными рамками, которые не всегда могут соответствовать новым задачам, поставленным перед участниками СРБМ. Не случайно в настоящее время по этому вопросу ведутся оживленные дискуссии, одним из инициаторов которых выступает, в частности, Балтийский форум развития [8].

Однако главный вопрос заключается в том, чего же хотят достичь в результате СРБМ: установить всеобъемлющий контроль ЕС за сотрудничеством на Балтике или дать новый импульс развитию европейского макрорегиона, который считает необходимым собственными силами реализовывать сотрудничество между всеми заинтересованными сторонами, включая те, которые не входят в ЕС?

Несмотря на свою притягательность, идея СРБМ с самого начала вызывала определенные сомнения с точки зрения внешней перспективы, поскольку практически игнорировала Россию в качестве ключевого фактора потенциального успеха стратегии, как на стадии выработки стратегии, так и в ходе ее реализации. И это в ситуации, когда все значимые институты сотрудничества на Балтике уже включают Россию и другие третьи страны.

В итоговом документе заседания Европейского совета, состоявшегося в декабре 2007 г., содержится единственная фраза, касающаяся внешнего по отношению к ЕС фактора управления СРБМ: «Рамки Северного измерения должны обеспечить базу для внешних аспектов сотрудничества в регионе Балтийского моря» [10]. Такая формулировка говорит о различии между внешним и внутренним измерением сотрудничества в Балтийском море, чего не существовало ранее, по крайней

мере с точки зрения институционального дизайна. Поэтому, поскольку сотрудничество в Балтийском море должно быть интегрировано в макрорегиональную стратегию ЕС, возникает вопрос, касающийся того, могут ли третьи страны участвовать в этом сотрудничестве, а если могут, то каким именно образом. В принципе, это касается не только России, но в определенной степени затрагивает Норвегию и Исландию, Украину и Беларусь, которые также находятся в бассейне Балтийского моря и, таким образом, вовлечены в определенные, прежде всего экологические, аспекты регионального сотрудничества.

Значительное большинство заинтересованных сторон приветствует стремление сделать Северное измерение (СИ) внешней опорой СРБМ. В то же время правительства Германии и Дании, подчеркивая свое желание продолжать вовлекать Россию в региональное сотрудничество, избегают прямой поддержки идеи использования в этих целях СИ. Только Балтийский институт Финляндии считает СИ малопригодным для «обеспечения российского измерения политики ЕС в отношении Балтийского моря», поскольку СИ «даже близко не подходит к тому, чтобы охватить весь спектр проблем сотрудничества в Балтийском море» [10]. В реальности СИ, по сути, состоит из двух видов партнерства: в сфере экологии и здравоохранения. В настоящее время идет формирование партнерства также в сфере транспорта и логистики [1]. Сотрудничество с Россией и другими третьими странами происходит в рамках таких организаций, как Совет государств Балтийского моря или ХЕЛКОМ, а также вне специфических институциональных рамок, как в случае с Европейской морской политикой. Интересно отметить, что в ходе консультаций все заинтересованные стороны, за исключением правительства Эстонии, назвали одно или несколько направлений сотрудничества, где они считают вовлечение России желательным или необходимым [15, р. 87]. Собрав эти предложения воедино, можно определить 37 различных проблем, по которым было упомянуто вовлечение России. Эти 37 проблем затрагивают все четыре сферы плана действий Стратегии. Таким образом, возникает естественный вопрос, каким образом может быть ликвидирован разрыв между желаемым и реально существующим уровнем сотрудничества ЕС и России в регионе Балтийского моря. Несмотря на то что в большинстве документов этот вопрос обходится молчанием, в принципе европейские аналитики говорят о возможности следующих подходов.

Первый — может быть описан как ориентация на сохранение статус-кво, поскольку он нацелен на сохранение существующей в настоящее время гибкой архитектуры сотрудничества на Балтийском море, которое происходит как в рамках СИ, так и за его пределами. Иллюстрацией данного подхода может служить позиция правительства ФРГ, которое выступает за применение «вариативных географических ограничений в зависимости от предмета» [15, р. 119]. Соответственно, отдельные программы ЕС могут быть открыты для участия третьих стран. Так, земля Мекленбург-Померания выступила с предложением использовать такой подход в отношении программы «Европа для граждан».

Этот гибкий подход имеет два преимущества. Во-первых, он может быть реализован без существенных институциональных изменений. Во-вторых, такие страны, как Украина и Беларусь, которые не считаются «северными», легко могут быть вовлечены в сотрудничество. Однако в целом такой гибкий подход не совместим с идеей превращения СИ во внешнюю опору СРБМ.

Второй — подчеркивает региональное измерение субнациональных уровней сотрудничества с Россией и другими третьими странами. Это принципиальная идея шести организаций Балтийского моря (Конференция субрегионов государств Балтийского моря, В7, Еврорегион «Балтика», Балтийский форум развития, Конференция периферийных морских регионов Европы — Комиссия по Балтийскому морю, Союз балтийских городов), которые предложили специальный флагманский проект под названием «Инкорпорирование внешнего измерения Балтийского моря» [17]. Согласно этому предложению внешнее измерение СРБМ должно включать Россию, Украину и Беларусь и реализовываться, главным образом, при помощи средств парадипломатии, в рамках которой основная роль отведена субнациональным единицам — регионам и городам. Этот подход также имеет то преимущество, что позволяет почти не менять существующую институциональную структуру СИ, поскольку сотрудничество с третьими странами будет осуществляться преимущественно в соответствии с «логикой неформальных институтов». Аналогичное, хотя и не столь детально проработанное, предложение исходило и от земли Гамбург [21, р. 12]. В этом предложении особый акцент делается на расширении и углублении сотрудничества с Северо-Западной Россией, включая «форум для обсуждения противоречий», который может со временем стать «моделью для сотрудничества с другими российскими регионами». Польский конвент маршалов также выступает за развитие «новых инструментов развития сотрудничества между ЕС и Россией», в которое по преимуществу были бы вовлечены «неправительственные организации, местные и региональные власти и институты образования и культуры».

Наконец, третий подход делает акцент на институциональном развитии самого Северного измерения. Было высказано несколько предложений, в которых излагается идея добавления новых видов партнерства в СИ или модификации уже существующих с тем, чтобы они стали соответствовать целям и задачам Стратегии. Так, например, с призывом к институциональной модификации в сфере охраны окружающей среды выступила Европейская балтийская интергруппа. Европейский парламент хочет вовлечь Калининград в существующее в рамках СИ партнерство в сфере здравоохранения. В других предложениях делается акцент на Совет государств Балтийского моря, который вместе с СИ «обеспечивает прочную основу для реализации внешних аспектов Стратегии» [19].

В целом за прошедший период четкий ответ, каким образом следует наиболее эффективно решать проблемы, связанные с участием не яв-

ляющей членом ЕС России во внутривосточной программе, так и не был получен. Более того, в ситуации явного ухудшения отношений РФ с Европейским союзом, введения обеими сторонами режима санкций, нарастания взаимного недоверия и обид сам процесс региональной интеграции в рамках Балтийского моря оказывается под угрозой. В то же время обе стороны осознают необходимость углубленного сотрудничества, взаимную заинтересованность в устойчивом развитии региона. Это противоречие ярко проявилось, с одной стороны, в замораживании (впервые за 22 года) запланированного на лето 2014 г. саммита Совета государств Балтийского моря в Турку (Финляндия) из-за событий на Украине [2], с другой — в факте успешного проведения, как в 2014-м, так и в 2015 г. Балтийского форума развития с активным участием России [5].

Проблема усугубляется тем обстоятельством, что и отношение России к Стратегии ЕС для региона Балтийского моря далеко не однозначно. На начальном этапе она вызывала критику с российской стороны, считавшей ее избыточной и потенциально разрушительной для уже сложившихся в рамках Балтийского моря региональных структур. При этом особое беспокойство как российской, так и финской стороны вызывала сложность соотношения СРБМ с Северным измерением. Однако сегодня Россия занимает более конструктивную позицию по отношению к Стратегии, хотя в полной мере ее позиция пока не сформулирована.

Таким образом, совершенно очевидно, что как бы ни подчеркивался «внутренний» характер Балтийского моря, решение его проблем невозможно без активного включения в этот процесс России. Соответственно, СРБМ стал важнейшим проектом не только в рамках внутренней политики ЕС, но и в контексте отношений России и ЕС.

Результатом успешной реализации СРБМ может стать создание трансграничной зоны интенсивного сотрудничества и использование подобного рода проектов для других регионов, как в рамках ЕС (здесь уже было озвучено предложение о разработке аналогичной стратегии для дунайского региона), так и за его пределами, в том числе в рамках евразийской интеграции.

Новизна концепции макрорегионального сотрудничества на Балтике заключается в комплексном подходе к развитию региона как целого, а не как к административной единице, в рамках которой осуществляются различные схемы сотрудничества, относящиеся к каким-то ее частям. В этом смысле вызванная стремлением к тому, что может быть названо рациональным функционализмом, концепция в действительности вносит определенный новый смысл в понятие «регион». Зависит ли успех макрорегионального подхода от правильного экономикогеографического приложения сил или он связан в том числе и с наличием определенного уровня региональной идентичности (культурной гомогенности) остается открытым вопросом. При разработке Стратегии для региона Балтийского моря часто подчеркивалось, что именно этот регион

может служить своего рода тестом, с одной стороны, из-за его потребностей и проблем, с другой — из-за наличия достаточно высокого уровня взаимозависимости, наличия общих институтов и региональной идентичности или, по крайней мере, культурной близости — иначе говоря, всех тех элементов, которые, по мнению большинства исследователей, составляют сущность региона и выступают в качестве благоприятных предпосылок регионального развития.

Список литературы

1. Меморандум о взаимопонимании, устанавливающий механизм учреждения Партнерства «Северного измерения» в области транспорта и логистики. URL: http://www.mintrans.ru:8080/prensa/PSITL/PSITL_Memorandum.htm (дата обращения: 02.11.2015).
2. На Балтику повеяло с Украины. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2744421> (дата обращения: 14.09.2015).
3. *A Beginner's Guide to the Baltic Sea Region Strategy*. URL: <http://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/590663/Handbook%20for%20EUSBSR%20beginners.pdf> (дата обращения: 17.08.2015).
4. *A revised Action Plan of the EUSBSR is ready*. 10/06/2015. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/macro-regional-strategies/baltic-sea/#1 (дата обращения: 14.09.2015).
5. *BDF Summit 2015: Exploring the State of the Region*. URL: <http://www.bdforum.org/bdf-summit-2015-exploring-state-region/> (дата обращения: 14.11.2015).
6. *Beazley C. Europe's Strategy for the Baltic Sea Region*. URL: <https://www.msz.gov.pl/resource/0f1a87ba-5ff2-48f4-80ba-c2f66dbd6360:JCR> (дата обращения: 22.01.2016).
7. *Bengtsson R. Sweden and the Baltic Sea Region // The Oxford Handbook of Swedish Politics*. Oxford, 2016. P. 442—461.
8. *Brask H. Governance crisis in the Baltic Sea region cooperation?* April 24, 2014. URL: <http://www.bdforum.org/hans-brask-governance-crisis-baltic-sea-region-cooperation/> (дата обращения: 05.02.2016).
9. *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region*. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/com_baltic_en.pdf (дата обращения: 17.08.2015).
10. *EU Baltic Sea strategy. Report for the Konrad-Adenauer-Stiftung*. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_16867-1522-2-30.pdf?090622102744 (дата обращения: 24.10.2015).
11. *EU Strategy for the Baltic Sea Region*. URL: <http://www.balticsea-region-strategy.eu> (дата обращения: 11.01.2015).
12. *European Commission Consultation on the EU Strategy for the Baltic Sea Region. Views of the Baltic Sea Parliamentary Conference*. Copenhagen, 17 December 2008. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/baltic/doc/organisation/baltic_parlconf.pdf (дата обращения: 27.08.2015).
13. *European Parliament resolution on a Baltic Sea Region Strategy for the Northern Dimension (2006/2171(INI))* URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-ТА-2006-0494&language=EN&ring=A6-2006-0367> (дата обращения: 09.08.2015).

14. *European Union Strategy for the Baltic Sea Region*. 25.11.2015. URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/baltic-sea-region/european-union-strategy-for-the-baltic-sea-region> (дата обращения: 11.09.2015).

15. *The Baltic Security Puzzle: Regional Patterns of Democratization, Integration, and Authoritarianism*. L., 2015.

16. *Nacchia Ch.* *European Union Strategy for the Baltic Sea Region: A Pilot Strategy for Other Regions?* URL: <http://www.rug.nl/research/portal/files/23685728/13Nacchiafinal.pdf> (дата обращения: 22.11.2015).

17. *Nikolova I.* *The EU Strategy for the Baltic Sea Region and the Presence of Russia*. URL: <https://dspace.mah.se/bitstream/handle/2043/14531/The%20EU%20Strategy%20for%20the%20Baltic%20Sea%20Region%20and%20the%20Presence%20of%20Russia.pdf?sequence=2> (дата обращения: 22.11.2015).

18. *Report. Achieving E-Quality by Connecting the Region*. The VI Annual Forum of the European Union Strategy for the Baltic Sea Region 15—16 June 2015, Jūrmala, Latvia. URL: http://www.mfa.gov.lv/images/2015_07_31_AF_REPORT_LIIA.pdf (дата обращения: 29.10.2015).

19. *The EU Strategy for the Baltic Sea Region*. The second year of implementation. Position paper of the BSSSC. 2011. URL: <https://www.msz.gov.pl/resource/710af452-33d7-4923-a5ab-20b31012f98e:JCR> (дата обращения: 17.11.2015).

20. *The European Union Strategy for the Baltic Sea Region: background and analyses*. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/cooperate/baltic/pdf/2010_baltic.pdf (дата обращения: 25.12.2015).

21. *Wiedemann J.* *The European Union Baltic Sea Strategy and Baltic Sea Region Programme*. München, 2013.

Об авторах

Юрий Васильевич Косов, доктор философских наук, профессор, заместитель директора, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

E-mail: kosov@szags.ru

Галина Исааковна Грибанова, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: GGribanova@yandex.ru

Для цитирования:

Косов Ю. В., Грибанова Г. И. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: проблемы и перспективы международного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 48—66. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-3.

STRATEGY FOR THE BALTIC SEA REGION:
CHALLENGES AND PERSPECTIVES OF INTERNATIONAL COOPERATION

Yu. Kosov*
G. Gribanova**

*North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
57/43 Sredny Prospekt V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia.

**A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moyki nab., Saint Petersburg, 191186, Russia

Submitted on March 1, 2016

This article describes the main characteristics of international cooperation in the Baltic Sea Region (BSR) within the framework of the EU macroregional strategy. The analysis of the key directions, structure, and the Strategy implementation mechanisms demonstrates its experimental and innovative nature. At the same time, the authors identify problems and contradictions in the very idea of the Strategy, as well as its actual implementation in intergovernmental relations of the BSR countries. The main factor hampering the Strategy activities is ignoring the key role of Russia the BSR. At the same time, Russia and some non-BSR countries are already members of all significant BSR cooperation instruments. Therefore, there is a need to supplement the EU Strategy for the Baltic Sea Region with the Northern Dimension project. The innovative nature of macroregional cooperation in the Baltic Sea region is manifested in interpreting the region as an indivisible whole rather than an administrative unite serving as a platform for various cooperation programmes implemented in its different parts. From this point of view, the Strategy for the Baltic Sea region, apparently inspired by 'rational functionalism', can assign a new meaning to the concept of the region.

Key words: The EU Strategy for the Baltic Sea Region, Northern Dimension, region, macroregional cooperation

References

1. *Memorandum o vzaimoponimanii, ustanavlivajushij mechanism uchrezdenija Partnerstva "Severnogo ismerenija" v oblasti transporta I logistiki* [The Memorandum of Understanding establishes mechanist Partnership institution "Northern istereniya" in the field of transport and logistics], 2009, Neapol, available at: http://www.mintrans.ru:8080/prensa/PSITL/PSITL_Memorandum.htm (accessed 02.11.2015).
2. *Na Baltiku poveyalo s Ukrainy* [Baltic wafted from Ukraine], 2015, *Kommersant*, 9 June, available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2744421> (accessed 14.09.2015).
3. *A Beginner's Guide to the Baltic Sea Region Strategy*, 2015, available at: <http://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/590663/Handbook%20for%20EUSBSR%20beginners.pdf> (accessed: 17.08.2015).

4. *A revised Action Plan of the EUSBSR is ready*, 2015, June, available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/cooperation/macro-regional-strategies/baltic-sea/#1 (accessed: 14.09.2015).
5. *BDF Summit 2015: Exploring the State of the Region*, 2015, available at: <http://www.bdforum.org/bdf-summit-2015-exploring-state-region/> (accessed: 14.09.2015).
6. Beazley, C. *Europe's Strategy for the Baltic Sea Region*, 2016, available at: <https://www.msz.gov.pl/resource/0f1a87ba-5ff2-48f4-80ba-c2f66dbd6360:JCR> (accessed: 22.01.2016).
7. Bengtsson, R. 2016, Sweden and the Baltic Sea Region. In: Pierre, J. (ed.) *The Oxford Handbook of Swedish Politics*, Oxford, p. 442—461.
8. Brask, H. 2014, *Governance crisis in the Baltic Sea region cooperation?* April 24, available at: <http://www.bdforum.org/hans-brask-governance-crisis-baltic-sea-region-cooperation/> (accessed 05.02.2016).
9. Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions, 2009, *Concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region*, Brussels, 10 June, available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/com_baltic_en.pdf (accessed: 17.08.2015).
10. EU Baltic Sea strategy, 2009, *Report for the konrad-adenauer-stiftung*, London office, available at: http://www.kas.de/wf/doc/kas_16867-1522-2-30.pdf?090622102744 (accessed 24.10.2015).
11. *EU Strategy for the Baltic Sea Region*, 2015, available at: <http://www.balticsea-region-strategy.eu> (accessed 11.01.2015).
12. European Commission Consultation on the EU Strategy for the Baltic Sea Region, 2008, *Views of the Baltic Sea Parliamentary Conference*, Copenhagen, 17 December 2008, available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/baltic/doc/organisation/baltic_parlconf.pdf (accessed 27.08.2015).
13. *European Parliament resolution on a Baltic Sea Region Strategy for the Northern Dimension*, 2006, 2171(INI), available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2006-0494&language=EN&ring=A6-2006-0367> (accessed 09.08.2015).
14. *European Union Strategy for the Baltic Sea Region*, 2015, 25 November, available at: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/baltic-sea-region/european-union-strategy-for-the-baltic-sea-region> (accessed 11.09.2015).
15. Hampton, M., Hancock, D. (eds.) 2015, *The Baltic Security Puzzle: Regional Patterns of Democratization, Integration, and Authoritarianism*, London, 224 p.
16. Nacchia, Ch. 2015, *European Union Strategy for the Baltic Sea Region: A Pilot Strategy for Other Regions?* available at: <http://www.rug.nl/research/portal/files/23685728/13Nacchiafinal.pdf> (accessed 22.11.2015).
17. Nikolova, I. 2010, *The EU Strategy for the Baltic Sea region and the Presence of Russia*, Malmö University, available at: <https://dspace.mah.se/bitstream/handle/2043/14531/The%20EU%20Strategy%20for%20the%20Baltic%20Sea%20Region%20and%20the%20Presence%20of%20Russia.pdf?sequence=2> (accessed 22.11.2015).
18. Report. Achieving e-quality by connecting the region, 2015, *The vi annual forum of the European Union strategy for the Baltic Sea region*, 15—16 June, Jūrmala, Latvia, available at: http://www.mfa.gov.lv/images/2015_07_31_AF_REPORT_LIIA.pdf (accessed 29.10.2015).
19. The EU Strategy for the Baltic Sea Region. The second year of implementation, 2011, *Position paper of the BSSSC*, available at: <https://www.msz.gov.pl/resource/710af452-33d7-4923-a5ab-20b31012f98e:JCR> (accessed 17.11.2015).

20. *The European Union Strategy for the Baltic Sea Region: background and analyses*, 2015, available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/cooperate/baltic/pdf/2010_baltic.pdf (accessed 25.12.2015).

21. Wiedemann, J. 2013, *The European Union Baltic Sea Strategy and Baltic Sea Region Programme*, München, 28 p.

About the authors

Prof. Yuri Kosov, Deputy Director, North-West Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: kosov@szags.ru

Prof. Galina Gribanova, Head of the Department of Political Science, the Faculty of Social Sciences, A. I. Herzen Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: GGribanova@yandex.ru

To cite this article:

Kosov Yu., Gribanova G. EU Strategy for the Baltic Sea Region: Challenges and Perspectives of International Cooperation, *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 2, p. 48—66. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-3.

УДК 327.81

**МЕХАНИЗМЫ
ОБОСНОВАНИЯ
НОРВЕЖСКОЙ
ПОЛИТИКИ СМР
В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ПРОЦЕССОВ**

М. А. Буланакова*

Изучаются основные инструменты норвежской политики СМР на современном этапе. Анализируются усиление финансовой политики, основные механизмы обоснования участия Норвегии в СМР, рассматриваются внешнеполитические задачи скандинавского государства, реализуемые в контексте помощи. Рассматривается ряд характерных черт норвежской политики развития, изучение которых представляется важным для понимания специфики современной практики международной помощи. Реализация политики развития по каналам билатеральной и мультилатеральной помощи представляется значимым механизмом продвижения экономических и политических интересов Норвегии и выступает в качестве значимого предмета исследования. Важным для анализа в рамках статьи представляется также вопрос эволюции целей и институтов политики СМР в международной практике. Особое внимание уделяется современному повороту политики СМР к вопросам эффективности международной помощи и развития социального вектора сотрудничества через привлечение НПО, частного бизнеса и инвестирования в социальные сферы. Важным пунктом анализа представляется позиция норвежского правительства по вопросам оказания гуманитарной помощи в условиях кризисов и вооруженных конфликтов. В контексте обозначенных проблем исследуются конкретные примеры норвежской политики СМР.

* Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43.

Поступила в редакцию 20.02.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-4

© Буланакова М. А., 2016

Ключевые слова: Политика Содействия международному развитию, донор, страна-реципиент, ОПР, НОРАД, «Нефть для развития»

С момента своего зарождения, после окончания Второй мировой войны, политика Содействия международному развитию (СМР) была направлена на формирование и продвижение основ либерального порядка в периферийных

регионах мира. Основ, приближавших развивающиеся государства к западным моделям политического управления и экономического развития. Политика СМР разрабатывалась в интересах экономических лидеров международной системы, а также в целях обеспечения их национальных интересов в области безопасности [1, с. 79]. В современных внешнеполитических стратегиях развитых государств политика СМР рассматривается как значимый инструмент продвижения интересов государств-доноров в слаборазвитых регионах мира, а также как значимый ресурс собственного развития доноров. В обращении к студентам Вирджинского университета в 2013 г. госсекретарь США Дж. Керри назвал политику СМР долгоиграющими «инвестициями в сильную Америку в свободном мире» [22, р. 41].

Традиционно политика СМР реализуется на основе предоставления кредитов, технической помощи, прямой финансовой поддержки бюджетов развивающихся государств с целью обеспечения экономического роста и утверждения на периферийном политическом пространстве демократических форм правления. Мотивация доноров в ходе реализации политики СМР определяется широким кругом задач. Как отмечают К. Нил и С. Маркова, «большинство таких мотивов можно отнести к одной из трех категорий: 1) ценности морального характера и связанные с развитием; 2) экономические и торговые интересы; 3) соображения национальной безопасности» [2, с. 66].

Политика СМР продолжительный период складывалась под влиянием колониальной истории стран-доноров, их геополитических интересов, а также под воздействием общей альтруистической логики международного сообщества [6, р. 1388]. На современном этапе, когда политика СМР становится внешнеполитическим инструментом быстро развивающихся государств, появляются и новые подходы в понимании самой помощи. Важным международным аспектом этого явления следует назвать формирование новых механизмов, продвигающих на глобальный уровень *не-западные* модели регулирования международных процессов [25, р. 1, 9]. Быстро растущие экономики, к которым прежде всего относят Китай, Индию, Бразилию, активно используют возможности политики СМР в мире.

Одновременно с этим принципы и критерии политики СМР, выработанные на протяжении более чем полувека деятельности Комитета по содействию развитию ОЭСР, отчасти не признаются, отчасти размываются такими «новыми донорами» в контексте их активной экономической экспансии в слаборазвитых регионах мира. Для традиционных доноров растущая конкуренция с *не-западными* игроками стала сигналом для модернизации инструментов политики СМР.

Существенным стимулом для модернизации практики содействия международному развитию послужили те изменения, которые были порождены существенным ростом макроэкономических показателей развивающихся стран. «В 2014 году показатели темпов роста развитых экономик колебались около 2%, а соответствующий показатель для

развивающихся экономик составил 4,8%. По данным Всемирного банка, эта тенденция сохраняется. В 2010 году, доля в мировом ВВП стран, не входящих в ОЭСР, впервые превысила показатели стран-членов ОЭСР» [26, p. 10].

Растущее влияние развивающихся экономик подталкивает традиционных доноров к новой повестке дня: внедрение во внешнеполитическую практику развитых государств международных критериев эффективности помощи; расширение круга участников процесса Официальной политики развития (ОПР) посредством активного привлечения гражданского общества, неправительственных организаций, частного бизнеса; более широкое развитие программ сотрудничества гуманитарного цикла — увеличение финансирования образовательной политики, политики здравоохранения, в целом — развития человеческого потенциала; усиление вектора ОПР посредством развития мультilaterальной составляющей содействия международному развитию и др.

Более ощутимую роль в развитии беднейших государств начинают играть прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и частный капитал. Развитие и экономический рост представляется для реципиентов помощи ведущей задачей, а важным стимулом развития выступают взаимосвязанные процессы экономической интеграции, международной торговли, внешних инвестиций в экономику слабых стран. В XXI в. СМР больше не является единственным источником роста для большинства стран-реципиентов. Наблюдается сокращение относительного значения политики СМР в регулировании международных процессов. Если в 1990 г. 63% всех вложений в развивающиеся страны шло по каналам ОПР, то в 2013 г. эта цифра составила лишь 21% от общей суммы помощи.

В то же время политика СМР интерпретируется в качестве одного из значимых финансовых потоков наряду с торговлей, внешними и внутренними инвестициями, международной системой кредитования и др. Нельзя утверждать, что реципиенты помощи способны развиваться без той поддержки, которую они получают по всем направлениям СМР.

Среди последовательных сторонников усиления политики СМР выступает Норвегия. Являясь «классическим донором» и членом Комитета содействия развитию ОЭСР, это скандинавское государство выступает активным проводником идеи реформирования сложившейся модели политики СМР.

Настоящее исследование посвящено вопросам обоснования и мотивации политики СМР в контексте внешнеполитической деятельности Норвегии. Цель работы — изучение основных векторов современной деятельности скандинавского государства в области содействия международному развитию, а также тому, как посредством данной политики Норвегия продвигает свой опыт развития и участвует в реформировании механизмов СМР.

Показатели участия государства в глобальной СМР столь существенны, что Норвегию называют одним из наиболее эффективных участников международного сотрудничества по линии взаимодействия

развитых экономик и государств третьего мира. Объем донорской помощи Норвегии за последние годы был равен примерно 0,93 % ежегодного валового национального дохода Норвегии.

Бюджет норвежской политики развития на 2016 г. считается рекордным и утвержден в размере 33,6 млрд норвежских крон, что составляет 1 % планируемого валового национального дохода за 2016 г. По сравнению с 2015 г. объем финансирования возрастает на 575 млн крон. Норвегия является одной из трех стран-членов ОЭСР, которая реализует столь высокий показатель финансирования СМР наряду со Швецией и Люксембургом [8].

Высокие объемы финансирования политики развития, которую Норвегия осуществляет в странах Африки, Азии, Латинской Америки, требуют обоснования и легитимного обеспечения в контексте внешней политики Норвегии. За последние годы правительство Эрны Сульберг (*Erna Solberg*) разработало и предложило на обсуждение парламента принципиальные документы, определяющие стратегические задачи и направления норвежской политики СМР. Среди таких документов следует назвать: Белые книги «Образование для развития (2013—2014)» [7]; «Возможности для всех: Права человека во внешней политике Норвегии и сотрудничестве развития (2014—2015)» [21]; «Работая вместе: частный сектор развития в контексте норвежского содействия развитию (2014—2015)» [26]. Они получили стратегическое звучание и послужили основанием для оценки, переосмысления и развития политических стратегий участия Норвегии в современных процессах развития и помощи отсталым государствам и регионам. Пересмотр стратегии норвежской СМР отчасти поспособствовал увеличению бюджета внешней политики Норвегии в целом и политики СМР в особенности.

Официальное обоснование растущих объемов финансирования политики развития содержит несколько базовых аргументов. Во-первых, это особая роль политики СМР в контексте внешней политики Норвегии в целом. Стремление оставаться конкурентоспособным игроком в системных международных процессах на волне глобализации подталкивает это скандинавское государство к активному использованию в репертуаре своей внешнеполитической деятельности традиционных инструментов западной политики, таких как обеспечение национальной безопасности в контексте североатлантической системы отношений; поддержание единства западных ценностей и европейской идентичности в деятельности международных организаций; укрепление политики содействия международному развитию посредством увеличения бюджета, реформирования инструментов СМР, сближения потенциалов билатеральной помощи и глобальных стратегий развития.

Во-вторых, при выявлении мотивации норвежской политики развития специалисты нередко упоминают фактор «гуманитарного интернационализма» [3, с. 144], что означает высокую моральную ответственность, которую берет на себя Норвегия как развитое государство перед менее развитыми странами в сфере оказания помощи развитию. Фактор

«гуманитарного интернационализма» понимается как одна из самых характерных черт норвежской политики СМР и демонстрирует исключительный приоритет социальных задач развития во внешней политике Норвегии.

Позиция Норвегии по вопросам международного развития и ее активная политика СМР также определяется задачами по координации взаимодействия со скандинавскими странами в области внешней политики, как в рамках Северной Европы, так и в европейском регионе в целом. Это третий, не менее значимый, мотив активного финансирования норвежской политики СМР. Более того, Норвегия участвует в разнообразных партнерствах европейских государств по вопросам усиления и координации политики развития, тем самым получая дополнительный стимул в продвижении собственных интересов в области содействия развитию. К числу таких устойчивых групп следует отнести Нордик плюс (*Nordic Plus*) — группу северных стран, которые заявляют об общих подходах и видении сотрудничества в области развития. Также следует отметить Партнерство по активизации развития (*The EnDev partnership*) в составе шести европейских стран, координирующее взаимодействие с энергетическими компаниями стран-реципиентов; Ассоциацию европейских финансовых институтов развития (*Association of European Development Finance Institutions*), включающую 15 финансовых институтов, поддерживающих частный сектор в развивающихся странах [12, p. 16—18].

Институциональная структура политики СМР в Норвегии на современном этапе также претерпевает существенные преобразования и представляется гибкой, способной отвечать на современные вызовы. Реализация политики содействия развитию координируется Министерством иностранных дел Норвегии. Министерство ответственно за принятие стратегических решений по вопросам сотрудничества Норвегии в области развития. Внешнеполитическая деятельность Норвегии и политика развития тесным образом взаимосвязаны и представляют собой единую политическую сферу.

В Министерстве иностранных дел за реализацию политики развития отвечает министр иностранных дел. До прихода к власти кабинета Эрны Сульберг в октябре 2013 г. в Министерстве иностранных дел существовала также должность министра по международному развитию, а значительный объем Официальной помощи развитию (ОПР) — до 70% — контролировался этим министром [19, p. 57].

Реализуется политика развития МИДом Норвегии при поддержке трех основных структур/агентств: НОРАД/*NORAD*, Норвежский корпус мира (*FK Norway*), НОРФОНД/*Norfund*. Они полностью финансируются государством и являются проводниками государственных интересов в области развития.

Ведущей структурой и партнером МИДа выступает НОРАД/*NORAD* — Норвежское агентство по реализации политики сотрудничества в целях развития. Основано агентство было в 1962 г., общее число сотрудников на 2015 г. составило 230 человек. Значение деятельности

НОРАД в реализации политики развития нельзя переоценить, 17% от объема норвежской помощи в 2014 г. было реализовано через НОРАД, при этом общий объем составил 31,7 млрд норвежских крон [15].

Важным компонентом деятельности НОРАД выступает взаимодействие с Министерством иностранных дел по вопросам экспертизы результатов и возможных вариантов сотрудничества в рамках политики СМР. По словам Евы Маргарет Бретолм, главы Департамента по связям (НОРАД), «Основными целями НОРАД на текущий момент является контроль за расходами в области политики развития и мониторинг эффективности политики. НОРАД делает немало для проведения анализа политики развития, обеспечивает независимую оценку проектов, финансируемых из бюджета...»¹.

Агентство выполняет также своеобразную интегрирующую роль в реализации норвежской политики развития. НОРАД координирует деятельность различных министерств в вопросах реализации политики развития. Одним из значимых направлений деятельности НОРАД стала реализация проекта Норвежская международная инициатива в области климата и сохранения лесов (*Norway's International Climate and Forest Initiative (NICFI)*). В ходе реализации этого проекта НОРАД напрямую подотчетен Министерству по климату и экологической политике.

Одновременно НОРАД реализует несколько проектов, в рамках которых раскрываются основные направления норвежской политики СМР: постконфликтное урегулирование и социальное развитие, начальное и среднее образование, высшее образование и исследовательская деятельность, права человека и гендерное равенство, эффективное управление и борьба с коррупцией, нефть и развитие, энергетика, поддержка гражданского общества и др.

Наряду со специальными задачами, которые решает НОРАД в рамках отдельных тематических программ, агентство реализует задачи координации интересов норвежского государства и общества: разъясняя легитимность и целесообразность норвежской политики, пропагандируя высокое моральное значение СМР для политического имиджа страны, поддерживая целостность восприятия задач внутренней и внешней политики Норвегии, тесную взаимосвязь целей СМР с целями внутреннего развития Норвегии.

География норвежской помощи довольно широка, приоритетным направлением остается Африка южнее Сахары, государства Ближнего Востока, Юго-Восточная Азия, значительно меньше Норвегия участвует в развитии Латинской Америки. При этом среди десяти лидирующих получателей помощи Норвегии большинство составляют африканские государства: Танзания, Южный Судан, Мозамбик, Уганда, Сомали, Замбия, Малави. Сюда же входят азиатские страны — Афганистан (1 место среди реципиентов в рамках билатеральной помощи на 2014 г. — 757,8 млн норвежских крон), Пакистан, а также структуры, поддерживающие Палестинскую автономию (2 место — 740 млн крон) [15].

¹ Eva Margareth Bratholm, Leader of Department for Communication. Интервью от 30.09.2015 (г. Осло, НОРАД).

В соответствии со списком приоритетных и долгосрочных партнеров Норвегии 12 стран относятся к категории «с крайне низким уровнем развития», 3 страны классифицируются как «государства с уровнем развития выше крайне низкого»². Так, более половины билатеральной помощи (59%) уже в 2011 г. направлено в страны с низким и крайне низким уровнем развития [19, p. 49—50].

Реализуя активное билатеральное сотрудничество по линии СМР, Норвегия стремится усилить мультилатеральный компонент официальной помощи развитию. В 2011 г. отчисления Норвегии в мультилатеральные организации на реализацию политики развития составили 25% от общей суммы финансирования политики развития. Норвегия перечисляет средства в структуры ООН, ВБ, региональные банки развития. В 2012 г. Норвегия стала крупнейшим донором в Программе развития ООН [19, p. 54—55].

В 2012 г. в Белой книге внешней политики Норвегии было отведено существенное внимание проблеме институционального взаимодействия с ООН по вопросам реализации политики развития. Документ «Норвегия и ООН» зафиксировал направленность деятельности Норвегии по совершенствованию политики развития в области стратегического и практического взаимодействия с мультилатеральными институтами по вопросам СМР [19, p. 37]. «Нормативные функции ООН означают, что эта организация играет ключевую роль в поддержании и укреплении международного правового порядка, который, в свою очередь, является основанием для укрепления мира и позиций человека в мире. ООН выступает важной политической площадкой для Норвегии, и те представления, которые организация формирует, являются основой для национальной и международной политики. ООН — важный партнер Норвегии в области развития, государственного строительства и управления...» [21].

Поддержка мультилатерального вектора политики развития представляется важным компонентом реформирования норвежской политики СМР в соответствии с задачами формирования новой повестки международного развития на период после 2015 г. В качестве приоритетных задач по реализации СМР в рамках мультилатеральных международных структур Норвегия рассматривает продвижение Целей развития тысячелетия и соблюдение решений РИО+20.

В обширном списке направлений деятельности государства по достижению этих задач прежде всего выделяются вопросы социального развития, такие как гендерное равенство и обеспечение прав женщин; глобальное здоровье (включая репродуктивное здоровье женщин, здоровье детей, защиту инвалидов); всеобщее образование (в том числе всеобщее начальное образование, развитие образовательных технологий) и др. [20, p. 93].

² Группа долгосрочных партнеров Норвегии включает 15 государств: Афганистан, Восточный Тимор, Эфиопию, Либерию, Малави, Мозамбик, Судан, Южный Судан, Шри-Ланку, Уганду, Замбию, Танзанию, Пакистан, Непал, территории Палестины.

Очевидно, что рост финансирования социальных секторов на современном этапе представляется закономерной тенденцией эволюции политики СМР в мире. Ведущие доноры осознают насколько долгоиграющим и злободневным стало для развивающихся стран решение проблем, связанных с реализацией эффективной социальной политики. «В реальном выражении помощь социальным секторам (образование, здравоохранение, водоснабжение и санитария) в среднем увеличилась с 2 млрд долларов в год в 1960-х до 50 млрд в 2000-х...» [4, р. 1352, 1362]. При этом, по данным ОЭСР, показатели помощи в области здравоохранения увеличились в 5 раз за период с 1990 по 2011 г., помощь же в области образования увеличилась в реальном выражении на 360 процентов с 1995 по 2010 г., а помощь на нужды базового образования возросла на 630 процентов [10, р. 1423]. Поворот в сторону неприоритетной ранее социальной сферы для многих участников СМР на сегодня представляется генеральной линией.

Особым компонентом норвежской внешней политики в области СМР выступает образовательная политика как часть глобальной повестки и важный пункт Целей развития тысячелетия. Именно это направление рассматривается Норвегией как один из приоритетных инструментов влияния в мире и определяет специфику нового этапа норвежской политики СМР.

В отчетах ОЭСР за 2012 г. отмечается высокий уровень участия Норвегии в оказании билатеральной помощи странам-реципиентам в сфере образования. По данной статистике в сфере поддержки образовательного развития в мире лидирует Германия, на которую приходится 21 % всего финансирования образовательной помощи в мире, Япония — на четвертой позиции (10 %), США — пятые с 7 %, следом идет Норвегия — 3,2 % от всей международной помощи в области образования. При этом общие показатели норвежской помощи в области здравоохранения и образования составляют 20 % от всего объема норвежской помощи международному развитию [14, р. 21].

Норвегия выступает как последовательный проводник Целей развития тысячелетия в области образования. Активное участие Норвегии в решении задач всеобщего начального, среднего и профессионального, а также высшего образования было отмечено на Глобальном саммите в Осло «Образование в целях развития», который состоялся в июле 2015 г. В рамках Саммита норвежский министр иностранных дел Бёрге Бренде (*Børge Brende*) подписал соглашение с представителем ЮНИСЕФ Энтони Лейком о дополнительном финансировании (в размере 1,3 млрд норвежских крон) образовательных программ организации на 2015—2016 гг. В течение последних лет Норвегия является крупнейшим партнером ЮНИСЕФ в области образовательной политики по всему миру [17].

Скандинавское государство активно реализует задачи, связанные с обеспечением условий равного доступа к начальному образованию всех детей школьного возраста, установлением равенства девочек и мальчиков при получении образования, созданием условий для равного доступа для детей-инвалидов, а также развития качественного образования

всех ступеней и т. д. Министр иностранных дел Бёрге Бренде, анализируя значимость развития образования во всем мире, отмечал, что «это сложнейшая задача для глобального сообщества. Правительство же отдает исключительный приоритет вопросам образования при формировании бюджета политики содействия международному развитию» [9].

Саммит «Образование в целях развития» стал очевидным доказательством укрепления роли и интересов Норвегии в вопросах образовательной политики в контексте СМР. Ведущей задачей Саммита стало «создание совместной платформы на основе согласованных принципов и выработка конкретных рекомендаций относительно того, как образование в условиях текущих кризисов и конфликтов может быть поддержано наиболее эффективным образом» [23].

Сотрудничество в области глобального образования представляется для Норвегии существенным инструментом укрепления своих позиций по стратегическим вопросам международного сотрудничества с развивающимися странами. Одновременно Норвегия, как и другие страны-доноры, ищет новые ресурсы для развития этого сотрудничества, прежде всего посредством привлечения, наряду с государством, широкого круга участников, в первую очередь представителей бизнеса или частного сектора.

Важным звеном общих метаморфоз норвежской политики СМР в десятые годы XXI в. можно назвать стремление правительства выявить конкурентные преимущества страны в вопросах развития с привлечением возможностей частного бизнеса. В условиях, когда более ошутимую роль в развитии беднейших государств начинают играть прямые иностранные инвестиции и частный капитал, а не традиционный государственный механизм монетарных вливаний, «поддержка частного сектора политики развития представляется важным компонентом норвежской ОПР. В 2014 году Норвегия выделила 3,6 млрд крон на поддержку наиболее релевантных и значимых сфер активности частного сектора в контексте политики развития» [26, р. 8].

Высокий интерес к возможностям частного бизнеса в контексте политики развития связан с высокой проникающей способностью частных компаний на рынки развивающихся государств. По данным Всемирного банка, девять из десяти рабочих мест в странах третьего мира создаются в частном секторе. Норвежские компании за рубежом уже создали 250 тыс. рабочих мест, и их количество все растет. Как отмечал норвежский министр по Европейскому экономическому пространству и сотрудничеству с ЕС Видар Хельгесен (*Vidar Helgesen*)³, «норвежское правительство расценивает бизнес в качестве ключевого партнера в реализации политики развития на современном этапе» [11].

Посредством укрепления частного сегмента политики развития норвежское правительство выявляет определенный круг партнеров и конкретные секторы сотрудничества. Естественным ареалом для уча-

³ С 16.11.2015 г. Видар Хельгесен является министром климата и окружающей среды, министром по ЕЭП и сотрудничеству с ЕС стала Элизабет Аспакер.

ствия частного бизнеса в реализации политики развития видятся страны, традиционно выступающие партнерами Норвегии в рамках политики развития — Эфиопия, Малави, Мозамбик, Танзания и др. Одновременно с этим Норвегия стремится сфокусировать свою политику помощи на конкретных реципиентах, в частности государствах Западной Африки. Более того, важнейшим пожеланием правительства стало сокращение общего числа реципиентов норвежской помощи до 85 стран-партнеров [26, р. 14].

Однако сокращение численности реципиентов норвежской помощи предполагает также становление нового подхода в реализации политики развития, а именно продвижение «частного вектора» политики развития посредством оптимизации регионального уровня взаимодействия государств, в ходе поддержки развития региональной инфраструктуры, межгосударственных институтов торговли и т. д. Приоритетными сферами деятельности частного сектора в рамках политики сотрудничества рассматриваются сферы энергетики, информационно-коммуникационных технологий, сельское хозяйство, рыбные и морские ресурсы [26, р. 17—19].

Для Норвегии усиление частного вектора политики развития, несомненно, важно, поскольку расширение влияния частного бизнеса и укрепление влияния норвежских производителей и инвесторов на рынках развивающихся государств представляется одним из перспективных источников роста норвежской *несырьевой* экономики. Дополнительно к этому стоит отметить, что возрастание схемы государственно-частного партнерства в проектах по развитию инфраструктуры и сферы услуг открывает для норвежского правительства дополнительные ресурсы координации интересов частных и государственных игроков экономической политики [26, р. 15—16].

Сотрудничество с норвежским бизнесом для правительства представляется особо значимым, поскольку государство, инвестируя в становление частного сектора развивающихся стран, приобретает в лице норвежского бизнеса устойчивого и надежного партнера, как в области продвижения норвежских интересов в развивающихся странах на локальном уровне, так и в вопросах контроля за эффективной реализацией норвежских инвестиций. Именно в тех странах, где Норвегия осуществляет наиболее активную инвестиционную политику, выстраивается государственно-частное партнерство в рамках проектов содействия развитию.

Такое понимание роли частного бизнеса в активизации и усилении политики развития требует существенного пересмотра всей схемы финансирования процесса помощи. В связи с этим в ближайшие годы будет усилена позиция Норвежского инвестиционного фонда для развивающихся стран (*Norwegian Investment Fund for Developing Countries*), который выступает в качестве ключевого канала для поддержки частного сектора политики развития. Схема финансируемая, основанная на распределении грантов по заявкам, будет вытесняться конкурсной схемой, стимулирующей частный бизнес [26, р. 21—22].

Приоритеты норвежской внешней политики в области развития прослеживаются также и в тематических проектных инициативах, многие из которых глобальны по своей природе. Своеобразной норвежской «нишей» в международной политике СМР и преимуществом Норвегии в качестве донора прежде всего называют программы, которые страна реализует в рамках официальной помощи развитию: «Нефть для развития», «Налоги для развития» и «Энергия + инициативы». В ежегодном докладе NORAD по реализации программы «Нефть для развития» за 2014 г. эта программа определена в качестве передовой модели сотрудничества в рамках норвежской политики содействия развитию [13, p. 4].

Основным содержанием программы «Нефть для развития» представляется распространение норвежского опыта регулирования добывающей отрасли, ставится цель показать определенные подходы к организации и регулированию отрасли, а также сформировать совместно со странами-участницами программы начальную систему координат в построении национальных моделей регулирования добывающих отраслей. Цель настоящей программы — создать безопасное пространство развития и потребления ресурсов для будущих поколений посредством внедрения всеобщих принципов эффективного управления, таких как прозрачность, отчетность и антикоррупционные действия.

В рамках Программы широкою возможность в развитии механизмов общественного контроля и транспарентности политики распределения доходов добывающей промышленности получают неправительственные организации. В 2014 г. 30 млн норвежских крон было направлено в рамках Программы на поддержку деятельности шести норвежских и четырех международных НПО, таких как Друзья земли Норвегии (*Friends of the Earth Norway*), Помощь норвежского народа (*Norwegian People's Aid*), Помощь норвежской церкви (*Norwegian Church Aid*) и др. [13, p. 4].

Привлекая НПО и МНПО к участию в Программе, Норвегия придает этой политике широкое социальное звучание, как с точки зрения широты участия и многообразия акторов процесса, так и в сфере преобразований социальной политики стран-реципиентов. Реализация программы приводит к более широким преобразованиям в странах-реципиентах, нежели простое усовершенствование отрасли, поскольку «эффективное функционирование управленческих структур в добывающем секторе невозможно без поддержки более весомых преобразований в системе государственного управления и в обществе в целом» [24].

Таким образом, особенностью этой Программы стало сочетание двух значимых векторов политики развития: так называемого развития с большой буквы *D* и развития с малой *d*. В рамках концепции *D* политика развития понимается в качестве проектной и целенаправленной деятельности, задачами которой не являются фундаментальные изменения социальных институтов; напротив, в рамках концепции *d* развитие рассматривается как перманентный процесс, ведущий к существенным преобразованиям социальных отношений, экономики и политики [5, p. 8].

В рамках программы «Нефть для развития» норвежское правительство сочетает широкие социальные возможности НПО (*d*) и государственные интересы Норвегии в процессе сотрудничества по вопросам развития (*D*).

Со стороны норвежского правительства Программа реализуется сразу четырьмя министерствами — Министерством иностранных дел, финансов, экологии, нефтяной промышленности и энергетики, что отражает наличие в норвежской практике ОПР комплексного ответственного подхода к реализации международной помощи. Программа была запущена в 2005 г. К 2011 г. в программе «Нефть для развития» со стороны реципиентов участвовало уже 22 государства, из них 11 нестабильных по классификации ОЭСР [18, p. 124—128].

Активно участвуют развивающиеся страны, богатые природными ресурсами. Четырнадцать государств из Африки — Гана, Уганда, Судан, Южный Судан, Танзания, Мозамбик, Ангола и другие — выступают ведущими партнерами Норвегии в рамках программы. За период с 2006 по 2014 г. финансирование программы возросло практически в четыре раза с 60 до 242 млн норвежских крон [20, p. 34].

В рамках Программы Норвегия осуществляет сотрудничество с международными институтами: ВБ, МВФ, Международной инициативой прозрачности в добывающих отраслях (*Extractive Industries Transparency Initiative (EITI)*), Глобальным партнерством по сокращению промышленного сжигания природного газа (*Global Gas Flaring Reduction Partnership (GGFR)*), Африканским центром по экономической трансформации и др. Программа также предполагает сотрудничество по вопросам экологии, например, Норвегия тесно взаимодействует с Международной ассоциацией оценки воздействий на окружающую среду (*The International Association for Impact Assessment*).

По случаю празднования десятилетия Программы в октябре 2015 г. статс-секретарь Министерства иностранных дел Тоне Скуген (*Tone Skogen*) отмечал, что международное сотрудничество Норвегии в рамках этой Программы представляется одним из наиболее выигрышных партнерств в контексте политики развития [24].

Результативность подобных программ для доноров во многом зависит от стабильности политического и военного развития страны-реципиента, общего уровня образованности населения и многих других социально-экономических характеристик государств. Все эти факторы послужили существенным основанием для увеличения финансирования политики развития в 2016 г. Министр иностранных дел Бёрге Бренде, комментируя позицию правительства по вопросу существенного увеличения объемов финансирования помощи, сделал акцент на задачах Норвегии в урегулировании современных конфликтов, прежде всего сирийского и украинского. «Норвежские инвестиции в образование, здравоохранение и создание рабочих мест играют определенную роль в стабилизации стран, где центральное правительство не в состоянии удовлетворить базовые потребности человека» [8]. По отношению к событиям в Сирии с 2011 г. Норвегия выступает в качестве крупнейше-

го гуманитарного донора. На 2016 г. норвежское правительство планирует выделить 1,5 млрд крон на реализацию помощи населению Сирии и соседних с ней стран, включая Ирак. Более того, по заявлению Бёрге Бренде, Норвегия готова еще больше увеличить эти показатели. Гуманитарная составляющая норвежской помощи возрастает, существенная часть помощи будет направлена на финансирование проектов Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Всемирной продовольственной программы.

Обосновывая увеличение расходов на реализацию политики развития и гуманитарной помощи, норвежское правительство особо подчеркивает ответственность Норвегии за поддержание мирных условий развития в кризисных регионах и обеспечение условий по соблюдению прав человека. При этом со стороны Норвегии обеспечение прав человека властями страны-реципиента представляется необходимым условием для реализации донорской помощи [21, р. 17]. Особый акцент на соблюдение прав человека делается Норвегией при оказании помощи «нестабильным государствам со слабыми политическими режимами, не способными удерживать контроль над своей территорией» [8].

Очевидным показателем легитимности участия Норвегии в развитии страны-реципиента выступает взаимосвязь политики СМР с обеспечением прав человека. Политика в области прав человека представляется как усилия Норвегии в гражданском секторе по созданию неправительственных институтов и организаций граждан; просветительская деятельность в области соблюдения и обеспечения прав человека; финансирование правозащитных проектов в отношении меньшинств, проектов по продвижению гендерного равенства и т. д. Наряду с позитивным инструментарием Норвегия использует и негативные механизмы влияния на власти стран-реципиентов, такие как открытая критика, осуждение в международном контексте, ограничение или приостановка финансирования, санкции [21].

Таким образом, в контексте политики СМР реализуется идея международной легитимности участия донора в развитии страны-реципиента на основе реализации исключительного приоритета прав человека в международных отношениях, что, без сомнения, может служить показателем внешнеполитических целей стран-доноров, а именно через правовой универсализм получить дополнительные ресурсы контроля в странах-получателях помощи.

Определяя основные итоги данного исследования, отметим, что увеличение объема норвежской помощи, а также существенная специализация сфер норвежской политики СМР представляется определенным движением правительства Норвегии в сторону повышения роли государства в глобальных и региональных процессах. Увеличивая бюджет собственной политики СМР, Норвегия стремится принимать активное участие в процессах урегулирования кризисных международных ситуаций, ищет дополнительные ресурсы для продвижения интересов норвежского бизнеса в сотрудничестве с развивающимися странами.

В целях повышения эффективности политики развития Норвегия активно продвигает свой опыт работы в конкретных отраслях, посредством реализации устойчивых и эффективных программ развития, таких как «Нефть для развития» и др. На современном этапе программы норвежского правительства в области СМР приобретают широкой социальный резонанс в странах-реципиентах, прежде всего за счет расширения круга участников помощи и интеграции неправительственных институтов в процессы СМР.

Эта политика открывает для Норвегии возможности участия в новом витке экономического роста, подчеркивает западную идентичность страны посредством практики универсализма прав человека и активного финансирования мультилатеральных структур по линии СМР, закрепляет присутствие на рынках, в инфраструктурных процессах развивающихся государств.

Это важно, поскольку Норвегия исторически не имела опыта политического и экономического влияния на удаленные территории, не была ни империей, ни лидером политического или экономического толка. Политика содействия международному развитию — незаменимый инструмент для скандинавского государства в вопросах обретения широкой географии участия в развитии стран-реципиентов.

Норвегия расширяет свою идентичность как суверенный актор, как *petrostate*, одновременно стремится войти в зону *несырьевой* экономики, экспортируя технологии, модели управления, социальные стандарты, знания, образовательные и исследовательские практики. Для Норвегии это существенный шанс укрепить свои позиции в современных международных процессах.

Список литературы

1. *Бартенев В.* Связка «безопасность — развитие» в современных западных исследованиях // *Международные процессы.* 2015. №3, т. 13. С. 78—97.
2. *Нил К., Маркова С.* Аналитический обзор по информационно-коммуникационной стратегии для российской программы содействия международному развитию: анализ опыта стран-доноров // *Вестник международных организаций.* 2011. №2(33). С. 65—94.
3. *Содействие международному развитию* : курс лекций / под ред. В. И. Бартенева и Е. Н. Глазуновой. М., 2012.
4. *Addison T., Niño-Zarazúa M., Finn Tarp.* AID, social policy and development // *Journal of International Development.* 2015. №27. P. 1351—1365.
5. *Banks N., Hulme D.* The role of NGOs and civil society in Development and poverty reduction. BWPI Working Paper, 171. URL: <http://www.g20civil.com/upload/iblock/9b1/rolengo.pdf> (дата обращения: 15.01.2016).
6. *Chiripanhura B., Niño-Zarazúa M.* Aid, political business cycles and growth in Africa // *Journal of International Development.* 2015. №27. P. 1387—1421.
7. *Education for Development.* Meld. St. 25 (2013—2014). Report to the Storting. (White Paper). URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-25-2013-2014/id762554/?ch=1&q=> (дата обращения: 20.12.2015).

8. *Historic* increase in humanitarian aid. Press release: 2015—10—07. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/increase-humanitarian-sid/id2455931/> (дата обращения: 29.10.2015).

9. *Increase* of half a billion kroner for global education. Press release. 2015-10-07. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/global-education/id2456446/> (дата обращения: 29.10.2015).

10. *Leiderer S.* Donor coordination for effective government policies? // Journal of International Development. 2015. №27. P. 1422—1445.

11. *Minister* Vidar Helgesen's introductory speech at the seminar «Jobs for the Poor: The Role of Private Sector Development» at the Christian Michelsen Institute. URL: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/speech_cmi/id2415355/ (дата обращения: 29.10.2015).

12. *Latek M.* The challenge of coordinating EU development policies. Fragmentation, a disaster? // European Parliament Research Service. 2015. P. 28.

13. *NORAD* (2014), The Oil for Development Programme. Annual report. 2014. URL: <https://www.norad.no/globalassets/publikasjoner-2015-/oil-for-development-annual-report-2015.pdf> (дата обращения: 16.12.2015).

14. *NORAD* (2013), Health and Education. Results report. 2013. P. 122.

15. *NORAD* : [Official Web-site]. URL: <https://www.norad.no/> (дата обращения: 29.10.2015).

16. *Norway* and the United Nations: Common Future, Common Solutions, Meld. St. 33 (2011—2012) Report to the Storting. (White Paper), September 2012, MFA, Oslo. URL: <https://www.regjeringen.no> (дата обращения: 16.12.2015).

17. *Norway* increases support for UNICEF's education efforts. Press release. 2015-07-06. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/norway-increases-support-or-unicefs-education-efforts/id2426675/> (дата обращения: 29.10.2015).

18. *OECD* (2012), Development Co-operation Report 2012: Lessons in Linking Sustainability and Development, OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/dcr-2012-en> (дата обращения: 02.11.2015).

19. *OECD* (2013), Development Co-operation. Peer Review. The Development Assistance Committee: Enabling effective development. Norway 2013. URL: http://www.oecd.org/dac/peer-reviews/Norway_FINAL_2013.pdf (дата обращения: 02.11.2015).

20. *OECD* (2014), Better Policies for Development 2014: Policy Coherence and Illicit Financial Flows, OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264210325-en> (дата обращения: 15.11.2015).

21. *Opportunities* for All: Human Rights in Norway's Foreign Policy and Development Cooperation. Meld. St. 10 (2014—2015) Report to the Storting (white paper). URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-10-2014-2015/id2345623/> (дата обращения: 20.01.2016).

22. *Patrick W.* Quirk. Calibrating U. S. and European Development Aid for the Reshaping World Order // Liberal Order in a Post-Western World. The Transatlantic Academy. 2014.

23. *The Prime* Minister's Opening Speech at the Oslo Summit of Education for Development. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dep/smk/organization-map/prime-minister-erna-solberg/speeches-and-articles/id743018/?page=2> (дата обращения: 20.01.2016).

24. *State* Secretary Tone Skogen's speech at the 10th anniversary of the Oil for Development Programme. 21 October 2015. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/tale-ved-ti-ars-jubileet-for-olje-for-utvikling/id2458730/> (дата обращения: 18.12.2015).

25. Tjønneland, Elling N. African development: what role do the rising powers play? // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. Report. 2015.

26. *Working together*: Private sector development in Norwegian development cooperation Meld. St. 35 (2014—2015). Report to the Storting. (White paper). Summary. 2015. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-35-20142015/id2423253/> (дата обращения: 15.01.2016).

Об авторе

Мария Александровна Буланакова, кандидат исторических наук, доцент, руководитель научно-образовательного направления «Международные отношения» факультета международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

E-mail: mashbulanakova@yandex.ru

Для цитирования:

Буланакова М. А. Механизмы обоснования норвежской политики СМР в контексте современных международных процессов // Балтийский регион. 2016. Т. 8, №2. С. 67—84. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-4.

NORWAY'S INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSISTANCE POLICY IN THE CURRENT INTERNATIONAL ENVIRONMENT: MECHANISMS OF JUSTIFICATION

M. Bulanakova *

*North-West Institute of Management the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
57/43 Sredny prospect V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia.

Submitted on February 20, 2016

This article addresses the basic mechanisms of Norway's current Development Assistance policy. The author analyses the strengthening of the financial policy and principal mechanisms for justifying Norway's participation in the ODA as well as the country's foreign policy objectives attained through assistance. The article examines specific features of Norway's development policy, which are crucial to understand contemporary international aid practices. The country's development policy implemented bilaterally and multilaterally is an effective mechanism of promoting Norway's economic and political interests. It is also an important subject for research. The authors analyses the evolution of the ODA objectives, its institutions and their international expertise. Special attention is devoted to the current shift of the ODA policy to the issues of its effectiveness. The recent shift to social coopera-

tion development by involving NGOs and private businesses and investing in the social sphere is also examined. The article analyses Norway's official position on humanitarian assistance in crises and armed conflicts. The author examines a number of cases of Norway's International Development Assistance policy.

Key words: ODA, donor, recipient, NORAD, Oil for development.

References

1. Bartenev, V. 2015, Svjazka "bezopasnost' — razvitie" v sovremennyh zapadnyh issledovanijah, *Mezhdunarodnye process*, T. 13, Vol. 3, p. 78—97.
2. Nil, K., Markova, S. 2011, Analiticheskij obzor po informacionno-kommunikacionnoj strategii dlja rossijskoj programmy sodej-stvija mezhdunarodnomu razvitiju: analiz opyta stran-donorov, *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, no. 2, p. 65—94.
3. Bartenev, V. I., Glazunova, E. N. (eds.), 2012, *Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiju* [International Development Assistance], Lecture course, Moscow, 408 p.
4. Addison, T., Niño-Zarazúa, M., 2015, Finn Tarp. AID, social policy and development, *Journal of International Development*, no. 27, p. 1351—1365.
5. Banks, N., Hulme, D. 2012, The role of NGOs and civil society. In: *Development and poverty reduction*, BWPI Working Paper, no. 171, June, available at: <http://www.g20civil.com/upload/iblock/9b1/rolengo.pdf> (accessed 15.01.2016).
6. Chiripanhura, B., Niño-Zarazúa, M. 2015, Aid, political business cycles and growth in Africa, *Journal of International Development*, no. 27, p. 1387—1421.
7. Education for Development. Meld. St. 25 (2013—2014). *Report to the Storting. (White Paper)*, available at: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-25-2013-2014/id762554/?ch=1&q=> (accessed 20.12.2015).
8. *Historic increase in humanitarian aid*, 2015, Press release, 7 July, available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/increase-humanitarian-sid/id2455931/> (accessed 29.10.2015).
9. *Increase of half a billion kroner for global education*. 2015, Press release, 7 July, available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/global-education/id2456446/> (accessed 29.10.2015).
10. Leiderer, S. 2015, Donor coordination for effective government policies? *Journal of International Development*, no. 27, p. 1422—1445.
11. *Minister Vidar Helgesen's introductory speech at the seminar «Jobs for the Poor: The Role of Private Sector Development» at the Christian Michelsen Institute*, 2015, Bergen, 2 June, available at: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/speech_cmi/id2415355/ (accessed 29.10.2015)
12. M. Latek The challenge of coordinating EU development policies. Fragmentation, a disaster? 2015, *European Parliament Research Service*, January, 28 p.
13. *NORAD*, 2014, The Oil for Development Programme. Annual report, available at: <https://www.norad.no/globalassets/publikasjoner-2015/-oil-for-development-annual-report-2015.pdf> (accessed 16.12.2015).
14. *NORAD*, 2013, Health and Education. Results report, p. 122.
15. *NORAD*, 2015, Official Web-site NORAD, available at: <https://www.norad.no/> (accessed 16.12.2015).
16. Norway and the United Nations: Common Future, Common Solutions, Meld. St. 33 (2011—2012), 2012, *Report to the Storting. (White Paper)*, September, MFA, Oslo, available at: [vhttps://www.regjeringen.no](https://www.regjeringen.no) (accessed 16.12.2015).
17. *Norway increases support for UNICEF's education efforts*, 2015, Press release, 7 June, available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/norway-increases-support-for-unicefs-education-efforts/id2426675/> (accessed 29.10.2015).

18. Development Co-operation Report 2012: Lessons in Linking Sustainability and Development, 2012, *OECD*, OECD Publishing, available at: <http://dx.doi.org/10.1787/dcr-2012-en> (accessed 2.11.2015).

19. Development Co-operation. Peer Review, The Development Assistance Committee: Enabling effective development, 2013, *OECD*, Norway 2013, available at: http://www.oecd.org/dac/peer-reviews/Norway_FINAL_2013.pdf (accessed 2.11.2015).

20. Better Policies for Development 2014: Policy Coherence and Illicit Financial Flows, 2014, *OECD*, OECD Publishing, p. 93, available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264210325-en> (accessed 15.11.2015)

21. Opportunities for All: Human Rights in Norway's Foreign Policy and Development Cooperation. Meld. St. 10 (2014—2015), 2015, *Report to the Storting (white paper)*, available at: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-10-2014-2015/id2345623/> (accessed 20.01.2016).

22. Patrick, W. 2014, Quirk. Calibrating U.S. and European Development Aid for the Reshaping World Order. In: *Liberal Order in a Post-Western World*, The Transatlantic Academy, May.

23. The Prime Minister's Opening Speech at the Oslo Summit of Education for Development, 2016, *Regjeringen*, available at: <https://www.regjeringen.no/en/dep/smk/organization-map/prime-minister-erna-solberg/speeches-and-articles/id743018/?page=2> (accessed 20.01.2016).

24. State Secretary Tone Skogen's speech at the 10th anniversary of the Oil for Development Programme, 2015, *Regjeringen*, 21 October, available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/tale-ved-ti-ars-jubileet-for-olje-for-utvikling/id2458730/> (дата обращения 18.12. 2015)

25. Tjønneland, Elling N. 2015, African development: what role do the rising powers play? *The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. Report*, January, 9 p.

26. Working together: Private sector development in Norwegian development cooperation Meld. St. 35 (2014—2015), 2015, *Report to the Storting. (White paper)*, Summary, available at: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-35-2014-2015/id2423253/> (accessed 15.01.2016).

About the author

Dr Maria Bulanakova, Associate Professor, the Faculty of International Relations, the North-West Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: mashbulanakova@yandex.ru

To cite this article:

Bulanakova M.A. Norway's International Development Assistance Policy in the Current International Environment, *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 2, p. 67—84. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-4.

УДК 911.3 (26)

**ПРИМОРСКАЯ ЗОНА
РОССИИ
КАК ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН:
ПОДХОДЫ
К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
И ДЕЛИМИТАЦИИ**

А. Г. Дружинин*

Изложено представление о приморских зонах как приоритетном объекте общественно-географических исследований. Обоснован взгляд на талассоаттрактивность населения и хозяйства как базовый индикатор формирования приморской зоны, выявлена присущая России (на макро- и мезоуровне) инверсия талассоаттрактивности, акцентированы ее причины. Культивируется понимание приморской зоны как полимасштабного, континуально-дискретного явления с выраженными проявлениями трансграничности и повышенным потенциалом кластерообразования в экономике, в том числе трансграничного. В качестве самостоятельной типологической единицы акваториально-территориального социально-экономического системообразования выделяется трансакваториальный кластер, раскрыты его особенности, а также условия формирования и развития в рамках актуальных геоэкономических тенденций. Охарактеризовано состояние и перспективы трансакваториального кластерообразования в основных сегментах приморской зоны Российской Федерации.

Ключевые слова: приморская зона, общественная география, Россия

Введение

Обладая протяженными морскими границами, владея обширными побережьями и имея в Мировом океане устойчивые геополитические и геоэкономические интересы, Россия последние три столетия неизменно выступает в роли одной из ведущих морских держав. Осознание значимо-

* Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
Ул. Большая Садовая, 105.

Поступила в редакцию 23.01.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5

© Дружинин А. Г., 2016

сти «морского фактора» в развитии страны в этой связи закономерным образом имплантировано в научную исследовательскую традицию [1—6], имманентно отечественной географической мысли, уже более четырех десятилетий культивирующей представления о «земноводности» географии Мирового океана [7], о контактной зоне «суша-море» [8], об акваториально-территориальных системах [9], о «приморских регионах» [10—13], их природно-экологической и социально-экономической специфике.

В геоэкономическом контексте конца XX — начала XXI в. влияние фактора Мирового океана на социально-экономическое развитие многократно возрастает, сопровождаясь дальнейшим «стягиванием» внешнеторгового, транспортно-логистического, инфраструктурного и инновационного потенциала стран и их регионов в приморские территории [14—17]. Тренд *талассоаттрактивности* («тяготения к морю», явления в англоязычной литературе чаще обозначаемого термином *coastalization* [18]) проецируется и на систему расселения: согласно подсчетам [19] в 100-километровой полосе проживает 37% мирового населения, а в 200-километровой — около 50%. В подобном контексте проблематика *приморских зон (ПЗ)*, включая общественно-географические аспекты их концептуализации, идентификации и делимитации, закономерно актуализируется, обретает приоритетные позиции [20; 21], в том числе и в современной России.

Концептуализация приморской зоны: приоритет обществоведческого подхода

Согласно утвердившемуся в российской географической науке пониманию «зона» представляет собой «специфическую территорию, характеризующуюся наличием и интенсивностью явления» [22, с. 48], «один из видов географических районов-таксонов» [23], и в этой связи для идентификации соответствующих пространственных объектов (в нашем случае — ПЗ) существенны два содержательных момента. Прежде всего именно в зонах, индицируемых как *приморские*, влияние «фактора моря» не только имеет место (подчеркнем — оно универсально, в различной степени напрямую или опосредованно проецируемо на все территории, включая континентальные), но, что важно, сопровождается при этом теми или иными рельефно проявляющимися общественно-географическими эффектами. Стремление к их фиксации и концептуализации в процессе обособления особого рода пространственных объектов воплотилось в совокупности родственных (и одновременно различающихся теми или иными содержательными нюансами) понятийно-терминологических конструкций, начиная с 1970-х гг. активно культивируемых и тиражируемых в отечественной научной литературе: «береговая зона» [24; 25], «прибрежная зона» [26], «приморская террито-

рия» [10; 11], «морское побережье» [27] и др. Причем если в понятии «береговая зона» (доминирующем в публикациях по геологии, геоморфологии, береговедению [28]) изначально превалирует физико-географическое содержание, то словосочетания «прибрежная зона» и «приморская зона» в большинстве ситуаций применяются для обозначения либо общегеографической (социоприродной, природно-хозяйственной) [27], либо собственно общественно-географической реальности [26]. Зачастую термины эти предельно сближены по своему содержательному наполнению, распространяясь (в зависимости от контекста) как на всю полосу контакта «суша-море» [10; 29], так и преимущественно на ее территориальную составляющую [30]. И подобное положение дел (практически неизбежное, закономерное, поскольку объектом исследования в данном случае выступает сложная и пока лишь фрагментарно, поверхностно познанная и осмысленная географическая реальность), как видится, требует упорядочивания терминологии, включая фокусировку внимания на *приморской зоне* как ключевой понятийно-терминологической конструкции, способной обособить и высветить в широкой палитре акваториально-территориальных явлений именно *общественно-географические таксоны*, четче обозначить их специфику.

Акцентируя внимание на гносеологическом потенциале категории «приморская зона», очерчивая его содержательные рамки, важно также учитывать, что основная активность по освоению ресурсного потенциала Мирового океана концентрируется именно на морских побережьях, на прилегающих к акваториям территориях [31—33]. И хотя ПЗ не только территориальны, но и (включая «часть суши и часть моря, находящиеся в сильном и непосредственном взаимодействии» [10]) отчасти акваториально-территориальны (и даже трансакваториальны, поскольку именно морские пространства, разделяя приморские территории, одновременно создают предпосылки и для их интеграции), «приморскость» и соответствующие зональные социально-экономические эффекты предопределяются не столько собственно морем (его наличием, близостью) либо функционированием системы «суша — море» (в ее физико-географической ипостаси), сколько Обществом, его геоэкономикой, геополитикой, общей архитектурой его территориальной организации. Не всякое побережье в этой связи можно рассматривать как сложившуюся приморскую зону; последняя должна быть *особым образом заселена и хозяйственно освоена в результате вовлечения в специфические общественно-географические связи, отношения, процессы*.

Акцентируя общественно-географическую детерминацию и специфику ПЗ, сошлемся на мнение Н. Н. Баранского, полагавшего, что мы должны учитывать географический фактор «в связи с состоянием техники, в связи с производственными отношениями, в связи со всей вообще общественно-исторической обстановкой страны на данной ступени ее развития» [34, с. 24]. Методологическая установка на рассмотрение ПЗ сквозь призму комплексного экономико-географического ана-

лиза (где хозяйственные факторы развития являются ключевыми) традиционна для нашей науки [35—37] и, дополняясь в последние годы экосистемным [38] и геокультурным подходами [39], в целом сохраняет и свою актуальность, и свое превалирование.

При этом нельзя не учитывать, что географический фактор (по В. А. Анучину), «не определяя причин общественного развития, тем не менее, определял и определяет условия этого развития» [40, с. 78]. Полоса взаимодействия «суша — море» и в особой мере собственно морское побережье выступают «месторазвитием» приморской зоны, ее исходным геосубстратом, аттрактором присущих ей социально-экономических и иных эффектов. Тем не менее «морской фактор» в обособлении приморских зон, специфических трендах их развития (на фоне аналогичных процессов во «вмещающих» приморские зоны регионах, странах) во многом опосредован теми отношениями, в которые человек (в его экономических, политических, культурных и иных пространственно организованных формах и проявлениях) вступает с другими людьми (иными территориальными общностями) «по поводу» моря, морских побережий, использования их хозяйственного, селитебного и военно-стратегического потенциала. В этой связи *любая приморская зона — это прежде всего общественно-географическое явление*, то есть сочетание территориально сфокусированных экономических, социальных, культурных и политических программ, отношений, институтов, образов [42], «работающих» и получающих фактическое воплощение в природно-хозяйственном, экономико-демографическом, социально-экологическом и экистическом контексте полосы взаимодействия «суша — море». Отметим также, что приморские зоны (любого масштаба и степени сформированности) обретают свое общественно-географическое своеобразие именно «при море»; и в этой связи использование характеристики «приморский» для обозначения соответствующих таксонов (напомним, традиционно рассматриваемых именно как территория, то есть часть суши [22; 23], что сохраняет серьезный резон даже с учетом освоения общественной географией «морской» проблематики) предпочтительней чем, к примеру, «прибрежный», который лингвистически более подходит для обозначения части акватории. Понятие «зона», следуя логике озвученной ранее его содержательной интерпретации, было бы наиболее оправданно применять исключительно «в связке» со словом «приморская», полагая, что «прибрежными», «морскими», «океаническими» могут быть «сектора», «бассейны», «полосы»; последовательная реализация подобного подхода позволит преодолеть терминологическую путаницу, четче высветить общественно-географическую составляющую «приморской» проблематики, закрепить за конструктом «приморская зона» вполне конкретное, самостоятельное место в системе научных категорий, ориентированных на идентификацию и делимитацию акваториально-территориальных структур.

**Феномен талассоаттрактивности в идентификации приморской зоны:
универсальное и специфическое
в общественно-географическом контексте России**

По своей пространственной конфигурации ПЗ — это преимущественно полоса, характеризующаяся повышенной плотностью населения, поселений и хозяйственной активности. В ее идентификации и делимитации существенны многие обстоятельства: наличие морского побережья, выход на него тех или иных регионов и объединяемых ими муниципальных образований, присутствие (и степень развитости) компонент морехозяйственного комплекса, локализация (и конфигурация) групповых систем расселения. При этом безусловным, наиболее важным комплексным индикатором ПЗ (как это ранее уже многократно было акцентировано [33; 42]) выступает феномен талассоаттрактивности, характерное (инициированное реализацией «морского фактора» общественно-географической динамики) сгущение экономического и демографического потенциала.

Берега России омывают воды 3 океанов и 13 морей, протяженность ее морских границ превышает 46 тыс. км, на морской шельф приходится свыше 4 млн км², а размеры исключительной экономической зоны составляют около 8,5 млн км² [43]. Перечисленные обстоятельства создают предпосылки для масштабного присутствия ПЗ в общественно-географическом контексте нашей страны: по ситуации на 2015 г. непосредственный выход к морю имеют 23 региона (из 85) и 166 муниципальных районов и городских округов (всего в РФ их 2358, в том числе 493 — в субъектах, которые можно идентифицировать как приморские); на долю приморских муниципальных образований приходится 3 840 984 км² территории (22,4% от показателя по РФ) и 16 875 тыс. жителей (11,5% всего демографического потенциала страны); в 80 приморских городах (13 из них являются столицами субъектов Федерации) проживает 13,3 млн человек. Но насколько в действительности морской фактор в формировании общественно-географической архитектоники России оказался реализован? В какой мере общепринятые, ставшие почти шаблонными, представления об экономико-демографической притягательности побережья (включая и суждения, что «плотность приморского населения в 2,5 раза выше, чем глобальная средняя плотность» [44, с. 596]) применимы к конкретным ситуациям российского побережья?

Ответим сразу: фактор моря реализован, но фрагментарно, селективно; проявления талассоаттрактивности в территориальной организации российского общества в этой связи — неявны, напрямую связаны с конкретным региональным и локальным контекстом. Более того, судя по такому основополагающему индикатору, как плотность населения, в общероссийском масштабе наблюдается выраженная *инверсия талассоаттрактивности*, особым образом проявляющаяся в азиатской части страны (табл. 1).

Таблица 1

**Плотность населения в приморских муниципальных образованиях
и приморских регионах России, чел/ км², 2015 г.**

Территория	Все регионы России	Приморские регионы	Приморские муниципальные образования
Европейская часть	26,3	18,3	26,2
Азиатская часть	2,99	0,9	0,74
Вся Россия	8,55	2,8	4,39

Источник: по данным Росстата.

Фундаментальная причина подобной ситуации связана, конечно, с общей исторически сложившейся конфигурацией территориальной социально-экономической системы России (устойчиво обозначаемой как «континентальность» [3; 45]). Однако, что характерно, и в подобном контексте инверсия — не повсеместна (к примеру, в Приморском и Краснодарском краях в имеющих выход к морю муниципальных образованиях плотность населения превышает среднюю по региону в 1,6 раза, в Ленинградской области — в 1,34 соответственно) и сочетается с определенным, присущим постсоветскому периоду, перераспределением демографического потенциала в пользу приморских регионов (за 1989—2015 гг. их удельный вес в населении России вырос с 23,9 до 24,2%).

После трансформационного «обвала» 1990-х опережающим образом прирастает и экономический потенциал побережий. Наиболее показательно в этом отношении устойчивое увеличение в совокупном ВРП РФ удельного веса группы приморских регионов, которые по ряду характеристик («приближенность» основных центров к акватории моря; существенное присутствие в экономике компонент морехозяйственного комплекса, локализация ведущих морских портов и др.) могут рассматриваться как *талассоцентрированные* (табл. 2).

Таблица 2

**Удельный вес талассоцентрированных приморских регионов
в ВРП России, %**

Территория	1995	2000	2008	2013
Балтийская макрорезона	45,99	46,39	57,88	64,19
Санкт-Петербург	33,38	32,98	41,40	46,22
Ленинградская область	8,88	9,46	11,19	12,83
Калининградская область	3,73	3,95	5,29	5,14
Баренц-Беломорская макро- зона	20,33	19,30	14,98	15,18
Мурманская область	10,20	9,24	6,29	5,69
Архангельская область (с Ненецким АО)	10,13	10,06	8,69	9,49

Окончание табл. 2

Территория	1995	2000	2008	2013
Азово-Черноморская макро- зона	40,67	38,80	40,35	47,05
Краснодарский край	21,96	23,64	23,56	29,95
Ростовская область	18,71	15,16	16,79	17,10
Прикаспийская макро- зона	7,03	8,56	10,44	12,90
Астраханская область	4,08	5,16	4,28	4,95
Республика Дагестан	2,95	3,40	6,16	7,95
Тихоокеанская мега- зона	25,83	21,49	23,49	28,08
Чукотская АО	0,96	0,64	0,89	0,87
Магаданская область	2,40	2,02	1,22	1,64
Камчатский край	3,85	2,85	2,28	2,44
Приморский край	13,70	10,29	9,31	10,66
Сахалинская область	4,92	5,69	9,79	12,47
Итого по 15 субъектам РФ*	139,85	134,54	147,24	167,40

Источник: по данным Росстата.

* Данная цифра не включает Республику Крым и город Севастополь, вошедшие в состав РФ с марта 2014 г.

С 2000 г. совокупный удельный вес талассоцентрированных приморских регионов в ВРП России вырос с 134,54 до 167,40%; почти половина прироста пришлась на российскую Балтику (в первую очередь на Санкт-Петербург).

Присущее нашей стране фактическое сочетание многоаспектных проявлений талассоаттрактивности и ее инверсии инициирует понимание ПЗ как *полимасштабного* (имеющего не только свое общероссийское, либо региональное, но также и локальное измерение) и при этом (в хозяйственных, инфраструктурно-транспортных и иных реалиях побережья) *континуально-дискретного* явления. Ее глубина (ширина) зависит от комплекса природных (конфигурация суши, орография, глубины устьевых участков рек и др.) и социально-экономических факторов (масштаб «присутствия» в экономике компонент морехозяйственного комплекса, позиционирование тех или иных приморских территорий на рынке туристско-рекреационных и транспортно-логистических услуг, развитость инфраструктуры, наличие сложившихся групповых систем расселения и т.п.); не случайно в этой связи представления о ширине ПЗ варьируются в диапазоне от 50 до 200 км [7; 9; 45]. В России (за исключением эксклавной Калининградской области, части степного Крыма, а также ряда урбанистических ареалов, локализованных на основных «коридорах» геоэкономической коммуникации и организуемых городами-метрополиями [46], наподобие Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Владивостока, Астрахани, Мурман-

ска и Архангельска) ПЗ в существенной мере *прижата к побережью*; положение это разительным образом контрастирует с наличием обширнейших (с радиусами до нескольких тысяч километров) хинтерландов ведущих морских портов страны (наподобие Усть-Луги и Мурманска, осуществляющих перевалку каменного угля Кузбасса).

Приморская зона в итоге не только распадается на множество центров (и субцентров) социально-экономической активности, но и (в большинстве ситуаций) вплотную приближается к рубежу разделения (интеграции) суши и моря (береговой линии). Присутствие ПЗ в структуре тех или иных приморских регионов (равно как и муниципальных образований) в этой связи — неравнозначно. Это, кстати, существенно усложняет делимитацию и параметризацию ПЗ, лишь в первом приближении форматируемых матрицей «приморские регионы — приморские муниципальные образования», тем более что ПЗ *динамична* и, корреспондируя с морехозяйственной активностью, способна сравнительно быстро видоизменять свои пространственные контуры. Яркая иллюстрация — ситуация в ареале реализации проекта строительства порта Усть-Луга, где за два десятилетия ПЗ (ранее — узкой «лентой», оконтуривающей балтийское побережье) полностью «накрыла» территорию Кингисеппского района Ленинградской области [47]. Приморская зона «не вмещается» в рамки административно-территориального деления страны и бытующие представления о приморских территориях должны быть в этой связи скорректированы, подвергнуться регулярной ревизии.

Трансграничный и трансакваториальный экономический кластерогенез: специфика приморских зон

Насыщенная судоходными путями и «окаймленная» портовыми комплексами морская акватория представляет собой специфическое по своей конфигурации пространство *множества разноудаленных границ*; и в этой ситуации становление и развитие ПЗ неразрывно связано с выстраиванием многоаспектных трансграничных отношений, контактов, связей, то есть с различного рода эффектами *политрансграничности*. Их полномасштабные проявления в существенной мере корреспондируют с кластерогенезом в экономике ПЗ, причем использование «контактного» потенциала морских акваторий формирует крайне важный для кластерогенеза *трансакваториальный* (данное понятие, раскрывающее взаимодействие «через акваторию» и «посредством акватории»), развивается автором статьи начиная с 2008 г. прежде всего применительно к ситуации в Причерноморье [42; 48]) контекст, позволяя идентифицировать не только имманентные ПЗ «трансакваториальные трансграничные кластеры», но и совокупность локализованных в приморских зонах типологически инвариантных форм кластерогенеза (рис.).

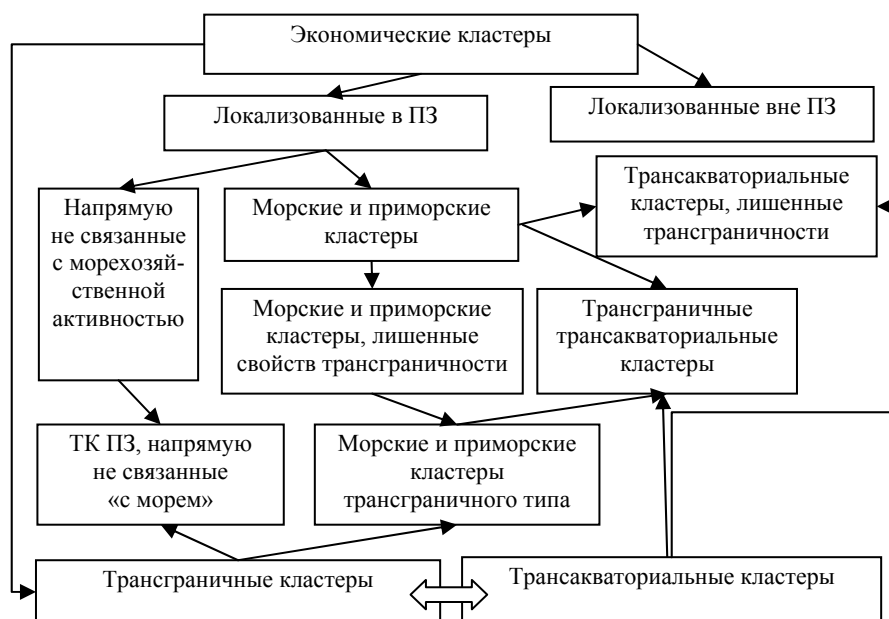

Рис. Учет свойств трансграничности и трансакваториальности в типологическом структурировании кластеров ПЗ

Трансакваториальный кластер можно определить как территориально-локализованную группировку экономических субъектов, чья целостность и эффективное взаимодействие обеспечивается использованием ресурсного (в первую очередь коммуникационного) потенциала морской (океанической) акватории; инфраструктурным ядром трансакваториального кластера выступают интегрируемые морским транспортом портово-логистические комплексы¹. Следует при этом подчеркнуть, что в реальной ситуации современных ПЗ трансакваториальность в существенной мере корреспондирует с трансграничностью, а трансграничные кластеры обретают трансакваториальную детерминанту и свойства.

Важно также осознавать, что для современной России (в отличие, например, от стран Евросоюза, а также ряда государств АТР) трансакваториальный кластер выступает преимущественно потенциальным, формирующимся типом интеграции экономических субъектов. Наиболее продвинутое (и фрагментарное на начальных стадиях) кластерообразование демонстрирует лишь северо-западная часть Европейского побережья России; в еще меньшей степени развито трансакваториальное взаимодействие в ПЗ Юга России. Перспективы тем не менее дос-

¹ Наличие морского порта приводит к эффекту «рассеянного кластера», в котором формируется более сложная и многомерная сеть потенциальных и реальных взаимосвязей между экономическими субъектами, находящимися в иных (в ряде ситуаций — достаточно отдаленных) приморских территориях.

таточно велики. В числе приоритетов — использование потенциала трансакваториальной кластеризации в развитии профильных отраслей морехозяйственного комплекса Крыма (рекреация, судостроение и судоремонт, марикультура и рыбопереработка) и в целом всего российского Причерноморья. Значительные возможности формирования трансакваториальных кластеров связаны с реализацией арктического вектора геоэкономической стратегии России. Столь же существенна роль трансакваториальных взаимодействий в повышении устойчивости хозяйственного комплекса эксклавной Калининградской области. Ситуация геополитического «разворота» России не умаляет важности пролонгации (и наращивания!) трансакваториальных *трансграничных* контактов: наибольшие возможности здесь сохраняются в метарегионе Балтики; в русле евразийской экономической интеграции формируются предпосылки для активизации кластерогенеза и в приморской зоне Каспия.

Заключение

Наблюдаемое в последние годы изменение геополитической ситуации и ухудшение (для Российской Федерации в целом, основной массы ее регионов и крупнейших экспортоориентированных бизнес-структур) геоэкономической конъюнктуры — продуцируют риски социально-экономической стагнации приморских территорий, их дальнейшего «расслоения» по бюджетным, инвестиционным, инфраструктурным и иным возможностям, рост экологических и социальных деструкций. Необходимое в этом контексте полномасштабное использование акваториально-территориальных ресурсов ПЗ страны, их эффективное включение в мирохозяйственные сети и циклы (в том числе обретение Россией и ее приморской зоной новых геоэкономических векторов, наращивание нацеленных на глобальные рынки производств), устойчивое социально-демографическое воспроизводство и развитие инфраструктуры связаны в том числе и с активизацией экономической кластеризации на основе *трансграничной (трансакваториальной) экономической интеграции. Роль Мирового океана, его побережий и для России, и для человечества в целом стратегически будет только усиливаться, превращая приморские зоны во все более значимый, приоритетный объект общественно-географического анализа.*

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий европейской России»).

Список литературы

1. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1898.
2. Шокальский Ю. М. Север СССР и его значение для Республики // Известия Государственного географического общества. 1924. Т. 56. С. 154—161.

3. *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. М. ; Л., 1930.
4. *Саушкин Ю. Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973.
5. *Теоретические* вопросы физической и экономической географии Мирового океана. Л., 1979.
6. *Вопросы* географии океана (обобщение опыта и координация теоретических и прикладных исследований). Л., 1983.
7. *Сальников С. С.* Экономическая география океана — новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л., 1984. С. 231—242.
8. *Дергачёв В. А.* Основы экономического районирования Мирового океана. Киев, 1980.
9. *Покишишевский В. В.* География расселения на берегах Мирового океана. Л., 1979.
10. *Гогоберидзе Г. Г.* Структура и свойства морехозяйственного потенциала приморской территории // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2008. Вып. 3. С. 75—81.
11. *Махновский Д. Е.* Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков // Балтийский регион. 2014. №4. С. 59—78.
12. *Фёдоров Г. М., Корнеевец В. С.* Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // Балтийский регион. 2015. №4. С. 121—134.
13. *Лачининский С. С., Семенова И. В.* Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб., 2015.
14. *Bosworth A.* The world-city system by the year 2000 // Journal of Developing Societies. 1996. №12 (1). P. 52—67.
15. *Cartier C.* Cosmopolitics and the maritime world city // The Geographical Review. 1999. №89 (2). P. 278—289.
16. *Notteboom T., Rodrigue J.-P.* Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development // Maritime Policy & Management. 2005. №32 (3). P. 297—313.
17. *Verhetsel A., Sel S.* World maritime cities: From which cities do container shipping companies make decisions? Transport Policy. 2009. №16 (5). P. 240—250.
18. *Serra P., Vera A., Tulla A. F., Salvati L.* Beyond urban-rural dichotomy: Exploring socioeconomic and land-use processes of change in Spain (1991—2011) // Applied Geography. 2014. №55. P. 87—95.
19. *Pak A., Majd F.* Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // Ocean and Coastal Management. 2011. №54. P. 129—136.
20. *Hilderbrand L.P., Norrena E.* Approaches and progress toward effective integrated coastal zone management // Marine Pollution Bulletin. 1992. P. 94—97.
21. *King S.D.* The coastal zone environment: a place to work, rest, play and to manage // Coastal and marine geo-information systems: applying the technology to the environment. The Netherlands, 2003. P. 1—20.
22. *Алаев Э. Б.* Экономико-географическая терминология. М., 1977.
23. *Социально-экономическая география: понятия и термины* : слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск, 2013.
24. *Аникеев В. В.* Градостроительные аспекты развития приморских систем расселения на базе портовых городов // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета. 2012. №2 (11). С. 45—53.
25. *Айбулатов Н. А.* Геоэкология береговой зоны моря // Проблемы развития морских берегов. М., 1989. С. 81—87.

26. *Фадеев С. А.* Трансформация прибрежных зон в Западной Европе и Европейской России: делимитация и управление : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1998.
27. *Арзамасцев И. С.* Природопользование в прибрежных зонах: основные понятия, зонирование и проблемы управления // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2009. №4 (49). С. 76—89.
28. *Гогоберидзе Г. Г., Леднова Ю. А.* Возможности применения КУПЗ и принципов морского пространственного планирования в Российской Федерации // Региональная экология. 2014. №1—2 (35). С. 141—144.
29. *The Situation in Europe's Coastal Zones.* URL: <http://europa.eu.int/comm/environment/iczm/situation.htm> (дата обращения: 20.09.2013).
30. *Сычев С. Л.* Комплексное освоение прибрежной зоны Черного моря — важнейший фактор ее устойчивого развития: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Краснодар, 2006.
31. *Слевич С. Б.* Океан: ресурсы и хозяйство. Л., 1988.
32. *Залогин Б. С.* Экономическая география Мирового океана. М., 1984.
33. *Покшишевский В. В.* Экономическая география Мирового океана. М., 1982.
34. *Баранский Н. Н.* Краткий курс экономической географии. М., 1929.
35. *Лавров С. Б., Сальников С. С.* Промышленный «сдвиг к морю» и формирование портово-промышленных комплексов // География океанов : матер. VI съезда ГО СССР. Л., 1975. С. 12—22.
36. *Бондаренко В. С.* Экономико-географическое изучение приморских зон // Вестник МГУ. Сер. : География. 1981. №1. С. 36—41.
37. *Топчиев А. Г., Полоса А. И.* Приморские хозяйственные комплексы: понятийно-концептуальный анализ // Приморские регионы: географические и социально-экономические проблемы. Владивосток, 1987. С. 42—50.
38. *Бакланов П. Я., Романов М. Т.* Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. №2 (51). С. 60—71.
39. *Колосовский А. М.* К вопросу об источниках и механизмах саморазвития приморских территорий // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 3. С. 31—42.
40. *Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
41. *Дружинин А. Г.* От гуманизации к неогуманизации российской социально-экономической географии: тренды, проблемы, приоритеты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. №1 (2). С. 34—51.
42. *Дружинин А. Г.* Экономический потенциал приморской зоны: понятийно-категориальные основы концепции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. : Общественные науки. 2004. №4. С. 54—60.
43. *Алхименко А. П.* Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5—23.
44. *Small C., Nicholls R. J.* A global analysis of human settlement in coastal zones // Journal of Coastal Research. 2003. Vol. 19, is. 3. P. 584—599.
45. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
46. *Дружинин А. Г.* Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Сер. : Географическая. 2014. №1. С. 19—27.

47. Дружинин А. Г., Лачининский С. С. «Приморский фактор» в социально-экономическом развитии территории (на материалах Кингисеппского района Ленинградской области) // Янтарный мост. Журнал региональных исследований. 2015. № 3 (6). С. 22—41.

48. Дружинин А. Г. Юг России: интеграционные приоритеты в пространстве Большого Причерноморья // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. С. 23—30.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, Председатель Координационного совета Ассоциации российских географов-обществоведов, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 85—100. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.

RUSSIA'S COASTAL ZONE AS A SOCIAL AND GEOGRAPHIC PHENOMENON: CONCEPTUALISATION AND DELIMITATION

A. Druzhinin *

*Southern Federal University
105 B. Sadovaya ul. Rostov-on-Don, 344006, Russia

Submitted on January 23, 2016

This article defines coastal zones as a priority subject of studies in social geography and interprets coastalisation of population and economy as a key indicator of the development of a coastal zone. The author stresses the inverted coastalisation in Russia at the macro- and meso-levels and identifies its causes. The article defines the coastal zone as a full-scale, continuum-discrete phenomenon with clear cross-border characteristics and increased potential for cluster formation in the economy. Marine cross-border clusters are identified as independent typological units. Characteristics and conditions for their formation and development are described in view of contemporary geoeconomic trends. The author examines the conditions and prospects for the formation of marine cross-border clusters in the key segments of Russia's coastal zone.

Key words: coastal zone, Human geography, Russia.

References

1. Mechnikov, L. I. 1898, *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [The Civilization and the great historical rivers], 362 p.
2. Shokal'skiy, Yu. M. 1924, Sever SSSR i ego znachenie dlya Respubliki [North of the USSR and its importance for the Republic], *Izvestiya Gosudarstvennogo geograficheskogo obshchestva*, T. 56, P. 154—161.
3. Bernshteyn-Kogan, S. V. 1930, *Ocherki geografii transporta* [Essays on Geography of Transport], Moskva — Leningrad, 348 p.
4. Saushkin, Yu. G. 1973, *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic Geography: history, theory, methods, practice], Moscow, 559 p.
5. *Teoreticheskie voprosy fizicheskoy i ekonomicheskoy geografii Mirovogo okeana* [Theoretical questions of physical and economic geography of the oceans], 1979, Leningrad, 136 p.
6. *Voprosy geografii okeana (obobshchenie opyta i koordinatsiya teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy)* [Questions Ocean Geography (generalization of experience and the coordination of theoretical and applied research).], 1983, Leningrad, 168 p.
7. Sal'nikov, S. S. 1984, Ekonomicheskaya geografiya okeana — novoe perspektivnoe napravlenie ekonomicheskoy i sotsial'noy geografii [The economic geography of the ocean — a new perspective direction of economic and social geography]. In: *Sovetskaya geografiya* [Soviet geography], Leningrad, p. 231—242.
8. Dergachev, V. A. 1980, *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya Mirovogo okeana* [Fundamentals of economic zoning of the oceans], Kiev, 110 p.
9. Pokshishevskiy, V. V. 1979, *Geografiya rasseleniya na beregakh Mirovogo okeana* [Geography settlement on the shores of the oceans], Leningrad, 342 p.
10. Gogoberidze, G. G. 2008, Struktura i svoystva morekhozyaystvennogo potentsiala primorskoy territorii [Structure and properties of marine economic potential of the maritime area], *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University], no. 3, p. 75—81.
11. Makhnovsky, D. 2014, The Coastal Regions of Europe: Economic Development at the Turn of the 20th Century, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 50—66. DOI: 10.5922/2074-2079-8555-4-4.
12. Fedorov, G., Korneevets, V. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 89—101. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-7.
13. Lachininskiy, S. S., Semenova, I. V. 2015, *Sankt-Peterburgskiy primorskiy region: geoeconomicheskaya transformatsiya territorii* [St. Petersburg coastal region: geo-economic transformation of the territory], Saint Petersburg, 191 p.
14. Bosworth, A. 1996, The world-city system by the year 2000, *Journal of Developing Societies*, T. 12, Vol. 1, p. 52—67.
15. Cartier, C. 1999, Cosmopolitics and the maritime world city, *The Geographical Review*, T. 89, Vol. 2, p. 278—289.
16. Notteboom, T., Rodrigue, J.-P. 2005, Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development, *Maritime Policy & Management*, T. 32, Vol. 3, p. 297—313.
17. Verhetsel, A., Sel, S. 2009, World maritime cities: From which cities do container shipping companies make decisions? *Transport Policy*, T. 16, Vol. 5, September, p. 240—250.
18. Serra, P., Vera, A., Tulla, A. F., Salvati, L. 2014, Beyond urban-rural dichotomy: Exploring socioeconomic and land-use processes of change in Spain (1991—2011), *Applied Geography*, no. 55, p. 87—95.
19. Pak, A., Majd, F. 2011, Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study, *Ocean and Coastal Management*, no. 54, p. 129—136.

20. Hilderbrand, L.P., Norrena, E. 1992, Approaches and progress toward effective integrated coastal zone management. In: *Marine Pollution Bulletin*, p. 94—97.
21. King, S.D. 2003, The coastal zone environment: a place to work, rest, play and to manage. In: *Green DR, King SD, editors. Coastal and marine geo-information systems: applying the technology to the environment*, The Netherlands, p. 1—20.
22. Alaev, E.B. 1977, *Ekonomiko-geograficheskaya terminologiya* [Economic and geographic terminology.], Moscow, 189 p.
23. Gorkin, A.P. (ed.), 2013, *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Socio-Economic Geography: the concepts and terms], Smolensk, 328 p.
24. Anikeev, V.V. 2012, Gradostroitel'nye aspekty razvitiya primorskikh sistem rasseleniya na baze portovykh gorodov [Town planning aspects of the coastal settlement systems on the basis of port cities], *Vestnik Inzhenernoy shkoly Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta*, no. 2, p. 45—53.
25. Aybulatov, N.A. 1989, Geoekologiya beregovoy zony morya [Geoecology of the coastal zone of the sea]. In: *Problemy razvitiya morskikh beregov* [Problems coasts], p. 81—87.
26. Fadeev, S.A. 1998, *Transformatsiya pribrezhnykh zon v Zapadnoy Evrope i Evropeyskoy Rossii: delimitatsiya i upravlenie* [The transformation of coastal zones in Western Europe and European Russia: the delimitation and management], PhD Thes., Moscow, 25 p.
27. Arzamastsev, I.S. 2009, Prirodopol'zovanie v pribrezhnykh zonakh: osnovnye ponyatiya, zonirovaniye i problemy upravleniya [Nature in coastal areas: basic concepts, zoning and management problems], *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, no. 4, p. 76—89.
28. Gogoberidze, G.G., Lednova, Yu.A. 2014, Vozmozhnosti primeneniya KUPZ i printsipov morskogo prostranstvennogo planirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Possible applications of the principles of ICZM and marine spatial planning in the Russian Federation], *Regional'naya ekologiya*, no. 1—2, p. 141—144.
29. The Situation in Europe's Coastal Zones. [Elektronnyy resurs], 2013, available at: <http://europa.eu.int/comm/environment/iczm/situation.htm> (accessed 20.09.2013).
30. Sychev, S.L. 2006, *Kompleksnoe osvoenie pribrezhnoy zony Chernogo morya — vazhneyshiy faktor ee ustoychivogo razvitiya* [Integrated development of the coastal zone of the Black Sea — a key factor in its sustainable development], PhD Thes., Krasnodar, 25 p.
31. Slevich, S.B. 1988, *Okean: resursy i khozyaystvo* [Ocean: resources and economy], Leningrad, 315 p.
32. Zalugin, B.S. 1984, *Ekonomicheskaya geografiya Mirovogo okeana* [Economic Geography of the World Ocean], Moscow, 248 p.
33. Pokshishevskiy, V.V. 1982, *Ekonomicheskaya geografiya Mirovogo okeana* [Economic Geography of the World Ocean], Moscow, 306 p.
34. Baranskiy, N.N. 1929, *Kratkiy kurs ekonomicheskoy geografii* [A short course of economic geography], Moscow.
35. Lavrov, S.B., Sal'nikov, S.S. 1975, Promyshlennyy «sdivg k moryu» i formirovaniye portovo-promyshlennykh kompleksov [Industrial "shift to the sea" and the formation of a port and industrial complexes], *Geografiya okeanov*, materials 5 Congress GO USSR, Leningrad, p. 12—22.
36. Bondarenko, V.S. 1981, Ekonomiko-geograficheskoe izuchenie primorskikh zon [Economic-geographical study of coastal zones], *Vestnik MGU, Ser. Geografiya* [Bulletin Moscow State University, Ser. Geography], no. 1, p. 36—41.
37. Topchiev, A.G., Polosa, A.I. 1987, Primorskie khozyaystvennyye komplekсы: ponyatiyno-kontseptual'nyy analiz [Maritimes economic systems: concepts and conceptual analysis]. In: *Primorskie regiony: geograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie problem*, Vladivostok, p. 42—50.

38. Baklanov, P. Ya., Romanov, M. T. 2010, Geopoliticheskie faktory razvitiya transgranichnykh regionov [Geopolitical factors of development of cross-border regions], *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* no. 2, p. 60—71.

39. Kolosovskiy, A. M. 2010, K voprosu ob istochnikakh i mekhanizmaxh samorazvitiya primorskikh territoriy [To a question about the sources and mechanisms of self-development of coastal areas], *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik Immanuel Kant State University of Russia], no. 3, p. 31—42.

40. Anuchin, V. A. 1982, *Geograficheskiy faktor v razvitii obshchestva* [The geographical factor in the development of society], 334 p.

41. Druzhinin, A. G. 2011, Ot gumanizatsii k neogumanizatsii rossiyskoy sotsial'no-ekonomicheskoy geografii: trendy, problemy, priority [From the humanization to a neo-humanization of oRussian socio-economic geography: trends, challenges, priorities], *Yuzhno-rossiyskiy forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya*, no. 1, p. 34—51.

42. Druzhinin, A. G. 2004, Ekonomicheskiy potentsial primorskoj zony: ponyatiyno-kategorial'nye osnovy kontseptsii [The economic potential of coastal areas: the conceptual and categorical basis of the concept], *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, no. 4, p. 54—60.

43. Alkhimenko, A. P. 2005, *Morekhozyaystvennyy kompleks Rossii: tendentsii razvitiya i problemy* [Maritime complex of Russia: trends and challenges], *Morekhozyaystvennyy kompleks Rossii*, Saint Petersburg, p. 5—23.

44. Small, C., Nicholls, R. J. 2003, A global analysis of human settlement in coastal zones, *Journal of Coastal Research*, T. 19, Vol. 3, June, p. 584—599.

45. Bezrukov, L. A. 2008, *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in the international and regional development], Novosibirsk, 369 p.

46. Druzhinin, A. G. 2014, Metropolii i metropolizatsiya v sovremennoy Rossii: kontseptual'nye podkhody v politiko-geograficheskom kontekste [Metropolis and metropolization in modern Russia: conceptual approaches to political and geographical context], *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Izvestiya RAN. Geographical Series], no. 1, p. 19—27.

47. Druzhinin, A. G., Lachininskiy, S. S. 2015, «Primorskiy faktor» v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii territorii (na materialakh Kingiseppskogo rayona Leningradskoy oblasti) ["Seaside factor" in social and economic development of the territory (on materials of the Kingisepp district of Leningrad region)], *Yantarnyy most. Zhurnal regional'nykh issledovaniy* [Amber bridge. Regional Studies Journal], no. 3, p. 22—41.

48. Druzhinin, A. G. 2008, Yug Rossii: integratsionnye priority v prostranstve Bol'shogo Prichernomor'ya [Southern Russia: integration priorities in the wider Black Sea area], *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, no. 3, p. 23—30.

About the author

Prof. Aleksandr Druzhinin, Head of the Coordination Council of the Russian Human Geographers Association, Director of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, the Southern Federal University, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

To cite this article:

Druzhinin A. G. Russia's Coastal Zone as a Social and Geographic Phenomenon: Conceptualisation and Delimitation, *Baltiyskiy region*, Vol. 8, no. 2, p. 85—100. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.

УДК 314.74

**МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ
ЕВРОПЫ:
ПРОСТРАНСТВЕННО-
ВРЕМЕННЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

*Д. В. Житин**
*А. И. Краснов**
*А. В. Шендрик**

Одним из проявлений процесса глобализации стало увеличение пространственной подвижности населения, вовлечение все большего количества жителей Земли в процессы международной миграции. Данная работа посвящена оценке плотности миграционных связей европейских государств на основе количественных параметров за период с 1990 по 2015 год. Анализ таких показателей, как направленность и результативность миграционных потоков, их локализация на уровне отдельных стран и регионов, позволяют выявить основные тренды пространственно-временной трансформации данного явления в пределах европейского субконтинента. Проведенные расчеты дают основания сделать вывод о том, что при общем увеличении миграционной активности разделение Европы на страны, принимающие мигрантов (страны иммиграции), и страны, отдающие их в международном обмене населением (страны эмиграции), за последние десятилетия не только не уменьшилось, но, напротив, возросло. Приводится опыт типологии европейских стран по направленности и интенсивности миграционных связей, а также делаются выводы о влиянии международной миграции на демографическую и социокультурную ситуацию в различных странах и государствах Европы.

Ключевые слова: иммиграция, эмиграция, коэффициент результативности международной миграции, интенсивность миграционных процессов, Европа, регионы и страны мира, миграционный поток

Европа, занимающая самую западную оконечность евроазиатского материка, до недавнего времени находилась в стороне от массовых миграций населения. В историческое вре-

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9.

Поступила в редакцию 19.02.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-6

© Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В., 2016

мя, продолжительность которого для большей части этого региона Земли насчитывает около 2500 лет, значительные перемещения населения на европейском субконтиненте зафиксированы только в IV—VII вв. н. э. События этого периода, известные в истории как Великое переселение народов, коренным образом изменили не только политическую, но и этническую карту Европы. В дальнейшем, в течение многих веков, Европа не испытывала значительного притока «иммигрантов» — арабские завоевания Пиренейского полуострова, набеги норманнов и расширение владений Оттоманской Порты изменяли политическое устройство отдельных регионов, но не имели следствием массовые перемещения населения. Наоборот, уже с конца XI в. европейские страны стали источником эмиграции, достигшей огромных масштабов к концу XIX столетия. Крестовые походы (XI—XIV вв.), колонизация Северной и Южной Америк, Австралии и Новой Зеландии, колониальные войны в Азии и Африке выбрасывали за пределы Европы миллионы ее жителей. И только со второй половины XX в. европейские страны начинают превращаться из мест эмиграции в территорию, привлекательную для иммигрантов.

Конечно, привлекательность той или иной территории для населения определяется прежде всего уровнем жизни, имеющим в основе показатели социально-экономического развития. По этим показателям государства Европы имеют значительные различия между собой и еще большие различия с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Но одних различий в уровне жизни недостаточно, чтобы обеспечить значительный миграционный поток, особенно на международном уровне. Для этого необходима высокая мобильность населения и в первую очередь техническая возможность путешествий на большие расстояния. Каравеллам Магеллана понадобилось три года, чтобы обойти земной шар; караванам, шедшим по Великому шелковому пути, требовалось несколько месяцев, чтобы доставить товар из Китая в Византию. Даже в начале XX в. плавание из Европы в Австралию занимало несколько недель и было доступно лишь немногим. Со второй половины прошлого века возможности для массовых перемещений на значительные расстояния стали быстро расти. Глобализация как мировой интеграционный процесс затронула все стороны жизни людей и имела одним из следствий резкое увеличение миграционной подвижности населения. Это привело к формированию совершенно новой миграционной ситуации, в том числе и на европейском субконтиненте. Вторая половина XX в. знаменовалась новым «великим переселением народов», затронувшим к началу текущего столетия все страны Европы [13].

Можно оспорить мнение Е. А. Нарочницкой о том, что «современные миграционные процессы не имеют аналогий в прошлом» [9, с. 10—11], но масштабы миграционных потоков нашего времени действительно впечатляют. По данным Департамента народонаселения ООН, за пери-

од с 1990 по 2015 г. общее количество *международных мигрантов*¹ в мире в целом и в Европе в частности увеличилось в 1,6 раза. В общей численности людей, проживающих за пределами страны в которой они родились, Европа занимает первое место среди других регионов мира. Из 244 млн международных мигрантов в мире 76,2 млн — 31 % — проживают в европейских странах. Сегодня каждый десятый житель Европы — иммигрант, а в таких странах, как Швейцария и Люксембург, доля родившихся за рубежом превышает 25 % [2].

Интерес к проблеме миграции в Европе неуклонно растет. Публикуются как специальные исследования, затрагивающие отдельные аспекты миграционных процессов, так и глубокие обзорные работы [1; 9; 18].

Следует отметить, что большинство ученых аналогично объясняют механизмы миграции совместным действием двух больших групп причин:

1) *выталкивающие*, — заставляющие людей покидать родную страну (сложное экономическое положение, смена строя, социальная нестабильность, войны) [14; 20];

2) *притягивающие*, — стимулирующие людей приехать в конкретную страну.

Здесь принято выделять три основных фактора:

а) *экономический*: высокий уровень (динамика) экономического развития принимающей страны порождает дисбаланс на рынке труда (повышенный спрос на рабочую силу), который удовлетворяется за счет притока иммигрантов [16; 17];

б) *культурное влияние* (в рамках центр-периферийной, мир-системной теории): основной объем миграций осуществляется преимущественно из периферийных и полупериферийных постколониальных стран в бывшие страны-метрополии, в свое время оказавшие сильное влияние на все сферы жизни своих колоний, сформировав прочные культурные, образовательные и внешнеэкономические связи. Особенно важное значение здесь имеет единство языка [15];

в) *теория социальных сетей* (теория цепной миграции): новые миграции зачастую осуществляются по уже сформированным каналам (социальным связям конкретной общины мигрантов с родной страной). Опираясь на уже существующие ядра, миграция по таким социальным каналам продолжается даже тогда, когда объективные экономические факторы в виде высокого спроса на рабочую силу в принимающей стране снижают свое влияние. Новые мигранты в этом случае, выбирая страну, рассчитывают не столько на быстрое трудоустройство и высокий заработок, сколько на экономию при переезде и более комфортную адаптацию на новом месте среди соотечественников. Вопрос социальных сетей иммигрантов и цепной миграции всегда привлекал особое внимание исследователей [12; 19; 21].

¹ Под международными мигрантами в статистике ООН и других международных организаций понимаются лица, проживающие за пределами страны на территории которой они родились, независимо от длительности срока своего проживания в данной стране.

Однако в данной работе намеренно не акцентируется внимание на причинах, побуждающих людей бросать родину и переселяться в другую страну, и на то, чем обоснован этот выбор. Тем более что принятие решения о смене места жительства — процесс не только сложносоставной и многофакторный, но и сугубо индивидуальный. У каждого потенциального мигранта имеется свой набор причин для переселения, но все они укладываются в парадигму, изложенную в известной русской поговорке: «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше».

В свете нарастающей в последние годы интенсивности миграционных процессов целью данного исследования было оценить пространственные изменения миграционной ситуации на территории Европы, произошедшие с 1990 г. и установить причины выявленных территориальных различий. Решение этих задач возможно через анализ направленности и масштабов миграционных потоков.

В представленной работе используется метод сопоставления сведений о месте рождения и месте жительства европейцев, дающий возможность учесть итоги межгосударственных перемещений населения за длительный временной период и убрать «шумовой фон» промежуточных миграционных движений.

В этой связи применяемый в данном исследовании анализ географии международных переселений на основе изучения накопленной миграции (иммиграции и эмиграции) позволяет получить более достоверные сведения об интенсивности и направленности миграционных процессов, чем суммирование миграционного баланса прибытий и убытий по каждому из европейских государств за несколько десятилетий.

Вовлеченность европейских стран в процессы международной миграции может быть охарактеризована несколькими параметрами, имеющими как абсолютные, так и относительные значения. Рассмотрим лишь некоторые из них, позволяющие делать выводы о тенденциях развития миграционной ситуации на европейском субконтиненте и последствиях пространственно-временных трансформаций миграционных связей государств Европы. Основным источником статистической информации, используемой для анализа, стали данные по международной миграции Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [2].

Коэффициент результативности международной миграции (КРММ)

По направленности миграционных процессов все европейские страны² можно разделить на те, в которых количество иммигрантов значительно больше количества эмигрантов, и наоборот. Для отнесения государства к той или иной группе можно использовать *коэффициент результативности международной миграции*, составляющий отноше-

² В данной работе анализировались все европейские страны с численностью населения более 100 тыс. чел. и Кипр, географически расположенный в Азии, но входящий в ЕС и тесно интегрированный с Европой. Всего исследуется 40 государств; не брались «государства-карлики» (Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино, Андорра, Ватикан). Зависимые территории (Фарерские острова, Гибралтар) рассматриваются в составе стран-метрополий.

ние численности проживающих в стране иммигрантов к численности уроженцев данной страны, проживающих за рубежом, то есть — к численности эмигрантов.

$$\text{КРММ} = \text{И} / \text{Э},$$

где И — численность иммигрантов; Э — численность эмигрантов.

В 2015 г. в целом в Европе количество иммигрантов превышало численность эмигрантов на 28%, то есть КРММ был равен 1,28. Но среди европейских государств данный показатель существенно варьируется. В первую группу стран с КРММ более 1,2 сегодня входит 15 государств, расположенных преимущественно в северной и западной частях субконтинента. Все государства из этой группы, за исключением Словении и Кипра, исторически относятся к наиболее экономически развитым странам мира с высоким индексом развития человеческого потенциала, высоким доходом на душу населения (рис. 1). В Испании, Швеции, Люксембурге, Швейцарии, Франции, Норвегии и Германии на каждого уроженца этих стран, проживающего за пределами родины, приходится 3—5 иммигрантов. Интересно, что такие государства, как Италия и Великобритания, принимающие в последние десятилетия наиболее крупные контингенты иммигрантов, имеют не самый большой КРММ — в 2015-м данный показатель находился в диапазоне от 1,5 до 2. Это объясняется тем, что еще сравнительно недавно эти государства были крупнейшими источниками эмиграции. Всего четверть века назад, в 1990 г., и Великобритания, и Италия рассматривались как страны, где численность уехавших на чужбину значительно превышала количество неместных уроженцев (КРММ — 0,9 и 0,4 соответственно) [2].

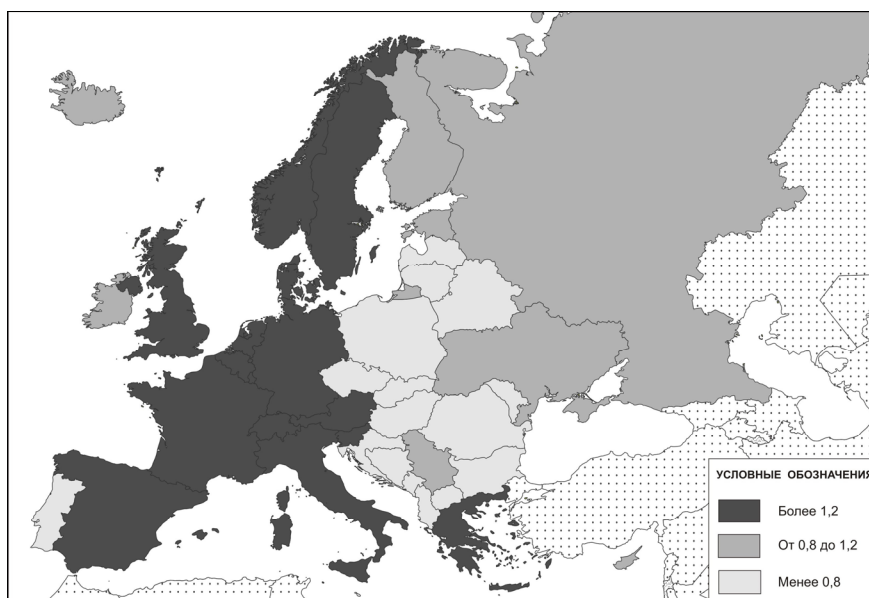

Рис. 1. Коэффициент результативности международной миграции (КРММ) в государствах Европы, 2015 г.

Составлено авторами на основе [2].

Во вторую группу входят страны, где численность лиц, прибывших из-за границы, значительно уступает количеству эмигрантов, покинувших пределы своей родины. В настоящее время 17 государств Европы являются ярко выраженными странами эмиграции. Большинство из них относится к странам Юго-Восточной и Восточной Европы.³ Наиболее значительная диспропорция между иммигрантами и эмигрантами наблюдается в социально неблагополучных, пострадавших от войн и этнических конфликтов странах Балканского полуострова — Боснии и Герцеговине, Болгарии, Румынии и Албании. Сегодня в этих государствах на одного неместного уроженца приходится от 10 до 50 эмигрантов, отправившихся в поисках лучшей жизни в более благополучные страны Европы⁴.

В случае если КРММ составляет от 0,8 до 1,2, страны могут быть отнесены к третьей, промежуточной группе государств, почти в равной степени как принимающих, так и отдающих мигрантов в международном обмене. Относительный баланс между иммигрантами и эмигрантами наблюдается в 8 европейских странах, расположенных в различных частях субконтинента. К их числу относятся: Финляндия, Исландия, Ирландия, Кипр и Сербия. К странам, где количество иммигрантов и эмигрантов примерно одинаково относится и Россия, а также такие республики бывшего СССР, как Эстония и Украина. Массовые миграции в советский период, имевшие характер перемещений в пределах единого государства, привели к значительному перемешиванию населения в этих странах. Правда, в прибалтийских республиках «плавильного котла» из этого не получилось и русскоязычные общины в Эстонии, Латвии и Литве существовали в значительной степени обособленно от представителей «коренного» населения. При этом, говоря о государствах Балтии, следует понимать, что при кажущейся внешней схожести этнодемографической ситуации в этих республиках политическая история восточной части Балтийского региона имела существенные различия за последние несколько веков [8]. Это не только отразилось на особенностях проводимой внутренней и внешней политики в каждой из стран Балтии после восстановления их государственной независимости, но и как следствие — на миграционной ситуации [6].

³ Рассматриваемое в данной статье региональное деление Европы предполагает, что к Северной Европе относятся страны Скандинавии (Дания, Швеция, Норвегия, Исландия) и Финляндия; к Западной Европе — Великобритания, Ирландия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Германия, Австрия, Франция и Швейцария; к Южной Европе — Испания, Португалия, Италия, Греция, Мальта, Кипр; к Юго-Восточной Европе — Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, Македония, Албания, Болгария, Румыния, Молдова; к Восточной Европе — Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, а также — Россия, Беларусь и Украина.

⁴ Для выходцев из Болгарии основной страной эмиграции является Турция, так как значительная часть эмигрантов из этой балканской страны составляют этнические турки.

Следует отметить, что за период с 1990 г. в большинстве европейских стран КРММ увеличился. В наибольшей степени диспропорция между количеством иммигрантов и эмигрантов характерна сегодня для скандинавских стран и государств Южной Европы. Так, в Норвегии и Швеции, ранее являвшихся странами с преобладанием иммиграции, сегодня на одного эмигранта приходится 3,8 и 4,9 уроженца других стран (в 1990 г. — 1,3 и 3,5) (рис. 1). В Испании еще двадцать пять лет назад на одного неместного уроженца приходилось два эмигранта, уехавших из страны в поисках лучшей жизни. Сегодня на каждого испанского эмигранта приходится 4,8 иностранцев, прибывших на Пиренейский полуостров из Северной Африки и Латинской Америки. Среди других европейских государств, превратившихся за короткий срок из стран эмиграции в страны иммиграции, необходимо назвать Великобританию, Италию, Грецию и Кипр.

Очень показательна перемена вектора международной миграции на примере таких стран, как Финляндия и Ирландия. В конце 80-х гг. прошлого века это были сравнительно бедные по европейским меркам государства, население которых предпочитало в поисках лучшей жизни уезжать в другие страны. Предпочтение отдавалось бывшим метрополиям — Швеции и Великобритании, где и сегодня финская и ирландская общины являются одними из самых многочисленных. В 1990 г. на каждого иммигранта в Финляндии и Ирландии приходилось по четыре финна и ирландца, проживавших за границей. Но уже к 2015 г. численность иммигрантов и эмигрантов в Ирландии почти сравнялась, а в Финляндии иммигрантов стало больше, чем эмигрантов [2].

Смена вектора международной миграции затронула не только страны, считавшиеся еще недавно сравнительно бедными, но и крупнейшие государства Европы. Так, в XIX — первой половине XX вв. страной эмигрантов была и Великобритания, чьи граждане массово выезжали в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку. Для Италии в тот же период главными странами эмиграции выступали США и Франция, для Испании — Франция и государства Латинской Америки. Основной поток мигрантов из России (в ее современных границах) направлялся на территорию современных Украины и Казахстана. Смена вектора миграционных потоков началась во второй половине прошлого века и ускорилась в конце столетия. Для одних стран она была связана с распадом государств (Британской Империи и СССР), для других (Италия, Испания, Германия) — с экономическим бумом, сделавшим эти страны привлекательными не только для своих граждан, но для жителей других государств.

Но не во всех европейских странах соотношение между иммигрантами и эмигрантами за последние десятилетия изменилось в сторону первых. В странах Балтии (Эстония, Латвия, Литва), Польши, Румынии и Молдовы КРММ за период с 1990 по 2015 г. снизился в 3—6, а в Албании — в 11 раз. Государством с преобладанием эмигрантов стала и Украина. В России за четверть века соотношение между иммигрантами и эмигрантами изменилось незначительно (в 1990 г. КРММ был равен 0,90, а в 2015 г. — 1,10). При этом, рассматривая в данном исследова-

нии Россию как целое, необходимо понимать, что ее внутренние различия, даже на территории европейской части страны, не ограничиваются сферой экономики [7], а касаются всех сторон общественной жизни, не исключая и демографическое развитие.

Удельный вес иммигрантов (УВИ) в общей численности населения

Кроме общей направленности миграционных потоков не меньшее значение имеет и их влияние на формирование населения той или иной страны. Основным показателем здесь является *удельный вес иммигрантов (УВИ) в общей численности населения*. При этом не всегда большой КРММ соответствует высокому УВИ. Так, в Эстонии, Ирландии, Исландии, Кипре и Украине доля лиц, родившихся за пределами этих стран, превышает 10% численности населения, но общее количество иммигрантов и эмигрантов примерно одинаково. Наибольший удельный вес «некоренного» населения сегодня наблюдается в государствах Западной Европы. Кроме уже упоминавшихся Люксембурга и Швейцарии наиболее высокий процент неместных уроженцев прослеживается в Швеции, Австрии, Ирландии и Кипре. Среди государств Восточной Европы, имеющих значительно более низкие показатели уровня экономического развития, высокий удельный вес иммигрантов имеет Эстония (рис. 2). В последнем случае большой процент населения, родившегося за рубежом, обусловлен миграционными связями этой прибалтийской республики со своей бывшей метрополией. Уроженцы России составляют сегодня 11% населения Эстонии или почти три четверти всех иммигрантов, проживающих в этой стране [2].

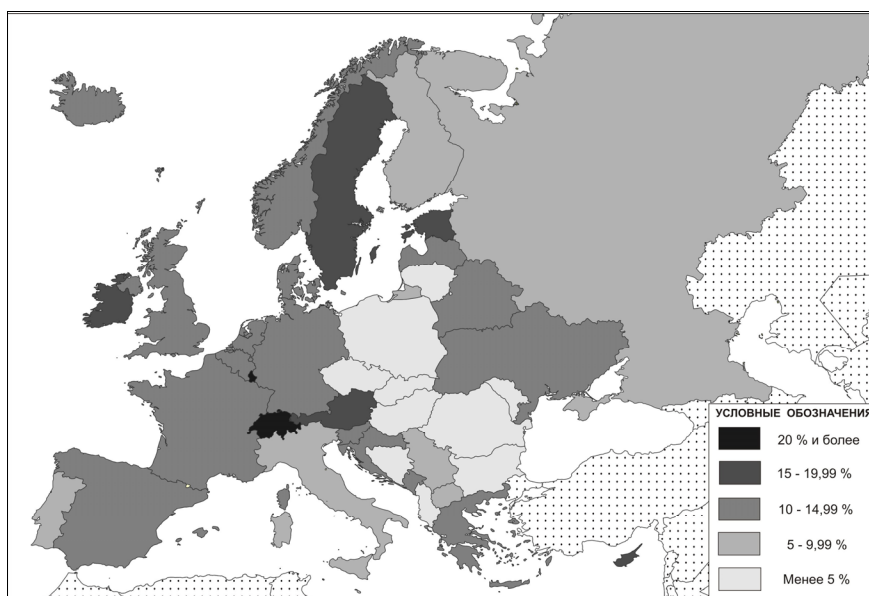

Рис. 2. Удельный вес иммигрантов в общей численности населения стран Европы, 2015 год

Составлено авторами на основе [2].

Следует отметить, что последние двадцать пять лет удельный вес иммигрантов в европейских странах изменялся неравномерно. Если в целом по 40 странам Европы за период с 1990 по 2015 г. удельный вес иммигрантов вырос на три с половиной пункта с 6,8 до 10,3%⁵, то для отдельных государств имело место значительно большее изменение. Наиболее заметно увеличилось количество иммигрантов в странах, ранее имевших небольшой удельный вес неместного населения, таких как Сербия, Испания, Финляндия, Болгария, Чехия, Италия. И если в Болгарии и сегодня удельный вес «некоренных» лишь немногим превышает 1% населения, то в Испании доля иммигрантов за два с половиной десятилетия выросла с 2 до 12,7% численности всего населения. Бурный рост экономики Испании в конце XX — начале XXI в. и возможность использования ее территории как перевалочной базы по пути в другие страны ЕС привели к массовому притоку иммигрантов из государств Латинской Америки и Северной Африки, составлявшему ежегодно сотни тысяч человек [11].

В то же время в ряде европейских стран за прошедший период сократились и абсолютное количество, и удельный вес иммигрантов в общей численности населения. Прежде всего это касается стран Восточной Европы, представленных в основном республиками бывшего СССР. В некоторых из них, таких как Украина и Беларусь, сокращение удельного веса иммигрантов было незначительным — в пределах 7—20%. В других (Литва, Латвия, Эстония, Молдова, Польша, Босния и Герцеговина) — сокращение численности неместных уроженцев составило от 30 до 75%. Для Боснии и Герцеговины, государств Балтии (Эстония, Латвия, Литва) и Молдовы такое снижение количества неместных уроженцев объяснялось большими объемами возвратных миграций после распада Югославии и СССР: сербы стали возвращаться в Сербию, русские и «русскоязычные» — в Россию [24]. Для Польши почти двукратное снижение за период с 1990 по 2015 г. выходцев из Украины, Литвы и Беларуси объясняется причинами естественного движения населения — поколение послевоенной волны (1944—1957 гг.) польских переселенцев из Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины постепенно вымерло в силу преклонного возраста⁶.

Среди европейских государств по удельному весу лиц, родившихся за рубежом, Россия занимает довольно скромное место — только 8,1%

⁵ Для корректности сопоставлений данные за 1990 г. приводятся с учетом государственных границ на 2015 г., то есть миграционный обмен населением между республиками бывшего СССР и Югославии, а также между Чехией и Словакией на 1990 г. рассматривается как международная миграция.

⁶ В период 1944—1947 гг. после уточнения линии прохождения советско-польской границы произошло массовое переселение белорусов и украинцев из Польши в Советский Союз (Белоруссию и Украину), а поляков из западных областей Украины и Белоруссии в Польшу. Переселение носило в основном, принудительный характер. Всего было переселено более полумиллиона украинцев и белорусов и более 1,3 млн (с учетом реабилитации ранее репрессированных и депортированных в Сибирь и Центральную Азию) поляков.

населения страны родилось за ее пределами. При этом, несмотря на значительный приток иммигрантов в постсоветский период, за последние двадцать пять лет этот показатель почти не изменился [2].

Важным показателем стал и объем миграционных потоков, локализованных в той или иной стране, в общем количестве иммигрантов. Размер имеет значение, и сегодня на четыре государства — Россию, Германию, Великобританию и Францию — приходится больше половины всех европейских иммигрантов, а с учетом еще трех стран — Испании, Италии и Украины — 74%. По сравнению с 1990 г. произошли значительные изменения в списке стран-лидеров, абсорбирующих наибольшее количество иммигрантов (табл. 1). За рассматриваемый период значение России и Украины как стран массовой иммиграции снизилось, а Великобритании, Италии и, особенно, Испании — возросло.

Таблица 1

**Государства Европы с наибольшей численностью эмигрантов
и иммигрантов в 1990- 2015 гг.**

Государство	Тыс. чел.	% от численности населения страны	Государство	Тыс. чел.	% от численности населения страны
<i>Эмигранты</i>					
1990			2015		
Россия	12 750	8,6	Россия	10 577	7,4
Украина	5 575	10,8	Украина	5 826	13,0
Великобритания	4 070	7,0	Великобритания	4 917	7,6
Италия	3 497	6,1	Польша	4 450	12,2
Германия	3 471	4,4	Германия	4 045	5,0
Португалия	1 919	19,4	Румыния	3 408	17,5
Белоруссия	1 892	18,4	Италия	2 901	4,8
Польша	1 628	4,3	Португалия	2 306	22,3
Испания	1 464	3,8	Франция	2 146	3,3
Сербия и Черногория	1 305	12,5	Босния и Герцеговина	1 651	43,3
<i>Иммигранты</i>					
1990			2015		
Россия	11 525	7,8	Германия	12 006	14,9
Украина	6 893	13,3	Россия	11 643	8,1
Германия	5 936	7,5	Великобритания	8 543	13,1
Франция	5 897	10,4	Франция	7 784	12,1
Великобритания	3 662	6,3	Испания	5 853	12,7
Италия	1 428	2,5	Италия	5 789	9,7
Швейцария	1 392	20,7	Украина	4 835	10,8
Белоруссия	1 249	12,2	Швейцария	2 439	29,4
Нидерланды	1 192	8,0	Нидерланды	1 979	11,7
Польша	1 128	3,0	Швеция	1 640	16,8

Составлено авторами на основе [2].

Следует отметить, что, несмотря на рост количества иммигрантов в большинстве европейских государств, в крупнейших из них — России, Германии, Великобритании, Франции, Италии — удельный вес прибывших в общей численности населения составляет не самые большие значения, варьируясь от 7,8 % (Россия) до 14,9 % (Германия).

Говоря о росте численности и удельного веса иммигрантов в большинстве стран Европы, необходимо понимать, что это не линейный процесс. Экономические кризисы, ухудшение конъюнктуры на рынках труда отдельных европейских стран существенно влияют на масштабы и направления миграционных потоков, вызывая явления возвратной миграции. Так, значительное ухудшение общей экономической ситуации в Испании, сопровождавшееся ростом безработицы, после 2008 г. привело к массовому выезду из страны иностранцев, ранее прибывших на Пиренейский полуостров. На некоторое время Испания опять превратилась в страну эмиграции [10].

Интенсивность миграционных процессов (ИМП)

Миграционную ситуацию в той или иной стране характеризует и такой показатель, как отношение *валовой международной миграции (ВММ)* (миграционного оборота) к общей численности населения. Он позволяет рассчитать *интенсивность миграционных процессов (ИМП)*, отражая вовлеченность населения страны в международную миграцию⁷.

$$\text{ИМП} = (И + Э) / Н \cdot 100,$$

где И — численность иммигрантов; Э — численность эмигрантов; Н — численность населения.

Низкая интенсивность миграционных процессов присуща т. н. *традиционным обществам*, в которых минимальные контакты с внешним миром способствует сохранению этнокультурных особенностей и консервирует социальную структуру. И наоборот, высокая ИМП характерна для обществ, активно включенных в процессы глобализации. В странах с высокой интенсивностью международной миграции населения происходит быстрая трансформация обычаев и устоев, традиционные ценности исчезают или изменяются до неузнаваемости. Как отмечает ряд исследователей, именно такая ситуация характерна сегодня для многих европейских государств [4; 5; 9].

В 1990 г. году наиболее высокая ИМП в Европе была присуща самым разным государствам, расположенным как на западе, так и на востоке от «железного занавеса». Среди 13 стран, в которых суммарное количество иммигрантов и эмигрантов превышало 20 % численности

⁷ В данном исследовании под валовой международной миграцией (миграционным оборотом) понимается сумма иммигрантов и эмигрантов, то есть лиц, родившихся за рубежом и проживающих в данной стране (иммигранты), и уроженцев данной страны, проживающих за рубежом (эмигранты).

населения, были как советские республики (Украина, Молдова, Белоруссия, Эстония, Латвия), республики Югославии (Македония, Босния и Герцеговина), так и государства Южной и Западной Европы. Причем в числе последних были как «бедные» (Мальта, Кипр, Португалия, Ирландия), так и «богатые» (Люксембург, Швейцария) страны (рис. 3). В государствах с низким уровнем жизни (Кипр, Мальта, Португалия, Босния и Герцеговина, Македония, Ирландия) высокая ИМП обеспечивалась в основном за счет эмиграции. В странах с высокими, относительно соседей, социальными стандартами (Эстония, Латвия, Швейцария, Люксембург) высокая интенсивность миграционных процессов была связана прежде всего с притоком иммигрантов. И только для трех советских республик — Украины, Белоруссии и Молдовы — ИМП в равной степени зависел как от иммиграции, так и от эмиграции [2].

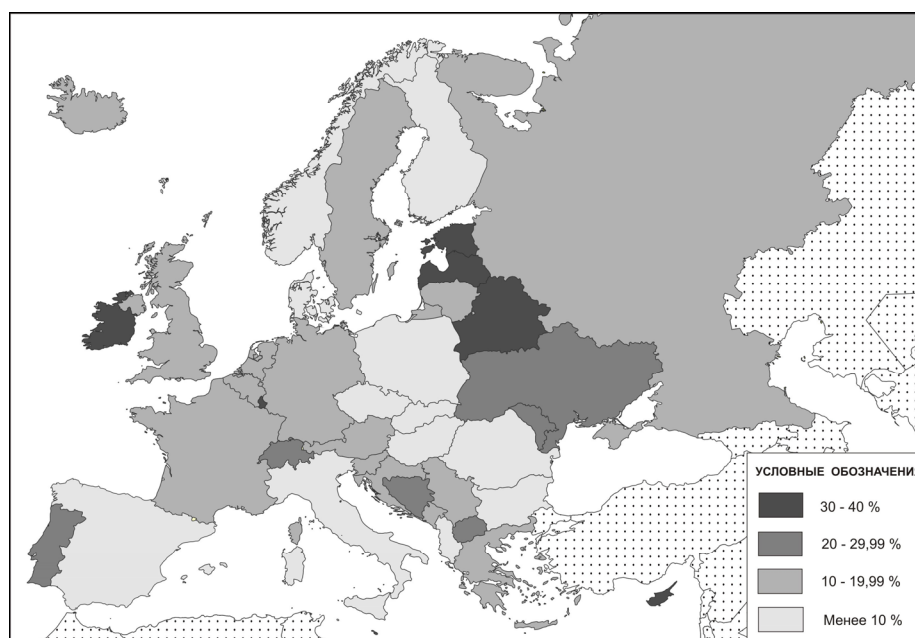

Рис. 3. Интенсивность миграционных процессов (ИМП) в странах Европы, 1990 г.

Составлено авторами на основе [2].

Низкая вовлеченность населения в миграционные процессы два с половиной десятилетия назад была также присуща государствам, представлявшим самые разные регионы Европы. Значение ИМП менее 10% наблюдалось как в Скандинавских странах (Финляндии, Дании, Норвегии), так и в наиболее многонаселенных государствах Южной Европы — Италии и Испании. Страны социалистического лагеря (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния, Албания), где существовали большие ограничения на международные перемещения, тоже характеризовались низкой миграционной подвижностью населения.

Сегодня ситуация с вовлеченностью населения европейских стран в международную миграцию изменилась по сравнению с 1990 г. существенным образом. Среднее значение ИМП в Европе выросло за этот период с 13,6 до 18,4%. Государств с низкой ИМП в Европе почти не осталось. Минимальное значение данного показателя (9,6%) наблюдается в Словакии — стране недостаточно богатой, чтобы привлекать иммигрантов из развивающихся государств, но уже не настолько бедной, чтобы являться страной массовой эмиграции. В настоящее время в 22 европейских странах из 40 общее количество иммигрантов и эмигрантов превышает 20% численности населения, а в 13 — превышает 30% (рис. 4).

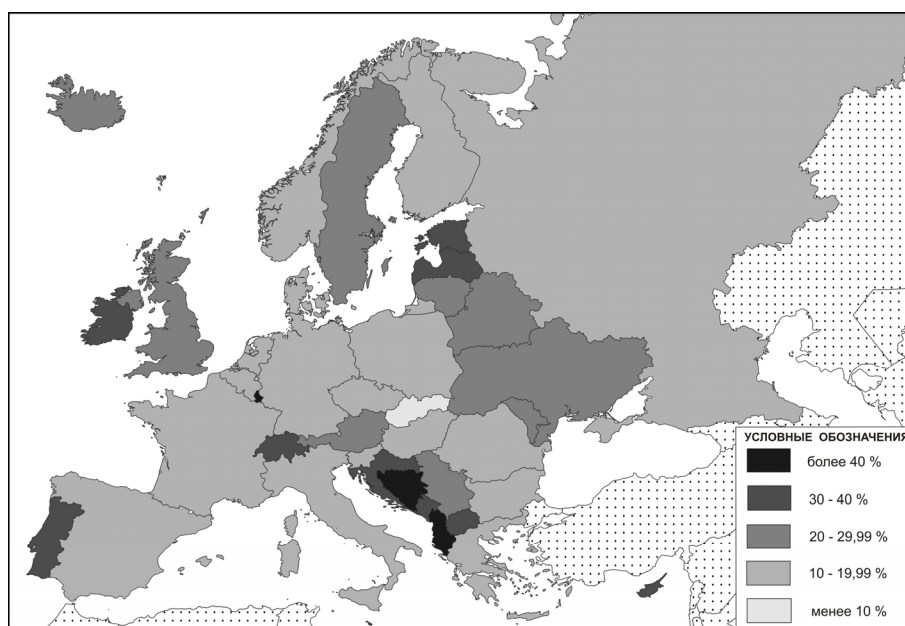

Рис. 4. Интенсивность миграционных процессов (ИМП) в странах Европы, 2015 г.

Составлено авторами на основе [2].

В 2015 г. наибольшее значение ИМП среди государств Европы было в Люксембурге (55%), Боснии и Герцеговине (44%), Албании (41%), Швейцарии (37%), Черногории (35%). Как и в конце 80-х гг. прошлого века, сегодня наибольшая мобильность населения характерна для самых богатых и самых бедных стран Европы, но и для тех, и для других за прошедший период миграционная подвижность населения значительно выросла. Следует отметить, что в региональном разрезе наибольший рост ИМП произошел в государствах, расположенных на Балканском полуострове: в Болгарии удельный вес мигрантов (иммигрантов + эмигрантов) вырос в 2,6 раза, в Румынии — в 4,4 раза, а в

Албании — в 7 раз. Более чем в два раза за последние двадцать пять лет ИМП вырос в Норвегии, Испании, Исландии и в странах с самой низкой мобильностью населения — Чехии и Словакии.

Снижение интенсивности международной миграции за рассматриваемый период произошло только в семи государствах Европы — Мальте и республиках бывшего СССР (за исключением Литвы). Но во всех указанных странах ИМП уменьшилась незначительно — не более чем на 12% от уровня 1990 г. (на 1—4 процентных пункта).

В Российской Федерации по сравнению с советским периодом миграционная активность населения не выросла. Наоборот, в 90-е гг. прошлого века — первом десятилетии текущего столетия наблюдалось снижение миграционного оборота, как в перемещении населения между регионами России, так и в международном миграционном обмене с бывшими союзными республиками, ставшими независимыми государствами [3].

Сводная типология стран Европы по характеру миграционных процессов

Анализ количественных показателей процессов международной миграции позволяет выделить среди европейских стран несколько типов государств по критериям *интенсивности и направленности миграционных процессов* (рис. 5).

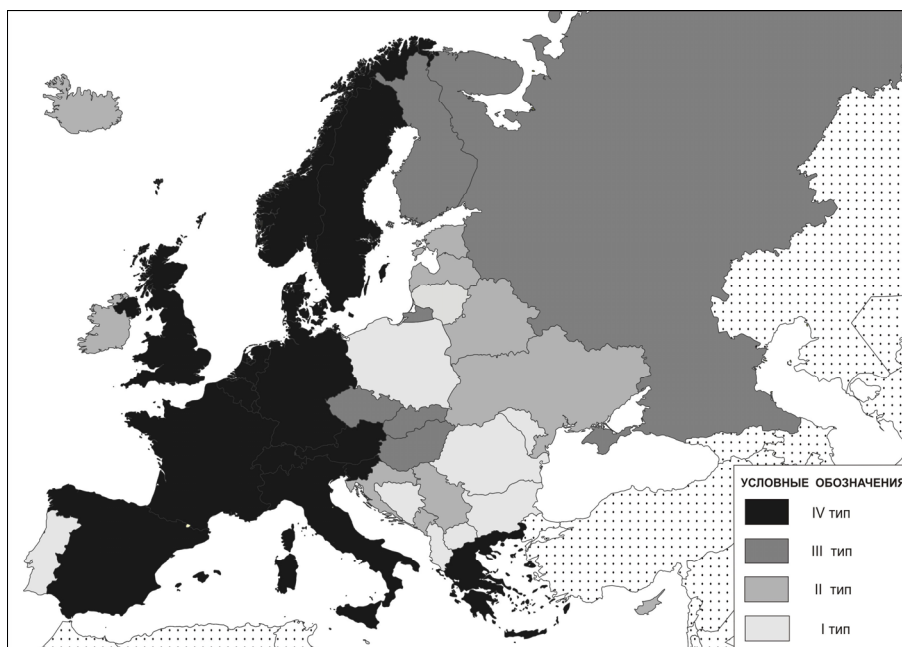

Рис. 5. Типология стран Европы по характеру миграционных процессов, 2015 г.

Составлено авторами на основе [2].

Первый тип характеризуется высокой вовлеченностью населения в процессы международной миграции. Но эта вовлеченность — интенсивность миграционных процессов (ИМП) — обеспечивается почти исключительно за счет преобладания эмиграции над иммиграцией. Коэффициент результативности международной миграции (КРММ) в государствах, относящихся к данному типу, меньше 0,4, а удельный вес уроженцев данных стран, проживающих за рубежом, превышает 16% численности населения. К данному типу относится 10 государств, расположенных на востоке и юге европейского субконтинента (табл. 2). В некоторых из них, таких как Албания, Босния и Герцеговина, количество эмигрантов составляет более $\frac{1}{3}$ всей численности населения.

Таблица 2

Типология государств Европы по характеру миграционных процессов

Тип	Государства	Миграционная ситуация
I	Португалия, Мальта, Литва, Польша, Босния и Герцеговина, Македония, Албания, Болгария, Румыния, Молдова (10)	Эмиграция резко преобладает над иммиграцией (КРММ < 0,4); значительная часть уроженцев (более 16% от численности населения, за исключением Польши) проживает за рубежом. Высокая вовлеченность в процессы международной миграции населения. За последние десятилетия эмиграции населения из большинства государств этой группы (в 8 из 10) резко возросла, в остальных — снижение (Мальта) или стабилизация (Португалия) уровня эмиграции сопровождалось значительным увеличением иммиграции
II	Украина, Беларусь, Сербия, Черногория, Ирландия, Исландия, Кипр, Эстония, Латвия, Хорватия (10)	Эмиграция и иммиграция примерно равны (КРММ в диапазоне от 0,6 до 1,2) и достигают значительных величин (ИМП > 20%). В большинстве стран за последние десятилетия произошла смена вектора международной миграции — с эмиграции на иммиграцию (Ирландия, Исландия, Кипр) и наоборот (Эстония, Латвия, Украина, Хорватия)
III	Финляндия, Венгрия, Чехия, Словакия, Россия (5)	Низкая миграционная активность населения (ИМП < 15%); примерный баланс между эмиграцией и иммиграцией. Незначительный удельный вес иммигрантов в общей численности населения
IV	Швеция, Дания, Норвегия, Германия, Австрия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Франция, Швейцария, Италия, Великобритания, Испания, Греция, Словения (15)	Для большинства государств характерна средняя вовлеченность населения в процессы международной миграции (ИМП от 14 до 24%), а для Швейцарии и Люксембурга — высокая. Во всех государствах иммиграция преобладает над эмиграцией (КРММ > 1,4); удельный вес иммигрантов составляет от 9,7 (Италия) до 44 (Люксембург) процентов и за последние десятилетия неуклонно рос

Составлено авторами на основе [2].

Среди стран Европы, относящихся к первому типу, особое место занимает Польша. По показателю КРММ Польша, несомненно, является страной эмиграции — количество уроженцев Польши, проживающих за ее пределами, в семь раз больше, чем жителей этой страны, родившихся за рубежом. Несмотря на то что сегодня польские диаспоры являются одними из наиболее многочисленных в большинстве стран Западной (Германия, Австрия, Нидерланды, Великобритания, Ирландия) и Северной (Швеция, Норвегия, Дания) Европы, общий удельный вес эмигрантов составляет немногим более 12% численности населения Польши. Во многом это объясняется тем, что Польша является страной с большой численностью населения (38 млн человек в 2015 г.) — 8-е место среди европейских государств, — а также тем, что до 90-х гг. прошлого века в условиях «железного занавеса» эмиграция за пределы страны имела ограниченный характер [2].

Второй тип европейских государств, с другим «миграционным портретом», составляют страны, имеющие баланс между эмиграцией и иммиграцией (КРММ варьируется в пределах от 0,6 до 1,2) и большой объем валовой международной миграции (ИМП больше 20%). Большинство государств этой группы имеют небольшое по численности население, не превышающее несколько миллионов человек. При больших объемах миграции — как эмиграции, так и иммиграции — эти государства становятся своего рода гигантскими «международными вокзалами», территориями с интенсивной ротацией населения. Происходит быстрое замещение населения, результатом которого часто становится кризис идентичности, когда темпы трансформации этносоциальной структуры общества слишком высоки. К данному типу относятся десять стран Европы, имеющих (за исключением Украины и Беларуси) небольшую численность населения (табл. 2).

Для государств *третьего типа* характерны низкие показатели миграционной активности. Исторически занимая промежуточное положение между «богатыми» и «бедными» странами Европы эти государства — Финляндия, Венгрия, Чехия, Словакия — оказались в стороне от основных миграционных потоков последних десятилетий (табл. 2). Иммигранты с Балканского полуострова из более бедных стран Восточной Европы и Азии и сегодня рассматривают эти государства лишь как «транзитные» по пути в Западную Европу. Некоторым исключением здесь является Финляндия, до 90-х гг. прошлого века — бедная и полупатриархальная страна Северной Европы. Совершив за короткий срок резкий рывок по всем направлениям социального и экономического развития, Суоми превратилась из страны эмигрантов в страну иммиграции. Сегодня, став в один ряд с наиболее экономически развитыми государствами Европы по уровню жизни, Финляндия быстро догоняет их и по численности иммигрантов.

По рассматриваемым параметрам миграционной активности к этому же типу государств можно отнести и Российскую Федерацию. Численность и удельный вес жителей России, родившихся за пределами ее современных границ, лишь немногим превышает количество россиян, проживающих за пределами Российской Федерации (КРММ = 1,1).

Большие объемы накопленной иммиграции (11,6 млн чел.) и эмиграции (10,6 млн чел.) применительно к самой многонаселенной стране Европы приводят к тому, что показатель ИМП в России составляет лишь немногим более 15 процентов [2].

Наиболее многочисленная группа государств Европы относится к *четвертому типу*, определяющему основные параметры миграционной ситуации на субконтиненте. Эту группу составляют 15 наиболее крупных и экономически развитых европейских государств. Так как в эту группу входят страны с наиболее высокими показателями ВВП на душу населения, они характеризуются резким преобладанием иммигрантов над эмигрантами (КРММ более 1,4) и общим высоким удельным весом иммигрантов в численности населения (табл. 3). По указанным параметрам, среди государств данной группы особенно выделяются два — Швейцария и Люксембург. В них наблюдается максимальный среди европейских государств удельный вес иммигрантов 29 и 44 процентов всего населения соответственно (рис. 6).

Таблица 3

Государства Европы с наибольшим удельным весом эмигрантов и иммигрантов в общей численности населения в 1990—2015 годах

Государство	% от численности населения	Тыс. чел.	Государство	% от численности населения	Тыс. чел.
<i>Эмигранты</i>					
1990			2015		
Мальта	31,9	113	Босния и Герцеговина	43,3	1 651
Ирландия	26,5	927	Албания	38,8	1 123
Кипр	24,1	164	Македония	24,8	516
Босния и Герцеговина	20,6	887	Мальта	24,6	103
Португалия	19,4	1 919	Португалия	22,3	2 306
Беларусь	18,4	1 892	Черногория	22,0	138
Македония	17,8	360	Молдова	21,8	889
Молдова	15,3	669	Хорватия	20,4	865
Сербия и Черногория	12,5	1 305	Литва	18,9	544
Украина	10,8	5 575	Ирландия	18,8	882
<i>Иммигранты</i>					
1990			2015		
Люксембург	29,8	114	Люксембург	43,9	249
Эстония	24,3	382	Швейцария	29,4	2 439
Латвия	24,2	646	Австрия	17,5	1 492
Швейцария	20,7	1 392	Швеция	16,8	1 640
Украина	13,3	6 893	Кипр	16,8	196
Молдова	13,3	579	Ирландия	15,9	746
Беларусь	12,2	1 249	Эстония	15,4	202
Франция	10,4	5 897	Германия	14,9	12 006
Австрия	10,3	793	Норвегия	14,2	742
Хорватия	9,9	475	Хорватия	13,6	577

Составлено авторами на основе [2].

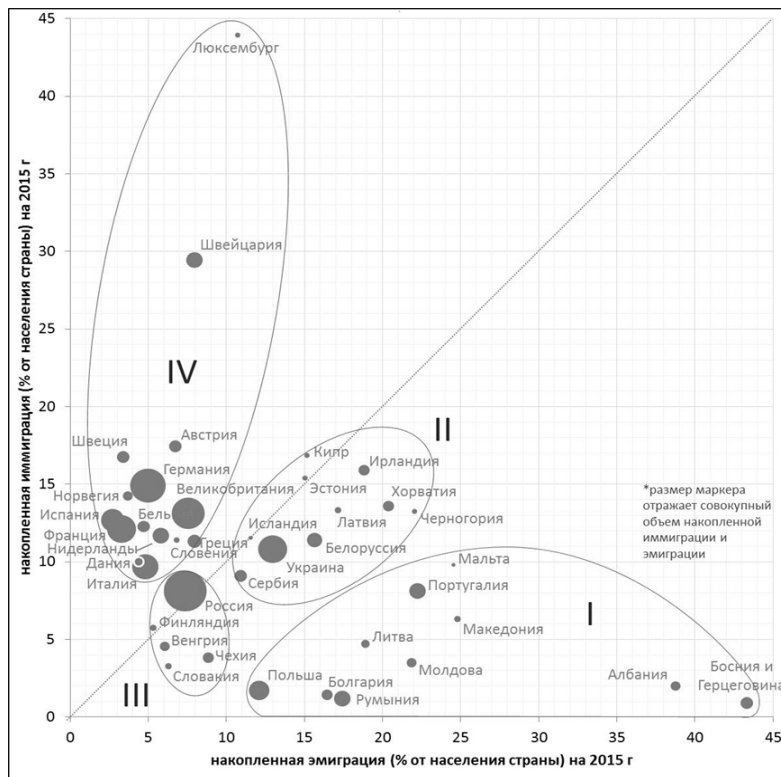

Рис. 6. Группировка государств Европы по основным показателям миграционных процессов, 2015 г.

Составлено авторами на основе [2].

Для всех стран, относящихся к данной группе, характерно неуклонное возрастание удельного веса иммигрантов в общей численности населения, происходившее в течение последних десятилетий. При этом темпы этого роста существенно различались. За период с 1990 по 2015 г. наиболее быстро доля иммигрантов увеличилась в Люксембурге, Швейцарии, Норвегии, Швеции, Германии, Италии. Но лидером по относительному и абсолютному приросту иммигрантов за этот период стала Испания, где менее чем за двадцать пять лет численность жителей, родившихся за пределами страны, увеличилась почти в 7 раз с 830 тыс. до 5,85 млн человек (см. табл. 1).

Выводы

Анализ географии потоков международных мигрантов, их количественных и качественных характеристик позволяет сделать некоторые обобщения и выявить не только причины, но следствия трансформации миграционных связей европейских государств. В настоящее время мы можем наблюдать два разнонаправленных процесса.

Во-первых, эмиграция из европейских стран все больше замыкается в пределах субконтинента — если в 1990 г. на государства Европы приходилось 57% европейских эмигрантов, то в 2015 г. уже 67%. При общем увеличении численности эмигрантов в Европе на 21% наибольший прирост пришелся на страны Восточной и Юго-Восточной Европы. После падения железного занавеса количество эмигрантов в этой части европейского субконтинента выросло в целом более чем в 2 раза, а в таких государствах, как Румыния и Албания, в 4 и 6 раз. Исключением из этого тренда среди восточноевропейских стран стали две бывшие советские республики — Россия и Беларусь, в которых количество уроженцев, проживающих за пределами своей родины, снизилось на 16—17%.

Другим изменением характера миграционных потоков стало резкое увеличение количества иммигрантов, затронувшее почти все государства Европы. За период с 1990 по 2015 г. количество европейцев, родившихся за пределами страны своего проживания, увеличилось в полтора раза с 49 до 76 млн человек. Сегодня каждый десятый европеец является иммигрантом в первом поколении.

Региональные (в пределах Европы) различия миграционных трендов в последние десятилетия значительно усилились и привели к еще большему территориальному размежеванию субконтинента на государства, принимающие мигрантов, и страны, поставляющие эмигрантов в другие, тоже европейские, но более богатые страны. Превышение численности иммигрантов над эмигрантами, наглядно иллюстрируемое таким показателем, как *коэффициент результативности международной миграции (КРММ)*, является сегодня в наиболее экономически развитых государствах Европы⁸ более чем двукратным, достигая в некоторых странах соотношения 3,5—5,0 к 1.

За последние десятилетия 82% прироста иммигрантов пришлось на пять крупнейших европейских государств, аккумулирующих более половины всех иммигрантов, проживающих в Европе, — Испанию, Италию, Великобританию, Германию, Францию. В то же время наиболее значительное увеличение удельного веса «некоренного» населения имело место преимущественно в малых и средних по численности населения странах Европы. За период с 1990 г. удельный вес иммигрантов в общей численности населения вырос в Швейцарии на 8,7 процентных пункта (пп) (с 20,7 до 29,4%), в Ирландии — на 9,4 пп (с 6,5 до 15,9%), в Норвегии — на 9,6 пп (с 4,6 до 14,2%), на Кипре — на 10,3 пп (с 6,5 до 16,8%), в Испании — на 10,6 пп (с 2,1 до 12,7%), в Люксембурге — на 14,1 пп (с 29,8 до 43,9%). Сегодня в семи европейских государствах доля неместных уроженцев в численности населения превышает 15%, что не способствует снижению ксенофобских настроений и росту толерантности в принимающих социумах.

⁸ В соответствии с используемой схемой регионализации европейского субконтинента это государства Западной, Южной и Северной Европы.

Приведенные данные не в полной мере учитывают изменения миграционной ситуации в Европе в 2015—2016 гг., связанные с притоком миллионов новых иммигрантов из государств Африки и Ближнего Востока. Но и без этого очевидно, что во многих европейских странах темпы прироста иммигрантов значительно превышают интеграционные возможности общества. Для государств, где значительный приток иммигрантов сочетается с большими объемами эмиграции, существует риск потери социокультурной идентичности. Показатель же интенсивности миграционных процессов (ИМП), отражающий данное явление, за последние два с половиной десятилетия вырос в 33 из 40 стран Европы (см. рис. 3, 4).

Предложенная в данной работе типология государств Европы по их роли и месту в процессах международной миграции населения не претендует на оригинальность, но позволяет рассматривать различные сценарии развития миграционной ситуации для выделенных группировок европейских стран.

Миграционная волна, накрывшая Европу в последние десятилетия, часто характеризуется как новое «Великое переселение народов». И в этой метафоре нет никакого преувеличения — происходящие изменения социокультурного состава населения большинства европейских стран столь же стремительны с исторической точки зрения сколько и масштабны. Являясь непосредственными очевидцами этих событий, мы не можем в полной мере понять их значение и осознать возможные последствия. Как сказал великий русский поэт начала XX в. Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи». В этнодемографическом отношении Европа меняется стремительно и главную роль здесь играют процессы международной миграции населения. В отличие от первого Великого переселения на смену европейской идентичности понадобится значительно меньше времени. Пройдет несколько десятилетий — и мы не узнаем наш субконтинент. Это будет совсем другая Европа. Какая? Ответ на этот вопрос находится за рамками данного исследования.

Список литературы

1. Анохин А. А. Особенности глобализации и регионализации в современном мире // Региональная экология. 2003. № 3—4. С. 15—22.
2. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Отдел народонаселения : [официальный сайт ООН]. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (дата обращения: 29.01.2016.)
3. Житин Д. В. Пространственная неоднородность миграционного движения России в 1991—2010 гг. // Вестник Санкт.-Петербургского университета. 2012. Вып. 4, сер. 7. С. 135—145.
4. Камкин А. К. Демографические процессы, миграция и рынок труда в Западной Европе (на примере ФРГ) // Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы — новые решения : доклады Института Европы № 292. М., 2013. С. 103—110.

5. *Карпов Г. А.* Великобритания: демография против мигрантов и мультикультурализма // Современная Европа. 2014. №2 (58). С. 106—120.
6. *Кузнецова Т. Ю., Федоров Г. М.* Территориальная дифференциация демографического развития Балтийского макрорегиона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 1. С. 131—137.
7. *Лачининский С. С.* Эволюция экономического пространства России в начале XXI века: геоэкономический подход // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. №1(1). С. 258—268.
8. *Межевич Н. М.* Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2014. №3. С. 95—106.
9. *Нарочницкая Е. А.* Иммиграционные потоки в Европу, экономический кризис и некоторые вопросы теории миграции // Актуальные проблемы Европы. 2013. №4. С. 10—38.
10. *Понеделко Г. Н.* Иммиграция в Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №9. С. 80—92.
11. *Себриан Х. А., Роман Х. М., Лонес А. М.* Западно-Средиземноморский трафик в Европу (на примере Испании) // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. №3. С. 79—89.
12. *Boyd M.* Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas // International Migration Review. 1989. Vol. 23, is. 3. P. 638—670.
13. *Castles S.* Migration and community formation under conditions of globalization // International Migration Review. 2002. Vol. 36, is. 4. P. 1143—1168.
14. *Castles S.* Towards a sociology of forced migration and social transformation // Sociology. 2003. Vol. 37, is. 1. P. 13—34.
15. *Chiswick B. R., Miller P. W.* A model of destination-language acquisition: Application to male immigrants in Canada // Demography. 2001. Vol. 38, is. 3. P. 391—409.
16. *Crozet M.* Do migrants follow market potentials? An estimation of a new economic geography model // Journal of Economic Geography. 2004. Vol. 4, is. 4. P. 439—458.
17. *Hämäläinen K., Böckerman P.* Regional labor market dynamics, housing and migration // Journal of Regional Science. 2004. Vol. 44, is. 3. P. 543—568.
18. *Hooghe M., Trappers A., Meuleman B., Reeskens T.* Migration to European countries: A structural explanation of patterns, 1980—2004 // International Migration Review. 2008. Vol. 42, is. 2. P. 476—504.
19. *Kofman E.* Family-related migration: A critical review of European studies // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2004. Vol. 30, is. 2. P. 243—262.
20. *Schmeidl S.* Exploring the causes of forced migration: A pooled time-series analysis, 1971—1990 // Social Science Quarterly. 1997. Vol. 78, is. 2. P. 284—308.
21. *Shuval J. T.* Diaspora migration: Definitional ambiguities and a theoretical paradigm // International Migration. 2000. Vol. 38, is. 5. P. 41—57.
22. *Ueffing P., Rowe F., Mulder C. H.* Differences in attitudes towards immigration between Australia and Germany: The role of immigration policy // Comparative Population Studies. 2015. Vol. 40, is. 4. P. 437—465.
23. *Weber H.* National and regional proportion of immigrants and perceived threat of immigration: A three-level analysis in Western Europe // International Journal of Comparative Sociology. 2015. Vol. 56, is. 2. P. 116—140.

24. Zhitin D. V. Regional Aspects of Migration Flows in the Russian Federation // Regional Research of Russia. 2012. Vol. 2, №4. P. 319—328.

Об авторах

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: zhitin_dv@mail.ru

Антон Иванович Краснов, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: antonkrasnov@rambler.ru

Александр Владимирович Шендрик, ассистент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: shen@mail.ru

Для цитирования:

Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В. Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, №2. С. 101—124. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-6.

MIGRATION FLOWS IN EUROPE: SPACE AND TIME TRANSFORMATION

D. Zhitin*

A. Krasnov*

A. Shendrik*

*Saint-Petersburg State University

7—9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Submitted on February 19, 2016

One of the key manifestations of globalisation is an increase in the spatial mobility of population involving growing numbers of people into international migration processes. This article is an attempt to assess the density of migration connections between European states based on the 1990—2015 quantitative data. An analysis of migration flows and relevant net migration and net migration and migration localisation at the national and regional levels makes it possible to identify key trends in the spatial and temporal transformation of this phenomenon on the European continent. Calculations suggest that an increase in migration has not narrowed

the gap between source and recipient countries but, on the contrary, it has made it more pronounced over the recent decades. The article presents an attempt at classifying European countries by the direction and intensity of migration connections and stresses the impact of international migration on the demographic and sociocultural situation in different European states.

Key words: immigration, emigration, net migration rate, intensity of migration, Europe, regions and countries, migration flow.

References

1. Anohin, A. A. 2003, Osobennosti globalizacii i regionalizacii v sovremennom mire, *Regional'naya ehkologiya*, no. 3—4, p. 15—22.
2. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Population Division, 2016, available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (accessed 16 January 2016).
3. Zhitin, D. V. 2012, Prostranstvennaya neodnorodnost' migracionnogo dvizheniya Rossii v 1991—2010 gg. [Spatial heterogeneity of Russian migration movement in 1991—2010 gg.], *Vestnik S.-Peterb. Un-ta. Ser. 7* [Bulletin of St. Petersburg. Univ.], no. 4, p. 135—145.
4. Kamkin, A. K. 2013, Demograficheskie processy, migraciya i rynek truda v Zapadnoj Evrope (na primere FRG) [Demographic processes, migration and the labor market in Western Europe (on an example of Germany)]. In: Gromyko, A. A. Bol'shaya Evropa v global'nom mire: novye vyzovy — novye resheniya (pod red.), *Doklady Instituta Evropy*, no. 292, Moscow, p. 103—110.
5. Karpov, G. A. 2014, Velikobritaniya: demografiya protiv migrantov i mul'tikulturalizma [UK: population against migrants and multiculturalism], *Sovremennaya Evropa*, [Modern Europe], no. 2, p. 106—120.
6. Kuznetsova, T. Yu., Fedorov, G. M. 2011, Territorial'naya differenciaciya demograficheskogo razvitiya Baltijskogo makroregiona [Territorial differentiation of demographic development in the Baltic macro-region], *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University], no 1, p. 131—137, available at: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/41b/ebnuetkkddaulovedo,%20gm.%20re.%20vptcaxeshiuudy.pdf> (accessed 17.11.2013).
7. Lachininskij, S. S. 2012, Evolyuciya ehkonomicheskogo prostranstva Rossii v nachale XXI veka: geoehkonomicheskij podhod [Evolution of the Russian economic space at the beginning of the century XXI: geo-economic approach], *Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov* [Bulletin of Russian geographers, social scientists Association], no. 1, p. 258—268.
8. Mezhevich, N. M. 2014, Borders and Identity in Theory and Practice of the Eastern Baltic Region, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 95—106. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-3-7.
9. Evropu, ehkonomicheskij krizis i nekotorye voprosy teorii migracii [Europe, economic crisis and some problems of migration theory], 2012, *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], no. 4 p. 10—38.
10. Ponedelko, G. N. 2015, Immigraciya v Ispanii [Immigration in Spain], *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 9, p. 80—92.
11. Sebrian, H. A., Roman, H. M., Lopes, A. M. 2014, Zapadno-Sredizemnomorskij trafik v Evropu (na primere Ispanii) [West Mediterranean traffic in Europe (for example, Spain)], *Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov* [Bulletin of Russian geographers, social scientists Association], Rostov-on-Don, no. 3, p. 79—89.

12. Boyd, M. 1989, Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendasm, *International Migration Review*, T. 23, Vol. 3, p. 638—670.
13. Castles, S. 2002, Migration and community formation under conditions of globalization, *International Migration Review*, T. 36, Vol. 4, p. 1143—1168.
14. Castles, S. 2003, Towards a sociology of forced migration and social transformation, *Sociology*, T. 37, Vol. 1, p. 13—34.
15. Chiswick, B.R., Miller, P.W. 2001, A model of destination-language acquisition: Application to male immigrants in Canada, *Demography*, T. 38, Vol. 3, p. 391—409.
16. Crozet, M. 2004. Do migrants follow market potentials? An estimation of a new economic geography model, *Journal of Economic Geography*, T. 4, Vol. 4, p. 439—458.
17. Hämäläinen, K., Böckerman, P. 2004, Regional labor market dynamics, housing and migration, *Journal of Regional Science*, T. 44, Vol. 3, p. 543—568.
18. Hooghe, M., Trappers, A., Meuleman, B., Reeskens, T. 2008, Migration to European countries: A structural explanation of patterns, 1980—2004, *International Migration Review*, T. 42, Vol. 2, p. 476—504.
19. Kofman, E. 2004, Family-related migration: A critical review of European studies, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, T. 30, Vol. 2, p. 243—262.
20. Schmeidl, S. 1997, Exploring the causes of forced migration: A pooled time-series analysis, 1971—1990, *Social Science Quarterly*, T. 78, Vol. 2, p. 284—308.
21. Shuval, J.T. 2000, Diaspora migration: Definitional ambiguities and a theoretical paradigm, *International Migration*, T. 38, Vol. 5, p. 41—57.
22. Ueffing, P., Rowe, F., Mulder, C.H. 2015, Differences in attitudes towards immigration between Australia and Germany: The role of immigration policy, *Comparative Population Studies*, T. 40, Vol. 4, p. 437—465.
23. Weber, H. 2015, National and regional proportion of immigrants and perceived threat of immigration: A three-level analysis in Western Europe, *International Journal of Comparative Sociology*, T. 56, Vol. 2, p. 116—140.
24. Zhitin, D.V. 2012, Regional Aspects of Migration Flows in the Russian Federation, *Regional Research of Russia*, T. 2, Vol. 4, p. 319—328.

About the authors

Dr Dmitry Zhitin, Associate Professor, the Department of Human Geography, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: zhitin_dv@mail.ru

Anton Krasnov, Senior Lecturer, the Department of Human Geography, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: antonkrasnov@rambler.ru

Alexander Shendrik, Lecturer, the Department of Human Geography, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: shen@mail.ru

To cite this article:

Zhitin D. V., Krasnov A. I., Shendrik A. V. Migration Flows in Europe: Space and Time Transformation, *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 2, p. 101—124. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-6.

**ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА
СОСТОЯНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
СОЦИО-ЭКОЛОГО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СИСТЕМ И КАЧЕСТВА
ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
РОССИИ)**

В. В. Дмитриев*
Н. В. Каледин*

* Санкт-Петербургский
государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб. 7/9.

Поступила в редакцию 10.02.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-7

© Дмитриев В. В., Каледин Н. В., 2016

Рассматриваются результаты интегральной оценки состояния региональных социо-эколого-экономических систем (СЭЭС) и качества жизни их населения (КЖН) в субъектах Северо-Западного федерального округа России (СЗФО). Цель работы — сравнительная интегральная оценка состояния СЭЭС Архангельской и Мурманской областей на фоне состояния Московской области, а также интегральная оценка КЖН для 10 субъектов СЗФО РФ, в том числе прибалтийских. Научная и практическая значимость работы состоит в анализе результатов интегральной оценки состояния СЭЭС и КЖН регионов для 2006, 2009, 2012 и 2013 гг. с учетом влияния приоритетов внутри групп и между группами характеристик на результаты оценивания, а также выявления «пределов устойчивости», при которых субъекты сохраняют класс КЖН при изменении региональных характеристик качества среды. Методология исследования базируется на многокритериальном и интегральном подходах, методе сводных показателей (МСП), АСПИД-методологии.

Оценка состояния систем и КЖН выполнена для 5 классов (от I — высокое; до V — низкое) на основе расчета статистических показателей по 3—6 группам оценочных критериев по двум уровням свертки показателей (внутри блоков и между блоками).

В результате анализа полученных данных выявлена тенденция к росту КЖН в регионах. Предложено определять устойчивость СЭЭС на основе критических значений интегральных показателей, при которых СЭЭС способна сохранять свои свойства и параметры режимов в пределах одного класса КЖН.

Ключевые слова: региональная социо-эколого-экономическая система, качество жизни населения, интегральная оценка, метод сводных показателей, субъекты Российской Федерации

В науках о Земле и обществе последние годы активно совершенствуются методы анализа, количественной оценки и прогноза изменения природных и общественных систем, их эмерджентных свойств и трансформаций в естественных условиях и под влиянием внешних воздействий. Исследования в этом направлении объективно сталкиваются с неполнотой и неточностью существующих знаний, что обусловлено сложностью структуры и функционирования систем в природе и обществе, сочетанием детерминированности, стохастичности, холизма и элементаризма в их развитии. Поэтому большинство оценочных исследований выполняется с использованием покомпонентного оценивания, балльного или балльно-индексного или комплексного подходов. Развиваются индикаторный подход, индексология, аксиометрия, экологическая квалиметрия системных исследований как основа многокритериального и интегрального оценивания.

В современной терминологии прочно укрепилось понятие «качество жизни населения» (КЖН), которое содержит представление о многих сторонах жизнедеятельности различных социальных групп. В авторских определениях акцентируются экономическая, социальная, политическая, общекультурная составляющие социосистем, состояние окружающей человека природной и антропогенно-трансформированной среды, с которой взаимодействует общность людей и которое часто отождествляют с экологическим состоянием территории или ее экологической обстановкой. В качество жизни включают как реальные, окружающие человека, объекты и явления, так и представления отдельных людей или общества в целом об ожидаемом или желаемом будущем (объективный и субъективный подход). Такие представления часто не называют «моделью», предпочитая более неопределенные термины, например «идеальный образ», наделяя тем самым виртуальную систему противоречивым сочетанием условий, обстоятельств, факторов, характеризующих определенную обстановку или состояние системы в конкретный момент времени. Таким образом, создается идеализированное представление о качестве жизни, при котором все условия существования людей — от питания и состояния окружающей среды до наличия политических свобод и возможностей пользоваться достижениями науки и культуры — могут или должны соответствовать желаниям или потребностям современного человека и его взглядам на высокий уровень жизни. Отказ от выявления на основе социо-эколого-экономических моделей влияния социальных, экономических, политических факторов на функционирование системы, приводит, пожалуй, к единственной возможности исследования такой системы — покомпонентной оценке отдельных составляющих (компонентов) и их временной динамики или многокритериальной ее оценке на основе экономических, социальных индексов и индексов качества окружающей среды. Отметим, что при этом нарушаются системологические принципы изучения сложных систем (например, принцип эмерджентности), по которому оценка компонентного состава не заменяет исследования интегративных свойств, присущих системе в целом (устойчивость, автономность, целостность, интегративность, благополучие, степень трансформации и др.).

Далее выделяются необходимые и достаточные ключевые индексы, которые, с точки зрения исследователя, должны характеризовать состояние социосистемы и качество жизни населения. Эти индексы в наши дни именуют «целевыми индикаторами», «индексами устойчивого развития» и т. п. Концепция индикативного управления (целевых индикаторов) повсеместно используется управленческими структурами и предполагает ориентацию на индикаторы состояния или качества оцениваемой системы или (как в нашем случае) качества жизни населения, которые часто называют индикаторами устойчивого (сбалансированного, бескризисного) развития [12; 16; 20]. Процесс оценивания заключается в определении положительной или отрицательной значимости системы на основе сопоставления индикаторов состояния с их значениями, принимаемыми за норму. Реализуется сравнение некоторого эталона (нормы) по отдельным индексам с индексами, рассчитанными по реальным статданным за ряд лет. В этом случае обнаруживается, что по одному индексу (или критерию) система попадает в один класс, а по другому (другим) — в другой (другие) классы. Как вариант задается траектория изменения индекса, характеризующая, например, «экономическое благополучие» страны и в итоге получается более-менее сбалансированный темп роста базовых показателей [21].

Процесс управления строится на мониторинге нескольких факторных показателей, их анализе с учетом влияния на целевой показатель (индикатор), которое задается на основе различных авторских подходов, качественном прогнозе возможных изменений выбранных индикаторов, априорном параметрическом изменении условий развития объекта управления, оценке альтернативных вариантов решения при выборе наиболее эффективного варианта. Однако в наши дни по объективным причинам не приходится говорить о единстве во взглядах, как на создание теоретико-методологических основ унифицированной системы оценки состояния социо-эколого-экономических систем и качества жизни населения, так и на методические предпочтения в разработке алгоритмов и методик оценки [5]. Этому способствует уникальность российской действительности, которая состоит в широком диапазоне изменения природных условий, социального, экономического потенциала регионов, их этнического разнообразия. Таким образом, система индикаторов одного региона может не вполне соответствовать системе индикаторов другого региона или же вовсе ей не подходить по объективным причинам [14]. Все сказанное снижает возможности унификации и эффективность деятельности органов государственной власти в сфере планирования устойчивого развития регионов [2; 6; 9—11].

«Качество жизни — термин, широко применяемый в экологии человека, в социальной экологии, и выражающий качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей — качество питания, комфорт жилища, качество образования, здравоохранения, сферы обслуживания, окружающей природной среды, структуры рекреации; модность одежды, степень удовлетворения потребностей в объективной информации, уровень стрессовых состояний и т. д. Кроме того,

под качеством жизни может пониматься соответствие среды жизни социально-психологическим установкам личности. Исходя из определенных качества жизни, основной задачей оценки может считаться определение совокупности природных, социальных и экономических условий, обеспечивающих в той или иной степени здоровье человека — личное и общественное и его потребности, то есть соответствие среды жизни здорового человека его потребностям» [2, с. 92]. ВОЗ определяет качество жизни как восприятие людьми своего положения в обществе в зависимости от социальных, экономических и экологических условий, культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами [2].

Существующие трактовки понятия «качество жизни» весьма многочисленны и неоднозначны, следовательно, и подходы к его измерению у разных исследователей принципиально различны [1]. В последние годы в качестве значимых для исследования региональных социально-эколого-экономических систем (СЭЭС) необходимо выделить работу комиссии Стиглица — Сена — Фитусси (2009) и ее Доклад об измерении экономического развития и социального прогресса, в котором «предложены рекомендации по формированию статистического инструментария оценки качества жизни и социальной устойчивости» [13]. Идеи и выводы данной работы вызвали широкий общественный резонанс. После этого в докладе Еврокомиссии «ВВП и за его пределами» (2009) были сформулированы предложения по совершенствованию показателей социального прогресса. ОЭСР предложила свою разработку «Компендиум индикаторов благосостояния» (2011) на основе рекомендации доклада Стиглица — Сена — Фитусси. Интерес к проблеме формирования полной и объективной системы индикаторов общественного благосостояния и устойчивого развития был проявлен правительствами Франции, Японии, КНР и США, Германии и Норвегии. Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, что международный интерес к проблеме оценки устойчивого развития очень высок, а методология его измерения находится в стадии становления [13].

Различия в имеющихся методиках оценки качества жизни проявляются при решении таких вопросов, как выбор номенклатуры индикаторов качества жизни, измерение показателей, выбор методов и процедур оценки для получения обобщенного оценочного суждения об уровне жизни отдельного индивида, группы людей, конкретного региона или страны в целом. Методики или модели качества жизни в основном выстроены в ключе либо субъективного, либо объективного его измерения [2; 4; 9; 11; 23].

Материалы, методы

Рассмотрим общую идею построения интегральных показателей состояния региональной СЭЭС и КЖН. В наших исследованиях построение интегральных показателей (ИП) проводится на основе метода сводных показателей (МСП), метода рандомизированных сводных по-

казателей (МРСП) и методологии анализа и синтеза показателей в условиях информационного дефицита (так называемая АСПИД-методология) [22]. Для простоты изложения воспользуемся методом построения сводных показателей (МСП), этапы которого рассмотрены ниже.

На *первом этапе* отбирается обоснованная система критериев оценки состояния региональных СЭЭС и КЖН. Эти критерии отражают состояние социальной, экономической, политической подсистем и качество среды (или экологическое состояние системы). Все критерии разбиваются на несколько групп по их тематической принадлежности. При этом нужно стремиться к тому, чтобы каждый из параметров был необходим, а все параметры вместе были достаточны для описания СЭЭС и КЖН. При этом могут существовать характеристики, увеличение значений которых приводит к повышению КЖН (1-й тип), а также характеристики, увеличение значений которых его снижает (2-й тип). Кроме того, возможно существование характеристик, критические значения которых разбивают шкалу изменений характеристики на два интервала с противоположными свойствами ее влияния на состояние системы. На этом этапе целесообразно задать минимальное (*min*) и максимальное (*max*) значения характеристик на основе предварительного анализа их региональных и временных изменений. Далее для выбранных критериев вводятся непрерывные шкалы их изменения по классам состояния (качества). Чаще всего эти критерии выступают основными признаками, характеризующими состояние СЭЭС, или же — результатом свертки информации о состоянии системы, которому ставится в соответствие определенный класс КЖН, и могут быть представлены некоторыми индексами. В последнем случае важно, чтобы существовали оценочные шкалы изменения индексов по классам состояния системы. Здесь можно ориентироваться на различные авторские классификации, существующие в литературе. Полезно также указать тип связи (1-й — «прямая» или 2-й — «обратная») и степень нелинейности связи.

Одновременно с введением признаков (критериев) оценивания вводятся классы региональных СЭЭС или КЖН. В связи с этим логично на данном этапе опираться на имеющиеся в литературе классификации и аксиометрические (оценочные) шкалы. Классификации, сформированные для всех групп критериев, правильнее называть моделями-классификациями.

Развиваемый нами интегральный подход устраняет недостатки многокритериального оценивания за счет одновременного учета многокритериальности и многоуровневости (иерархичности) при свертке показателей, разнотипности связей и моделирования приоритетов оценивания.

На данном этапе всегда полезно проанализировать оценочные шкалы изменения параметров по классам состояния (качества). Желательно, но не обязательно, чтобы все шкалы имели левую и правую границы внутри классов, были непрерывными и учитывали региональные экстремумы оцениваемых показателей.

На *втором этапе* с помощью несложных преобразований (функций «мини-макса», учитывающих нелинейность и тип связи — «прямая-об-

ратная») избавляемся от размерности исходных характеристик так, чтобы наилучшим условиям по каждому критерию соответствовало значение равное 0, а наихудшим, равное 1 (можно наоборот). Для этого, как правило, используются минимальное (min_i) и максимальное (max_i) значения из каждой шкалы исходных характеристик. Можно рекомендовать также использовать для этого региональные минимумы и максимумы характеристик. В последнем случае нужно отдавать отчет в том, что и классификация, разработанная на основе этих минимальных и максимальных значений, будет иметь региональную специфику.

Такие математические преобразования вряд ли уместно демонстрировать в данной статье. Они детально представлены в ранее опубликованных работах [8; 9; 11; 15].

Результаты нормирования показателей для оценочных шкал рекомендуется свести в таблицу. Далее полезно будет найти ширину интервалов оценочных шкал для каждого класса. На этом этапе выявляются недостатки оценочных шкал. Если в один класс попадает 50—70% и более значений всей шкалы, то такую шкалу нельзя признать удовлетворительной. Также не представляют большого интереса равномерные, прямолинейные (прямые и обратные) шкалы, поскольку шкалы сводного показателя, построенные на основе таких шкал, также окажутся равномерными и прямолинейными с граничными значениями между классами 0,2; 0,4; 0,6; 0,8; 1,0. Разновидностью таких шкал стали шкалы Харрингтона, также имеющие априори известные граничные значения характеристик между классами.

На *третьем этапе* выбирается вид интегрального показателя $Q(q,p)$, который строится таким образом, что зависит не только от нормированных значений показателей q_i , но и от их значимости, определяемой весовыми коэффициентами p_i , сумма которых должна равняться 1,0 ($0 \leq p_i \leq 1$).

На *четвертом этапе* вводятся оценки весовых коэффициентов p_i . Как правило, уже само составление программы оценочных исследований является первичным «взвешиванием» параметров, компонентов и их свойств. Однако такое «взвешивание» оказывается недостаточным, так как влияние отобранных главных факторов также неравнозначно, что вызывает необходимость придавать при оценке различным критериям разные приоритеты, веса или коэффициенты значимости. Часто при этом вес вводится без какого-либо четкого обоснования. Применяются следующие способы учета «веса» отдельных критериев состояния и качества природной среды: вес каждого из отобранных параметров принимается равным; вес наиболее важных параметров увеличивается, или вес второстепенных показателей уменьшается в условное число раз; вес определяется с помощью мнений экспертов; вес каждого показателя определяется с помощью дополнительных расчетов.

В нашем примере использована многопараметрическая интегральная оценка состояния, реализуемая при помощи метода сводных показателей (МСП). При задании в сводном показателе так называемых «весовых коэффициентов» или «весов», характеризующих степень зна-

чимости отдельных критериев для интегральной оценки, исследователь сталкивается с дефицитом числовой информации об этих весовых коэффициентах. В социальных, экономических, экологических оценках значимость отдельных критериев традиционно оценивается при помощи сравнительных суждений типа «данный критерий более важен для общей оценки, чем другой критерий» или «данные критерии имеют одинаковую значимость для интегральной оценки» и т. п. Таким образом, значимость отдельных критериев чаще всего измеряется по *нечисловой* (ординальной, порядковой) шкале или всем критериям навязывается равенство приоритетов оценивания. В других случаях исследователь задает интервалы возможного варьирования весовых коэффициентов. В связи с этим появляется необходимость работы с *нечисловой* (порядковой), *неточной* (интервальной) информацией, которая чаще всего бывает и *неполной* (не для всех весовых коэффициентов заданы нетривиальные равенства и неравенства, соответствующие интервальной и порядковой информации). Нечисловая, неточная и неполная информация (так называемая «*ннн*»-информация) индуцирует множество допустимых наборов весовых коэффициентов, что затрудняет непосредственное применение МСП [22]. Для преодоления этого затруднения, следуя Н. В. Хованову [22], используем *байесовскую модель рандомизации неопределенности*. Ее идея состоит в переходе от неопределенного выбора весовых коэффициентов к случайному (рандомизированному) выбору их из множества всех допустимых наборов весовых коэффициентов. Таким образом, исследователь получает случайные весовые коэффициенты и случайные (рандомизированные) сводные показатели [22]. Такой метод назван методом рандомизированных сводных показателей (МРСП), а методология *анализа и синтеза показателей в условиях информационного дефицита* о приоритетах оценивания — АСПИД-методологией [22].

На *пятом этапе* для левой и правой границ каждого класса исходной модели-классификации рассчитывается значение Q_i .

В результате выполнения пятого этапа мы получаем шкалу изменения интегрального (сводного) показателя по классам состояния при условии равновесного или неравновесного учета всех параметров оценивания. После реализации данного этапа также полезно проанализировать полученную шкалу изменения интегрального показателя (на непрерывность и равномерность). Если в один класс состояния попадает 40—50 % и более от всего интервала изменения величины сводного показателя, то следует вернуться на предыдущие этапы и по возможности устранить отмеченный недостаток.

На *шестом этапе* по собранным статистическим данным рассчитываются значение интегральных показателей первого и последующих уровней свертки по правилам построения исходной модели-классификации. При этом процедура нормирования значений характеристик на втором и последующем этапе построения сводных показателей не выполняется, однако на всех этапах решается проблема выбора весов (приоритетов оценивания).

Таким же образом рассчитывается изменение интегрального показателя по времени для разных лет или по пространству на основе пространственно-распределенной информации. В более сложных примерах, учитывающих неполную, неточную и нечисловую информацию, вводятся многоуровневые свертки информации о состоянии оцениваемых систем. Весовые коэффициенты задаются также на основе моделей информационного дефицита [22]. Сравнение состояния систем на интегральной основе дает возможность количественно оценивать пространственно-временные особенности их динамики и степень их трансформации.

В качестве «предельно допустимого» значения сводного показателя можно рекомендовать значение, полученное на основе «свертки» допустимых (предельно допустимых, критических) значений исходных параметров по классам состояния (качества).

Результаты исследования и их обсуждение

1. Оценка состояния региональных СЭС и КЖН субъектов СЗФО России. Интегральная оценка выполнялась по данным 2006, 2009 и 2012 гг. для Архангельской и Мурманской области и сравнивалась с Московской областью.

На первом этапе была отобрана обоснованная система критериев региональной статотчетности, с помощью которых можно оценить качество жизни населения [3; 6; 7; 17]. Все критерии были разбиты на 3 блока (6 групп, 17 критериев): социальный, экономический, экологический. Одновременно с введением критериев оценивания устанавливались классы качества жизни. Использовались 5 классов, первый из которых условно характеризует качество жизни как «наиболее высокое», второй — «выше среднего», третий — «средний», четвертый — «ниже среднего», пятый — «наиболее низкое» [2; 8; 11; 15; 23].

Для оценки качества жизни населения на данном этапе был проведен отбор исходных критериев (всего 17), образующих 6 групп показателей:

1. Уровень доходов населения (среднедушевые денежные доходы населения, руб.; численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %).

2. Культура и отдых (число спортивных сооружений, штук; численность зрителей театров на 1000 человек населения, чел.).

3. Личная безопасность (число зарегистрированных убийств и покушений, количество случаев).

4. Здоровье населения (число больничных коек, тыс.; заболеваемость инфекционными и паразитарными болезнями на 1000 населения, чел.; численность населения на одного врача, чел.; ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет).

5. Уровень образования (количество дошкольных образовательных учреждений, штук; число учреждений высшего профессионального образования (государственных, штук).

6. Качество среды (выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящие от стационарных источников, тыс. тонн; улавливание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных

источников, тыс. тонн; использование свежей воды, млн тонн; объем оборотной и последовательно используемой воды, млн м³; сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м³; доля погибших лесных насаждений в результате лесных пожаров, га).

Исходные данные по регионам России в 2006, 2009, и 2012 гг. приведены в [6; 7; 17—19].

Для всех критериев были разработаны оценочные шкалы для левой и правой границы каждого класса. На втором этапе все исходные данные и оценочные шкалы были переведены в нормированный вид.

В качестве выражения для интегрального показателя качества жизни в основном варианте задавалась линейная свертка нормированных показателей с учетом их веса (в вариантах учитывалась как равновесность, так и неравновесность показателей).

Предложены три модели-классификации оценки качества жизни населения, различающиеся весами (приоритетами) на втором уровне обобщения данных: «модель 1» — равенство весов, «модель 2» — приоритет «уровень доходов населения», «модель 3» — приоритет «качество среды». Для каждого выбранного региона были построены все три модели и произведена сравнительная оценка качества жизни населения по результатам расчетов сводных показателей (табл. 1). Оценочные шкалы сводных показателей для моделей приведены в таблице 2.

Таблица 1

Результаты расчета интегральных показателей по группам на первом и на втором уровнях свертки для Архангельской (Арх), Мурманской (Мурм), Московской (Моск) областей по всем моделям

Группа	2006			2009			2012		
	Арх	Мурм	Моск	Арх	Мурм	Моск	Арх	Мурм	Моск
<i>Первый уровень свертки показателей («модель-1»)</i>									
1. Уровень доходов	V	V	IV	III	III	III	III	III	III
2. Здоровье	IV	IV	IV	IV	II	IV	III	II	IV
3. Качество среды	IV	III	III	III	III	III	III	III	III
4. Культура и отдых	IV	IV	IV	IV	IV	III	IV	IV	III
5. Личная безопасность	I	I	V	I	I	IV	I	I	III
6. Уровень образования	IV	IV	II	IV	IV	II	IV	IV	II
<i>Второй уровень свертки показателей</i>									
Модель-1	IV (0,70)	III (0,66)	IV (0,69)	III (0,64)	III (0,60)	III (0,60)	III (0,59)	III (0,53)	III (0,52)
Модель-2	IV (0,78)	IV (0,77)	IV (0,74)	IV (0,70)	III (0,67)	III (0,63)	III (0,61)	III (0,56)	III (0,53)
Модель-3	III (0,59)	IV (0,77)	IV (0,65)	III (0,55)	III (0,67)	III (0,56)	III (0,49)	III (0,56)	III (0,51)

Примечание. «Модель-1»: равенство приоритетов; «Модель-2» (уровень доходов > культура и отдых = здоровье > уровень образования = личная безопасность > качество среды); «Модель-3» (качество среды > здоровье = уровень образования = личная безопасность > культура и отдых > уровень доходов населения).

Таблица 2

**Шкалы сводных показателей состояния СЭЭС и КЖН
(второй уровень свертки) для моделей**

Модель	Класс				
	I	II	III	IV	V
Q модель-1	0,00—0,21	0,21—0,43	0,43—0,66	0,66—0,84	0,84—1,00
Q модель-2	0,00—0,21	0,21—0,45	0,45—0,69	0,69—0,85	0,85—1,00
Q модель-3	0,00—0,20	0,20—0,42	0,42—0,64	0,64—0,82	0,82—1,00

В результате анализа полученных данных выявлена тенденция к росту качества жизни населения в регионах. Если в 2006 г. все регионы в 13 из 18 случаев относились к IV-V классам, то в 2012 г. качество жизни населения отнесено в 13 из 18 случаев к III классу и выше. В целом качество жизни в субъектах Северо-Западного (по двум субъектам) и Центрального (Московская область) регионов не имеет сильных различий, а полученные значения интегральных показателей КЖН изменяются от IV класса к III классу (Архангельская область — ближе к правой границе, Мурманская и Московская области — ближе к левой границе), присутствует возможность перехода в II класс (выше среднего).

2. Оценка состояния региональных СЭЭС и КЖН субъектов СЗФО России.

Для получения интегральной оценки использовались три блока: социальный, экономический, экологический, отражающих качество жизни населения, проживающего на территории субъектов РФ. Источниками данных послужили: государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации» и Ежегодный статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013 г. [19].

В экологический блок вошли следующие девять критериев: сброс загрязненных сточных вод, млн м³; образование отходов, млн т; объем размещенных отходов, млн т; внесение пестицидов, кг/га; лесные пожары, площадь га; выброс загрязняющих веществ в атмосферу, тыс. т; использование свежей воды, млн м³; улавливание загрязняющих атмосферных веществ от стационарных источников, тыс. т; площадь, покрытая лесом, тыс. га.

В социальный блок вошли 10 критериев: соотношение браков и разводов, разводов на 1000 браков; соотношение мужчин и женщин, женщин на 1000 мужчин; число детей умерших до 1 года на 1000 родившихся живыми; число умерших на 1000 человек населения; заболеваемость на 1000 человек населения; число зарегистрированных преступлений на 100 000; доступ в Интернет (удельный вес); общедоступные библиотеки число пользователей, тыс. человек; ожидаемая продолжительность жизни, лет; число спортивных сооружений.

В экономический блок включены 10 критериев: численность населения, тыс. человек; денежные доходы в месяц, руб.; экономически ак-

тивное население, тыс. человек; число малых предприятий на 10 000 человек населения; урожайность овощей, центнеров с одного га; производство скота и птицы (в убойном весе), тыс. т; ввод в действие жилых домов, тыс. м²; плотность автомобильных дорог, км на 10 000 км²; стоимость потребительского набора товара и услуг, руб.; численность безработных, тыс. человек.

Построены оценочные шкалы интегральных показателей для двух уровней свертки (внутри групп и между группами) с учетом равенства и неравенства приоритетов (весов) показателей. Рассмотрены четыре варианта соотношения коэффициентов значимости для второго уровня свертки показателей: 1 — равенство приоритетов: $p_1 = p_2 = p_3$; 2 — приоритет «качество среды»: $p_1 > p_2 = p_3$; 3 — приоритет «социальные условия»: $p_2 > p_1 = p_3$; 4 — приоритет «экономика»: $p_3 > p_2 = p_1$, где p_1 — приоритет экологического блока, p_2 — приоритет социального блока, p_3 — приоритет экономического блока. В результате при равенстве весов для первого и второго уровней свертки показателей качество жизни в 10 субъектах отнесено к II—IV классам. Во II класс качества жизни попали два субъекта: Санкт-Петербург и Ленинградская область. В III класс вошли Калининградская, Вологодская, Новгородская, Архангельская, Мурманская, Псковская область и Республика Коми. В IV класс — Республика Карелия.

При «приоритете 2» Ленинградская область перешла из II в III класс качества жизни; Мурманская область перешла из III в IV класс. При «приоритете 4» Калининградская область и Республика Коми повысили класс качества жизни с III до II.

Результаты, полученные на первой и второй группе моделей, согласуются между собой. Далее исследовалось влияние изменения исходных показателей внутри блоков (социальные, экономические, экологические) на величину сводного показателя. Эти расчеты выполнялись для 1-го сценария построения сводного показателя (равенство приоритетов). Было показано, что повышение менее чем 30% показателей качества среды не приводит к изменению класса КЖН на втором уровне свертки. Предложено определять устойчивость региональной СЭЭС на основе критических значений интегральных показателей, при которых система способна сохранять свои свойства и параметры режимов в пределах одного класса КЖН.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-05-00715.

Список литературы

1. Биктемирова З. З. Качество жизни: проблемы измерения и оценки // Экономика региона. 2005. №2. С. 147—162.
2. Боблакова Л. М., Дмитриев В. В. Интегральная оценка качества жизни населения г. Санкт-Петербурга и г. Москвы // Международный журнал экспериментального образования. 2014. №3, ч. 1. С. 91—95.
3. Виноградова В. В. Природно-климатические и биоклиматические условия жизни населения Мурманской области // Известия РАН. Серия географическая. 2015. №6. С. 90—99.

4. *Возьмитель А. А.* Качество жизни в доперестроечной и пореформенной России // Социологические исследования. 2013. №2. С. 25—32.
5. *Гершанок Г. А.* Социально-экономическая и экологическая емкость территории при оценке устойчивости ее развития // Экономика региона. 2006. №4. С. 166—180.
6. *О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2011 году* : государственный доклад Минприроды России [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2007 году* : государственный доклад Минприроды РФ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. *Дмитриев В. В.* Интегральные оценки состояния сложных систем в природе и обществе // Биосфера. 2010. Т. 2, №4. С. 507—520.
9. *Дмитриев В. В., Боблакова Л. М.* Интегральная оценка качества жизни населения в регионах России // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право : сб. тр. международной научно-практической конференции «Инфогео 2014». СПб., 2014. Вып. 3 (14). С. 38—44.
10. *Дмитриев В. В., Огурцов А. Н., Васильев В. Ю. и др.* Оценка эмерджентных свойств сложных систем в природе и обществе на основе моделей интегрального оценивания // Экологические и гидрометеорологические проблемы больших городов и промышленных зон, ЭКОГИДРОМЕТ — 2012 : сб. трудов VI международной конференции. СПб., 2013. С. 18—27.
11. *Дмитриев В. В., Чистилина В. С., Кравченко В. А.* Разработка и апробация моделей интегральной оценки социо-эколого-экономических систем и качества жизни населения в регионах России // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право : сб. тр. международной научно-практической конференции «Инфогео 2015». СПб., 2015. Вып. 4(15). С. 86—94.
12. *Доклад* межучрежденческой группы экспертов по показателям достижения целей в области устойчивого развития. ООН. Экономический и социальный совет. Сорок седьмая сессия. 8—11 марта 2016 г. E/CN.3/2016/2.
13. *Корчагина Е. В.* Анализ и оценка устойчивого развития социо-эколого-экономических систем : дис. ... д-ра экон. наук. Гатчина, 2012.
14. *Латин Н. И.* Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. 2012. №9. С. 4—23.
15. *Осипова А. А., Дмитриев В. В.* Интегральные оценки качества жизни населения и качества городской среды г. Санкт-Петербурга // Международный журнал экспериментального образования. 2014. №3, ч. 1. С. 96—102.
16. *Преобразование* нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. A/RES/70/.
17. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007* : P32 : стат. сб. М., 2007.
18. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010* : P32 : стат. сб. М., 2010.
19. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013* : P32 : стат. сб. М., 2013.
20. *Сдасюк Г. В.* Приоритетные географические проблемы перехода России к устойчивому развитию // Известия РАН. Серия географическая. 2015. №6. С. 121—123.
21. *Третьякова В. Е.* Оценка устойчивости развития эколого-экономических систем: динамический метод // Проблемы прогнозирования. 2014. №4. С. 143—154.

22. Хованов Н.В. Анализ и синтез показателей при информационном дефиците. СПб., 1996.

23. Dmitriev V. V. Integral Estimation of Ecological Condition and Quality of Anthropogenic Transforming System Environment / Building together our territories. Construire ensemble nos territoires : Abstracts. Resume. 31st International Geographical Congress. Tunis, 2008. P. 410—411.

Об авторах

Василий Васильевич Дмитриев, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры гидрологии суши, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: vasily-dmitriev@rambler.ru

Николай Владимирович Каледин, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной политики и политической географии, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kaledin@politreg.pu.ru

Для цитирования:

Дмитриев В. В., Каледин Н. В. Интегральная оценка состояния региональных социо-эколого-экономических систем и качества жизни населения (на примере субъектов Северо-Западного Федерального округа России) // Балтийский регион.. 2016. Т. 8, №2. С. 125—140. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-7.

RUSSIAN NORTHWEST: AN INTEGRAL ASSESSMENT OF THE CONDITIONS OF REGIONAL SOCIAL, ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC SYSTEMS AND QUALITY OF LIFE

V. Dmitriev*

N. Kaledin*

* Saint Petersburg State University,
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Submitted on February 10, 2016

The article describes the results of an integral assessment of the regional social, environmental and economic systems (SEES) and the quality of life (QOL) in the regions of Russia's Northwestern Federal District (NWFD). This work aims at giving an integrated assessment of SEES in the Arkhangelsk and Murmansk regions in comparison to the Moscow region. The authors examine the QOL in 10 NWFD regions, including the Baltic ones. The significance of the research work lies in an integrated and comprehensive assessment of the regional SEES and QOL in 2006,

2009, 2012, and 2013 in view of the effect of priorities within and between groups of assessment parameters. Another important result is the identification of 'stability limits', when regions retain their QOL whereas their regional environmental characteristics change. The proposed methodology is based on multi-criteria and integrated approaches, the aggregate index method, and the parameter analysis and synthesis. The assessment of SEES and QOL was performed for five classes (from '1 — high' to '5 — poor') based on calculating statistics for 3—6 groups of assessment criteria at two levels of convolution. The analysis of the data obtained shows an upward trend in QOL in the regions. The authors suggest assessing stability of SEES on the basis of critical values of aggregate indices, at which a given SEES maintain its characteristics and regime properties within a certain QOL class.

Key words: regional socio-ecological economic system, quality of life, integrated assessment, aggregate index method, quality of life, regions of Russian Federation.

References

1. Biktimirova, Z.Z. 2005, Kachestvo zhizni: problemy izmerenija i ocenki [Quality of life: problems of measurement and evaluation], *Jekonomika regiona* [The region's economy], no. 2, p. 147—162.
2. Boblakova, L.M., Dmitriev, V.V. 2014, Integral'naja ocenka kachestva zhizni naselenija g. Sankt-Peterburga i g. Moskvy [Integral assessment of the quality of life of the population of St. Petersburg and Moscow], *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija* [International Journal of Experimental Education], Vol. 3, Part. 1, p. 91—95.
3. Vinogradova, V.V. 2015, Prirodno-klimaticheskie i bioklimaticheskie uslovija zhizni naselenija Murmanskoy oblasti [atural and climatic and environmental conditions of life of the population of the Murmansk region], *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja* [Izvestiya RAN. Series of geographical], no. 6, p. 90—99.
4. Vozmitel, A.A. 2013, Kachestvo zhizni v doperestroechnoj i poreformennoj Rossii [The quality of life in the pre-perestroika and post-reform Russia], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], no. 2, p. 25—32.
5. Gershanok, G.A. 2006, Social'no-jekonomicheskaja i jekologicheskaja emkost' territorii pri ocenke ustojchivosti ee razvitija [Socio-economic and ecological capacity of the territory in the assessment of the sustainability of its development], *Jekonomika regiona* [The region's economy], no. 4, p. 166—180.
6. Gosudarstvennyj doklad Minprirody Rossii "O sostojanii i ob ohrane okruzhajushhej sredy Rossijskoj Federacii v 2011 godu" [State report Ministry of Russia "On the state and the Russian Federation Environmental Protection in 2011"], 2011.
7. Gosudarstvennyj doklad Minprirody RF "O sostojanii i ob ohrane okruzhajushhej sredy Rossijskoj Federacii v 2007 godu" [The report of the State Ministry of Natural Resources of the Russian Federation "On the state and the Russian Federation Environmental Protection in 2007"], 2007.
8. Dmitriev, V.V. 2010, Integral'nye ocenki sostojanija slozhnyh sistem v prirode i obshhestve [Integral assessment of the state of complex systems in nature and society], *Biosfera* [Biosphere], T. 2, Vol. 4, p. 507—520.
9. Dmitriev, V.V. Boblakova, L.M. 2014, Integral'naja ocenka kachestva zhizni naselenija v regionah Rossii [Integral assessment of the quality of life in the regions of Russia], *Informacionnye tehnologii i sistemy: upravlenie, jekonomika, transport, pravo* [Information technology and systems: management, economics, law], Istomin,

E.P (ed.), sbornik trudov *Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Infogeo 2014»* [International scientific-practical conference "Infogeo 2014"], no. 3, St. Petersburg, p. 38—44.

10. Dmitriev, V. V., Ogurtsov, A. N., Vasiliev, V. Yu., Primak, E. A., Lobachyova, Yu. V., Skrygina, V. K. 2013, Ocenka jemerdzhentnyh svojstv slozhnyh sistem v prirode i obshchestve na osnove modelej integral'nogo ocenivaniya [Evaluation of emergent properties of complex systems in nature and society on the basis of integrated assessment models]. In: Carlin, L. N., Vorobyov, V. N., Shelutko, V. A., Dmitriev, V. V. (eds.), *Sbornik trudov VI mezhdunarodnoj konferencii «Jekologicheskie i gidrometeorologicheskie problemy bol'shih gorodov i promyshlennyh zon, JeKO-GIDROMET — 2012»* [Proceedings of the VII International Conference "Ecological and hydrometeorological problems of big cities and industrial zones, EKO-GIDROMET — 2012"], 2013, July 2—4, St. Petersburg, p. 18—27.

11. Dmitriev, V. V., Chistilina, V. S., Kravchenko, V. A. 2015, Razrabotka i aprobacija modelej integral'noj ocenki socio-jekologo-jekonomicheskikh sistem i kachestva zhizni naselenija v regionah Rossii [Development and testing of models of integrated assessment of the socio-ecological-economic systems and the quality of life in the regions of Russia]. In: Istomin, E. P. (ed.), *Informacionnye tehnologii i sistemy: upravlenie, jekonomika, transport, pravo, sbornik trudov* [Information technology and systems: management, economics, law, Proceedings], *International "Infogeo 2015" scientific conferenc*, no. 4(15), St. Petersburg, p. 86—94.

12. *Doklad mezhdurchezhdencheskoj grupy jekspertov po pokazateljam dostizhenija celej v oblasti ustojchivogo razvitija. OON. Jekonomicheskij i social'nyj sovet. 47 sessija* [Report of the inter-agency expert group on indicators of achievements in the field of sustainable development. UN. The Economic and Social Council. 47 session], 2016, 8—11 March, E/CN.3/2016/2, 46 p.

13. Korchagina, E. V. 2012, Analiz i ocenka ustojchivogo razvitija socio-jekologo-jekonomicheskikh sistem [Analysis and evaluation of sustainable social, ecological and economic systems], PhD Thes., Gatchina, 377 p.

14. Lapin, N. I. 2012, Izmerenie modernizacii rossijskikh regionov i sociokul'turnye faktory ee strategii [Measurement of the modernization of the Russian regions and socio-cultural factors of its strategy], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], no. 9, p. 4—23.

15. Osipova, A. A., Dmitriev, V. V. 2014, Integral'nye ocenki kachestva zhizni naselenija i kachestva gorodskoj sredy g. Sankt-Peterburga [Integral estimates of the quality of the population and the quality of the urban environment of St. Petersburg], *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija* [International Journal of Experimental Education], no 3, Part. 1, p. 96—102.

16. *Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnja v oblasti ustojchivogo razvitija na period do 2030 goda. Rezoljucija, prinjataja General'noj Assambleej OON 25 sentjabrja 2015 goda* [Transforming Our World: The Sustainability Agenda for the period up to 2030. Resolution adopted by the UN General Assembly September 25, 2015], 2015, A/RES/70/, 44 p.

17. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2007* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2007], 2007, p. 991 p.

18. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2010* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2010], 2010, 996 p.

19. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2013* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2013], 2013 990 p.

20. Sdasyuk, G. V. 2015, Prioritetnye geograficheskie problemy perehoda Rossii k ustojchivomu razvitiju [Priority geographical problems of Russia's transition to sustainable development], *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja* [Izvestiya RAN. Geographical Series], no. 6, p. 121—123.

21. Tretyakova, V.E. 2014, Ocenka ustojchivosti razvitija jekologo-jekonomicheskikh sistem: dinamicheskij metod [Evaluation of sustainable development of ecological and economic systems: the dynamic method], *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting], no. 4, p.143—154.
22. Hovanov, N.V. 1996, *Analiz i sintez pokazatelej pri informacionnom deficite* [Analysis and synthesis of indicators in an information deficit], St. Petersburg, 196 p.
23. Dmitriev, V.V. 2008, Integral Estimation of Ecological Condition and Quality of Anthropogenic Transforming System Environment, Building together our territories. Construire ensemble nos territories: Abstracts. Resume. *31st International Geographical Congress, Tunis 2008, August 12—15*, p. 410—411.

About the authors

Prof. Vasily Dmitriev, the Department of Land Hydrology, the Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: vasilij-dmitriev@rambler.ru

Dr Nikolai Kaledin, Head of the Department of Regional Politics and Political Geography, the Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: kaledin@politreg.pu.ru

To cite this article:

Dmitriev V. V., Kaledin N. V. Russian Northwest: An integral Assessment of the Conditions of Regional Social, Environmental and Economic Systems and Quality of Life, Baltijskij region, Vol. 8, no. 2, p. 125—140. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-7.

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

УДК 328

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. С. Пешеньков*
И. И. Жуковский**

* Российский государственный гуманитарный университет
125993, Россия, ГСП-3,
Москва, Миусская площадь, 6.

** Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 26.10.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-8

© Пешеньков А. С., Жуковский И. И.,
2016

Обосновывается гипотеза, согласно которой совокупность партий на обще-европейском и национальном уровнях образует партийную систему Европейского союза (ЕС). Целью исследователей стало выявление особенностей европартий и образуемых ими фракций (политических групп) как ключевых субъектов политического и законодательного процесса в Европарламенте при помощи методов институционального подхода, сравнительного и структурно-функционального анализа. Особое внимание уделяется рассмотрению «двухуровневости» — взаимосвязи национальных и наднациональных институтов — как ключевой особенности партийной системы ЕС. Вопросы сопоставления политических практик европартий и национальных партий (а также изучение корреляции их политической повестки) в контексте европейской интеграции, по мнению авторов, являются важным исследовательским трендом в современной сравнительной политологии. Эмпирический материал исследования составляют правовые акты, определяющие основы функционирования Европейского парламента, результаты выборов в Европарламент, политические программы европартий, персональный состав европартий и органов управления Европейского союза. Проведенный анализ позволяет шире раскрыть основные процессы и противоречия в рамках функционирования Европейского парламента, указывает на незавершенность политической трансформации Европейского союза от межгосударственного объединения к (кон)федеративному государственному образованию.

Ключевые слова: Европейский парламент, европартия, фракция, партийная система, избирательная система

В связи с развитием региональных экономических и политических союзов особый интерес вызывает изучение политических институтов, обеспечивающих представительство, согласование интересов и принятие решений на наднациональном уровне в межгосударственных интеграционных объединениях. Трансграничное экономическое сотрудничество придает импульс региональной политической интеграции, однако организация оптимальных процессов принятия решений на наднациональном уровне остается проблематичной. В этой связи актуально изучение развития Европейского парламента (ЕП) и роли политических партий, формирующих наднациональную партийную систему Европейского союза и обеспечивающих принятие и легитимацию решений на основе представительства интересов.

Структурные и функциональные особенности европартий

Основными субъектами политического процесса в Европейском парламенте выступают фракции (политические группы), состоящие из партий на общеевропейском уровне (европартии)²³. Европартии представляют зонтичную организацию, объединяющую национальные партии на основе общей идеологии и политической программы [14]. Также возможно индивидуальное членство в европартиях, которое доступно депутатам национальных и Европейского парламентов.

Избиратели на выборах в ЕП могут голосовать лишь за национальные партии, часть из которых входит в европартии, а часть действует без поддержки последних. Национальные партии борются за голоса в пределах национальной квоты евродепутатских мандатов для каждого государства-члена. Поэтому избирательные кампании строятся преимущественно на базе вопросов национальной повестки дня [15].

Европартии финансируются в основном из фондов ЕС, а также частных спонсорских пожертвований и имеют право вести предвыборную агитацию на общеевропейском уровне²⁴. Средства выделяются на расходы, связанные с целями, определенными в политической программе, которая излагает задачи европартии.

Одна из главных особенностей европартий — «двухуровневость» их структуры, включающая национальный и наднациональный компо-

²³ Впервые понятие «европартия» закреплено в Маастрихтском договоре (1992 г.): «Политические партии на европейском уровне способствуют формированию европейского политического сознания и выражению воли граждан Союза» (ст. 10). Далее, в Амстердамском договоре (1997 г.) был определен порядок финансирования европартий из бюджета ЕС. В Ницком договоре (2001 г.) фиксировалось, что «Совет ЕС... регламентирует деятельность политических партий на европейском уровне, и, в частности, правила их финансирования».

²⁴ Данное право закреплено Регламентом ЕС № 1524/2007 (2007 г.). Выделенные средства покрывают административные затраты, а также затраты, связанные с технической поддержкой, заседаниями, исследовательской деятельностью, информационными кампаниями и др.

ненты. Национальные партии выступают каналами рекрутирования политической элиты, которая непосредственно взаимодействует с электоральными группами внутри стран-членов ЕС, представляя их интересы. Далее национальные партии объединяются в европартии, которые оказывают влияние на формирование парламентских коалиций, а также на работу органов управления ЕС.

Подобная особенность обуславливается в первую очередь условиями развития европартий в рамках Евросоюза, являющегося межгосударственным объединением, на основе которого развилась система наднациональных институтов координации и управления. В этом смысле Европарламент, как и сам процесс партийного строительства на общеевропейском уровне, имеет отчасти искусственную природу. Их создание стало не результатом политической борьбы и ее постепенной институционализации, продуктом которой во многом являются современные институты парламентаризма и политических партий, но следствием соглашений между государствами и политическими элитами, результатом своеобразной «политической инженерии» на наднациональном уровне [6; 10]. Поэтому сохраняются вопросы об устойчивости и автономности наднациональных институтов ЕС в долгосрочной перспективе.

Углубление наднациональной интеграции актуализировало вопросы обеспечения ее легитимности в глазах граждан европейских стран, с чем связан переход к прямым выборам в Европарламент в 1979 г. Это дало импульс развитию процессов политической борьбы и коалиционного строительства уже в рамках европейских интеграционных институтов. Развитие европартий как общеевропейских коалиций национальных партий происходило на протяжении длительного времени еще до формального правового закрепления в 1992 г. в Маастрихтском договоре.

В середине 1970-х гг. начали формироваться 3 первые европартии: Европейская народная партия, Партия европейских социалистов, Европейская партия либеральных демократов и реформаторов. Они не имели жесткой организационной структуры и координировались на основе периодических конгрессов. Слабый уровень партийной иерархии отражался в манифестах европартий, зачастую содержащих расплывчатые или откровенно популистские формулировки. Постепенно наднациональный партийно-политический спектр становился более разнообразным за счет появления новых европартий (ультраправые, зеленые, регионалисты и т. д.), стремящихся к координации позиций на выборах в Европарламент. Вместе с тем вследствие слабой организационной структуры и абстрактности своих политических программ, европартии в значительной степени зависели от наднациональных институтов ЕС [26].

Несмотря на вызванный данными особенностями относительно невысокий политический статус европартий, они выполняли ряд существенных функций, в том числе информирование избирателей о европейских процессах через выборы в ЕП, смягчение национальных партийных

различий на общеевропейском уровне и др. По мере развития европартии стали координировать и упорядочивать свои идеологические платформы, фактически способствуя формированию состава Европарламента не по национальному, а политико-идеологическому признаку²⁵.

В сущности, постепенное сближение в рамках европейского интеграционного объединения национальных партий из разных стран, придерживающихся схожей идеологии и политической программы, происходило с момента создания Европарламента. Переход к прямым выборам в ЕП в 1979 г. придал дополнительный импульс данным процессам.

По мере углубления европейской интеграции и правового оформления европартий на протяжении 1990—2000-х гг. они эволюционировали от координации позиций к созданию общей избирательной платформы, политического бренда, но главное — выкристаллизовалась их функция формирования фракций в Европарламенте. Без европартий процесс формирования фракций в ЕП носил бы хаотичный характер, конфигурация фракций менялась бы с каждым выбором, а в парламентских дискуссиях в большей степени преобладала национальная повестка. Вместе с тем европартии по-прежнему не имеют непосредственной связи с избирателями, что снижает их значение с позиций легитимации Европарламента. Отдельного рассмотрения заслуживает процесс превращения национальных партий в европартии в новых странах-членах ЕС: вследствие волн европейской интеграции расширяется пространство политической конкуренции и создаются сетевые партии [3—5].

Функции европартий далеко не исчерпываются лишь участием в формировании фракций. Европартии могут оказывать влияние на органы управления ЕС и выработку политических решений несколькими путями. Во-первых, европартии участвуют в координационных совещаниях с аффилированными главами государств и правительств (влияние на Европейский совет). Во-вторых, осуществляется координация позиций европартии и аффилированных с ними членов Европейской комиссии. Также европартии воздействуют на политический процесс путем продвижения своих кандидатов в Еврокомиссию [27]. Лисабонский договор закрепляет право европартии, набравшей наибольшее количество голосов на выборах в Европарламент, выдвинуть кандидата на пост Председателя Европейской комиссии. В 2014 г. набравшая наибольшее количество голосов Европейская народная партия воспользовалась данной опцией, выдвинув на пост Председателя ЕК Д. Туска. Таким образом, европартии могут оказывать влияние на институты управления ЕС посредством делегирования в них своих членов. Сравнительный анализ представительства европартий в наднациональных структурах ЕС служит одним из индикаторов при оценке их влияния (табл. 1).

²⁵ Группировке политических сил внутри Европарламента по национальному признаку препятствует институциональный барьер, запрещающий формирование фракций в ЕП, включающих евродепутатов менее, чем из 7 стран-членов ЕС. Европартии благодаря упорядочиванию политических течений на наднациональном уровне ЕС обеспечивают более эффективное формирование фракций на основе объединения нескольких европартий со схожей политико-идеологической платформой.

Таблица 1

Сравнение европартий, входящих в Европарламент с позиций представительства в органах управления ЕС, финансирования и политико-идеологической платформы

Европартия	Количество депутатов в ЕП	Количество членов в ЕК	Количество членов в Европейском совете (включая Д. Туска и Ж.-К. Юнкера)	Финансирование из органов ЕС (2015 г.), млн евро [16]	Политико-идеологическая платформа ¹
Европейская народная партия (ЕНП)	215	14	9	8,09	Христианская демократия Консерватизм
Партия европейских социалистов (ПЕС)	190	8	8	6,54	Социальная демократия
Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ)	70	5	7	2,09	Либерализм
Альянс европейских консерваторов и реформистов (АЕКР)	50	1	2	1,95	Консерватизм Экономический либерализм Евроскептицизм
Европейская партия зеленых (ЕПЗ)	48	0	0	1,7	Зеленая политика
Партия европейских левых (ПЕЛ)	22	0	1	1,63	Демократический социализм Коммунизм
Альянс за прямую демократию в Европе (АПДЕ)	27	0	0	1,24	Евроскептицизм Правый популизм Национальный консерватизм

¹ Идеологическое сравнение европартий приводится в соответствии с подходом, принятым в рамках международного исследовательского проекта «Parties and Elections in Europe» на основе теоретической модели электоральной расколов Липсета и Роккана [15].

Европартия	Количество депутатов в ЕП	Количество членов в ЕК	Количество членов в Европейском совете (включая Д. Туска и Ж.-К. Юнкера)	Финансирование из органов ЕС (2015 г.), млн евро [16]	Политико-идеологическая платформа
Движение за Европу наций и свобод (ДЕНС)	33	0	0	1,17	Национализм Правый популизм
Европейский свободный альянс (ЕСА)	12	0	0	0,71	Регионализм Интересы меньшинств
Европейская демократическая партия (ЕДС)	11	0	0	0,65	Центризм
Европейский альянс за свободу (ЕАС)	5	0	0	0,52	Евроскептицизм Правый популизм Национализм
Европейское христианское политическое движение (ЕХПД)	6	0	0	0,46	Христианские правые Социальный консерватизм
Европейское объединение за демократию (ЕОД)	2	0	0	0,39	Евроскептицизм
Европейский альянс национальных движений (ЕАНД)	3	0	0	0,35	Евроскептицизм

Проведенный сравнительный анализ показывает, что сегодня существуют 4 лидирующие европартии (ЕПП, ПЕС, АЛДЕ, АЕКР), на которые приходится 70% мест в Европарламенте. Представители «большой четверки» замещают 29 из 30 мест в Европейском совете и все позиции комиссаров в Еврокомиссии. На остальные 11 европартий приходится около 20% евродепутатов и 1 член Европейского совета.

Финансирование европартий из бюджета ЕС достаточно низкое (на самую большую европартию — ЕПП — выделяется чуть больше 8 млн евро, а на самую маленькую — ЕАНД — всего 0,35 млн евро; сумма равняется зарплате евродепутата за три года [13]). Тем не менее европартии также могут получать частные пожертвования, которые не должны превышать 12 тыс. евро в год [11] и пожертвования от национальных партий, если сумма не превышает 40% от их годового бюджета.

С точки зрения внутреннего строения европартии характеризуются слабой структурой [2], при которой депутаты имеют свободу голосования в Европарламенте, а принятие законопроектов зависит от компромиссов как между, так и внутри фракций. Это снижает роль европартий, не имеющих возможности директивно влиять на исход голосования. Вместе с тем это уменьшает вероятность парламентского кризиса, когда фракции с жесткой внутренней дисциплиной могли бы блокировать инициативы друг друга.

Таким образом, одна из основных функций европартий заключается в участии в законодательном процессе посредством формирования фракций в ЕП. Объединение депутатов во фракции происходит в соответствии с их партийной принадлежностью [7]. Для образования фракции необходимо минимум 25 членов Европарламента, которые представляют не менее одной пятой от общего числа государств-членов. В настоящий момент в Европарламенте по итогам выборов 2014 г. работают 8 фракций, а также независимые депутаты, не входящие во фракции. Фракции стали главными акторами политического процесса в Европейском парламенте. Поэтому ключевым показателем при анализе расклада политических сил в Европарламенте является доля мандатов каждой фракции, а не европартий в отдельности (табл. 2).

Во фракциях осуществляется подготовка консолидированной позиции депутатов (не носит формально обязывающего характера при голосовании) в соответствии с политико-идеологическими приоритетами фракции. Также фракции участвуют в работе комитетов, которые разрабатывают поправки к законодательным актам, поступающим на рассмотрение в ЕП. Фракции играют важную роль в организации деятельности Европарламента. В частности, конференция председателей фракций утверждает состав комитетов, определяет повестку дня заседаний Парламента и др. Также фракции могут создавать межфракционные рабочие группы для неформального обмена мнениями между представителями различных политических сил в Европарламенте [1].

Фракции (политические группы) и европартии в Европейском парламенте по итогам выборов 2014 г.¹

Фракция	Европартии, входящие во фракцию ²	Политическая платформа ³ [15]	Число мест в ЕП	% мест в ЕП
Европейская народная партия	Европейская народная партия	Христианская демократия Консерватизм Центризм	216	28,8
Прогрессивный альянс социалистов и демократов	Партия европейских социалистов	Левоецентризм Социальная демократия Социализм	190	25,33
Альянс либералов и демократов за Европу	Альянс либералов и демократов за Европу, Европейская демократическая партия	Центризм Либерализм	70	9,33
Зеленые — Европейский свободный альянс	Европейская партия зеленых, Европейский свободный альянс	Левоецентризм Регионализм Зеленая политика	50	6,67

¹ Числовые данные в таблице приводятся согласно статистике официального сайта Европейского парламента (<http://www.europa.eu>).

² В некоторые фракции в Европарламенте наряду с европартиями также входят национальные партии и независимые депутаты.

³ Классификация идеологических платформ политических групп приводится в соответствии с подходом, принятым в рамках международного исследовательского проекта «Parties and Elections in Europe» на основе теоретической модели электоральных расколов Липсета и Роккана [15].

Европейские консерваторы и реформисты	Альянс европейских консерваторов и реформистов, Европейское христианское политическое движение	Правоецентризм Евроскептицизм Консерватизм Либеральный консерватизм Социальный консерватизм Антифедерализм Экономический либерализм	75	10
Европейские объединенные левые / Лево-зеленые севера	Партия европейских левых, Европейское объединение за демократию	Левые Коммунизм Демократический социализм	51	6,8
Европа за свободу и прямую демократию	Альянс за прямую демократию в Европе	Правые Евроскептицизм Национальный консерватизм Правый популизм	45	6
Европа наций и свобод	Европейский альянс за свободу, Движение за Европу наций и свобод	Евроскептицизм Национальный консерватизм Правый популизм	38	5,07
Независимые депутаты ⁴	Европейский альянс национальных движений	Евроскептицизм	15	2

⁴ Независимые депутаты не являются членами ни одной из фракций в Европарламенте. Большинство их них представляют крайне левые и крайне правые политические движения и партии, критикующие европейскую интеграцию.

Партийная система на общеевропейском (наднациональном) уровне

Отмеченная выше «двухуровневость» партийных организаций на общеевропейском уровне породила дебаты исследователей по вопросам определения партийной системы ЕС¹. Проблема заключается в том, что европартии непосредственно не конкурируют между собой на выборах в Европарламент. Ряд исследователей отмечают отсутствие целостной системы общеевропейского партийного представительства из-за ограниченности политического участия граждан на выборах в Европарламент национальными границами [17]. Избиратели голосуют за национальные партии, а не за общеевропейские, хотя последние и проводят активную агитацию на общеевропейском уровне. Более того, европартии борются между собой (хотя и опосредованно через национальные партии) за места в Европарламенте, что главным образом влияет на соотношение сил после формирования политических фракций. Образуя парламентские фракции, европартии непосредственно конкурируют в Европарламенте за влияние на политические решения в ЕС [24].

Отталкиваясь от классического определения партийной системы, сформулированного М. Дюверже², можно выделить следующие основные критерии, позволяющие отнести совокупность партий к партийной системе: наличие партийной организации (структуры), относительная устойчивость взаимосвязей между партийными организациями, наличие динамичного взаимодействия между ними (конкуренции). Сочетание данных характеристик дает «выход» — представительство интересов избирателей в Парламенте, который участвует в управлении ЕС.

Партийная система на общеевропейском (наднациональном) уровне соответствует данным критериям, хотя и не полностью тождественна типовой национальной партийной системе. Непосредственное взаимодействие между европартиями происходит в Европарламенте, где они формируют фракции, оказывающие влияние на законодательный процесс в рамках ЕС и деятельность управляющих органов ЕС, конкурируют с другими европартиями, также образовавшими фракции. Таким образом, фактически существует наднациональная партийная система, в рамках которой на уровне Европарламента европартии активно взаимодействуют и конкурируют между собой. Вместе с тем связь европартий с непосредственными избирателями осуществляется посредством национальных партий-членов, а европартии являются своеобразными «посредниками» при формировании фракций (национальные партии — европейские партии — фракции).

¹ Партийная система на общеевропейском уровне в рамках настоящей работы употребляется как синоним понятия партийной системы ЕС.

² «В каждой стране в течение более или менее длительного периода число партий, их внутренняя структура, их идеология, их относительные размеры, их альянсы, их типы оппозиции приобретают определенную стабильность. Этот стабильный ансамбль и образует систему партий» [2, с. 31].

Таким образом, партийная система ЕС имеет общее и особенное в сравнении с национальными партийными системами, однако, на наш взгляд, употребление данного понятия в отношении ЕС обособлено, так как между европартиями происходит активная конкуренция, а их взаимодействие дает своеобразный «системный эффект» — обеспечивает легитимацию и функционирование Европарламента.

Партийная система ЕС, состоящая из 15 европартий, включающих в качестве постоянных членов национальные партии стран-членов ЕС, может рассматриваться как многопартийная. Это соответствует сформулированному М. Дюверже «социологическому закону», согласно которому пропорциональное представительство благоприятствует развитию многопартийности, что наблюдается и на уровне наднациональной партийной системы в ЕС [2].

Важной особенностью стало отсутствие в Европарламенте абсолютного парламентского большинства (более 50 % голосов) какой-либо политической силы. Это связано в первую очередь с многопартийностью в странах-членах ЕС, которая отражается и на общеевропейском уровне. Как было отмечено выше, общее количество европартий (как парламентских, так и не имеющих представительства в ЕП) на данный момент составляет 15. Подобное разнообразие связано в том числе с плюрализмом политических программ и установок национальных партий, а также размыванием классовой структуры европейских обществ. В результате ни одна из политических платформ, продвигаемая европартиями, не в состоянии заручиться поддержкой большинства европейских избирателей.

В этой связи важно отметить еще одну особенность системы общеевропейских партий. Так, относительно маловлиятельные на национальном уровне партии, имеющие малочисленное представительство в национальных парламентах, могут получить более внушительное политическое представительство в Европарламенте, имея возможности влияния на европейские политические процессы [9]. В качестве ярких примеров можно отметить следующие: победы на выборах в Европарламент в 2014 г.: во Франции — Национального фронта Марин Ле Пен; в Дании — Датской народной партии; в Великобритании — Партии независимости Соединенного королевства и т. д. Безусловно, на высоких результатах данных партий сказывается рост евроскептических настроений в ЕС, ускорившийся на фоне финансового кризиса и проблем миграции, однако их победы на выборах в Европарламент не трансформируются автоматически в победы на национальном уровне [23]. Статистический анализ электорального поведения избирателей на выборах в Европарламент показывает, что на них действует модель голосования «выборов второго порядка». Речь идет о том, что избиратели рассматривают выборы в Европарламент как своеобразный промежуточный «референдум» о доверии, средство выражения протеста против правящих национальных партий или против политики наднациональных институтов ЕС, отдавая предпочтение оппозиционным партиям [16]. В среднем разброс между результатами ведущих национальных партий на национальных выборах и выборах в ЕП составляет около 40 %.

Преимущества оппозиционных партий на общеевропейских выборах были бы в значительной степени нивелированы, если бы не особенности избирательной системы ЕС, а именно ее двухуровневый характер: общеевропейский и национальный [12]. Ее наднациональные компоненты включает следующие общие для всех правила: члены Европейского парламента избираются в каждом государстве ЕС по пропорциональной системе посредством всеобщего прямого, свободного и тайного голосования. Минимальный порог прохождения представителей партии в ЕП не должен превышать в странах-членах 5% от общего числа голосов. Данные условия в целом благоприятствуют прохождению в Европарламент менее влиятельных национальных партий второго и третьего эшелона.

Национальный уровень регламентируется законодательствами стран-членов ЕС. Так, каждое государство само определяет количество избирательных округов. Заградительный барьер национальные государства устанавливают сами до 5% (в некоторых странах барьер отсутствует). Во всех странах списки кандидатов составляются из политических партий (именно национальные партии государств-членов формируют списки кандидатов и проводят избирательную кампанию [14]), но в ряде стран допускается выдвижение независимых депутатов (например, в Польше, Ирландии и др.). При распределении депутатских мандатов в разных странах устанавливаются различные правила (методики), в том числе используются: правило наибольшей средней, метод Хейра-Нимейера, методика Друпа, метод Сент-Лагэ и др. Следует также отметить, что возрастной ценз на участие в выборах в ЕП варьируется от 18 до 25 лет [8].

Таким образом, избирательная система, сочетающая национальные и наднациональные элементы, в значительной степени обуславливает особенности структуры и функционирования наднациональной партийной системы ЕС, тесно связана с двухуровневой структурой последней и значительным числом партий на общеевропейском уровне.

Заключение

Переплетение национальных и общеевропейских институтов формирует сложную многоуровневую систему политических отношений в рамках Европарламента и Евросоюза в целом. Наличие организационных структур и устойчивого конкурентного взаимодействия между европартиями в рамках Европарламента подтверждает гипотезу о формировании наднациональной партийной системы ЕС.

Евросоюз является межгосударственным объединением, сформировавшим сложную систему наднациональных политических институтов, которые координируются, а иногда и входят в противоречие с деятельностью политических органов национальных государств-членов ЕС. Данными факторами обусловлены основные особенности функционирования Европарламента и партийной системы Европейского союза, а именно двухуровневость европартий, партийной и избирательной сис-

тем ЕС, сочетающая национальные и наднациональные компоненты. Есть и ряд дополнительных особенностей, в том числе посредническая функция европартий, соединяющих национальные партии и парламентские фракции, отсутствие парламентского большинства в ЕП, преимущества оппозиционных национальных партий на общеевропейских выборах в связи с характерными моделями электорального поведения избирателей и др.

Проведенный сравнительный анализ показал, что в Европейском парламенте влияние европартий распределяется неравномерно. Преобладают 4 ведущие партии центристского характера — как относительно количества мандатов евродепутатов, так и представительства в органах управления ЕС. Как следствие, лидирующие партии обладают значительными административными ресурсами и тесно связаны с наднациональными структурами ЕС. В свою очередь, меньшие европартии практически не имеют административного веса в рамках органов управления ЕС и придерживаются более крайних идеологических позиций, в том числе и евроскептических.

Несмотря на постепенное упорядочивание их структуры и политико-идеологической группировки, европартии по-прежнему зависят от деятельности фракций в законодательном процессе и национальных партий в избирательном процессе. Сегодня европартии выполняют ряд важных политико-интеграционных функций, но не являются локомотивами европейской интеграции и вряд ли станут ими в обозримом будущем. Причины заключаются в нехватке институциональных инструментов прямого влияния, отсутствии прямой связи с избирателями.

Одним из способов укрепления роли европартий могло бы стать введение общеевропейского избирательного округа, в рамках которого распределялась бы часть мест в Европарламенте (в соответствующих проектах фигурирует цифра 10%) непосредственно среди европартий. Прямое участие в выборах по общеевропейскому округу позволило бы приблизить общеевропейские институты к гражданам ЕС. Избиратели имели бы возможности голосовать за кандидатов из других стран, что могло усилить институт европейского гражданства, а также укрепить общеевропейскую повестку в Европарламенте, который сегодня по-прежнему для многих евродепутатов служит площадкой для продвижения национальной, а не общеевропейской политической повестки.

Вместе с тем данная реформа сопряжена с рисками: создание общеевропейского избирательного округа может расширить политические возможности крупных общеевропейских партий за счет возможностей малых национальных партий. В общеевропейском избирательном округе преимущество могут получить крупные узнаваемые европартии, тем самым сокращая реальный спектр интересов избирателей из государств-членов ЕС, представленных в Европарламенте.

Обобщение выявленных особенностей указывает на незавершенность политической трансформации ЕС от межгосударственного объединения к (кон)федеративному государственному образованию. Сложная система институтов управления и координации интересов в рамках

Европарламента и ЕС обуславливает замедление и децентрализацию процесса принятия решений. Это создает противоречия между общеевропейскими институтами и национальными правительствами стран-членов ЕС. Последние располагают, как правило, большей концентрацией власти и более четко артикулированными национальными интересами, что подталкивает их к более активному влиянию на процессы принятия решений в ЕС для их ускорения и большего соответствия национальным интересам. Указанные противоречия могут быть преодолены либо посредством углубления европейской интеграции (например, создание отмеченного общеевропейского избирательного округа), либо попятным движением в направлении частичного «освобождения» национальных правительств от наднациональных структур ЕС.

Список литературы

1. *Гречишников Е. В.* Правовой статус депутата Европейского парламента : сравнительно-правовой анализ // Вестник Омского университета. Сер. : Право. 2011. №4 (29). С. 55—63.
2. *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000.
3. *Жуковский И. И.* Становление партийной системы Республики Польша. Калининград, 2010.
4. *Жуковский И. И.* Партийные системы Вышеградских стран и европейская интеграция. Калининград, 2005.
5. *Жуковский И. И.* Рекрутация политических элит в современной Польше: некоторые предварительные суждения // Вестник Московского университета. Сер. 12 : Политические науки. 2011. №6. С. 48—55.
6. *Котта М.* Политические элиты и становление политической системы на примере Европейского союза // Сравнительная политика. 2012. №3 (9). С. 24—45.
7. *Лафитский В. И.* Выборы в Европейский парламент // Журнал российского права. 2005. №4.
8. *Митяева Ю. В.* Европарламент сегодня. Некоторые аспекты формирования, пути дальнейшего развития и взаимодействия // Выборы: теория и практика. 2014. №2 (30). С. 48—57.
9. *Погорельская С. В.* Европейская интеграция как фактор трансформации национальных партийно-политических систем: пример Германии // Человек. Сообщество. Управление. 2014. №3. С. 51—58.
10. *Прохоренко И. Л.* Проблема европеизации национальных политических партий в государствах — членах Европейского союза // Там же. С. 32—40.
11. *О статусе и финансировании политических партий на европейском уровне : регламент Европарламента и Совета (ЕС) №2004/2003.* URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/instit_organ/parties.htm (дата обращения: 28.09.2015).
12. *Об изменении Акта относительно выборов представителей в Европейский парламент на основе всеобщего, прямого избирательного права, приложенного к Решению 76/787/ ЕОУС, ЕЭС, Евратом : решение Совета Европейского Союза №2002/772/ ЕС, Евратом.* URL: <http://eulaw.edu.ru/documents/review/obz021120.htm> (дата обращения: 28.09.2015).
13. *Саломатин А. Ю., Меликов А. В.* Европейский парламент: политико-правовое исследование. М., 2015.
14. *Стрежнева М. В.* Структурирование политического пространства в Европейском союзе (демократизация) // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №1. С. 61—72.

15. *Швейцер В.Я.* Итоги выборов в Европейский парламент 2014 г.: общее и особенное. URL: <http://www.ieras.ru/pub/analitka/5.pdf> (дата обращения: 29.09.2015).
16. *Швейцер В.Я.* Выборы в Европейский парламент: сдвиги на партийно-политическом пространстве // Современная Европа. 2014. №4 (60). С. 23—32.
17. *Costello R., Thomassen J., Rosema M.* European Parliament Elections and Political Representation: Policy Congruence between Voters and Parties // West European Politics. 2012. Vol. 35, № 6. P. 1226—1248.
18. *Database “Parties and Elections in Europe”.* URL: <http://www.parties-and-elections.eu/eu.html> (дата обращения: 04.10. 2015).
19. *Grants from the European Parliament to political parties at European level per party and per year.* URL: http://www.europarl.europa.eu/pdf/grants/Grant_amounts_parties%2003-2015_new%20logo.pdf (дата обращения: 20.12. 2015).
20. *Hix S.* A Supranational Party System and the Legitimacy of the European Union // The International Spectator. 2002. Vol.4. P. 49—60.
21. *Hix S., Kreppel A., Noury A.* The Part System in the European Parliament: Collusive or Competitive? // JCMS. 2003. №2. P. 309—331.
22. *Hix S., Lord C.* Political Parties in the European Union. N. Y., 1997.
23. *Hobolt S., Spoon J., Tilley J.* A Vote Against Europe? Explaining Defection at the 1999 and 2004 European Parliament Elections // British Journal of Political Science. 2008. Vol. 39. P. 93—115.
24. *Kreppel A.* The European Parliament and Supranational Party System. A Study in Institutional Development. Cambridge, 2002.
25. *Marsh M., Hix S.* Punishment or Protest? Understanding European Parliament Elections // The Journal of Politics. 2007. Vol. 69, №2. P. 495—510.
26. *Nugent N.* The Government and Politics of the European Union: The European Union Series, 2010.
27. *Sartori D.* Parties and Party Systems. Cambridge, 1976.
28. *Sedlakova M.* The Role of Ideology in Boundary Maintenance of Europarties. URL: www.etd.ceu.hu/2013/sedlakova_maria.pdf (дата обращения: 20.12.2015).

Об авторах

Александр Сергеевич Пешеньков, исследователь, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: a.peshenkov@gmail.com

Игорь Игоревич Жуковский, кандидат политических наук, проректор по международному сотрудничеству и общественным связям, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Россия.

E-mail: IZHukovskii@kantiana.ru

Для цитирования:

Пешеньков А.С. Жуковский И. И. О некоторых особенностях наднациональной партийной системы Европейского союза // Балтийский регион. 2016. Т. 8, №2. С. 141—158. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-8.

SUPRANATIONAL PARTY SYSTEM OF THE EU

A. Peshenkov^{*}
I. Zhukovskiy^{**}

^{*}Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya square, Moscow, 125993, Russia

^{**}Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on October 26, 2015

The article confirms the hypothesis that a multiplicity of parties of the European and national levels forms the party system of the European Union (EU). The authors describe the main characteristics of Europarties and political groups comprised of them as key actors in the European Parliament's (EP) political and legislative processes. The authors adopt the institutional approach and make use of the tools of the comparative, structural, and functional analyses. Special attention is paid to the 'two-tier' structure — the connection between national and supranational institutions — as a key feature of the European Union's party system. The study is based on the European Parliament framework laws, election results, Europarties' political programmes, as well as on the comparison of the composition of the Europarties and EU bodies. The analysis provides a new perspective on the major processes and contradictions in the functioning of the European Parliament and demonstrates that the transformation of the EU from an intergovernmental association to a (con)federation has not completed yet.

Key words: European parliament, Europarty, political group, party system, electoral system.

References

1. Grechishnikova, E. V. 2011, Pravovoi status Evropeiskogo parlamenta: sravnitelno-pravovoi analiz [Legal status of the deputy of the European Parliament: comparative legal analysis], *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], no 4, p. 44—63.
2. Dyuverje, M. 2000, *Politicheskie partii* [Political parties], Moscow.
3. Zhukovskiy, I. I. 2010, *Stanovlenie partijnoj sustemy Respubliki Polsha* [The formation of the party system Poland], Kaliningrad, 186 p.
4. Zhukovskiy, I. I. 2005, *Partijnyje sistemy Vyshegradskih stran i evropejskaja integracija* [Party systems of the Visegrad countries and the European integration], Kaliningrad, 117 p.
5. Zhukovskiy, I. I. 2011, Rekrutacija politicheskikh elit v sovremennoj Polshe: nekotoryje predvaritelnyje suzhdenia [Rekrutasya political elites in contemporary Poland: some preliminary judgments], *Vestnik Moskovskogo gosudartsvennogo universiteta. Ser.12 Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Ser.12 Political Science], no. 6, p. 48—55.
6. Kotta, M. 2012, *Politicheskie eliti i stanovlenie politicheskoi sistemi na primere Evropeiskogo soyuza* [Political elites and the formation of the political system on the example of the European Union], *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], no 3, p. 24—45.

7. Lafitskii, V. I. 2005, Vibori v Evropeiskii parlament [Elections to the European parliament], *Jurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], no. 4.

8. Mityaeva, Yu. V. 2014, Evroparlament segodnya. Nekotore aspektie formirovaniya, puti dalneishego razvitiya i vzaimodeistviya [The European Parliament today. Some aspects of formation, ways of further development and cooperation]. In: *Vibori: teoriya i praktika* [Elections: theory and practice], no. 2, p. 48—57.

9. Pogorelskaya, S. V. 2014, Evropeiskaya integraciya kak faktor transformacii nacionalnih partiino-politicheskikh sistem: primer Germanii [European integration as a factor in the transformation of national party-political systems: the example of Germany], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], no. 3, p. 51—58.

10. Prohorenko, I. L. 2014, Problema evropeizacii nacionalnih politicheskikh partii v gosudarstvakh — chlenah Evropeiskogo soyuza [The problem of Europeanization of national political parties in the states — members of the European Union], *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], no. 3, p. 32—40.

11. *Reglament Evroparlamenta i Soveta ES, no. 2004/2003 "O statute i finansirovaniy politicheskikh partii na evropeiskom urovne"* [Regulation №2004/2003 of the European Parliament and of the Council On the regulations governing political parties at european level and the rules regarding their funding] 2003, Moskovskaya Gosudarstvennaya Yuridicheskaya Akademiya, Kafedra prava Evropeiskogo Soyuzha, Centr prava Evropeiskogo Soyuzha [Moscow State Law Academy, Specialized department of the European Union, the Centre of European Union law], available at: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/instit_organs/parties.htm (accessed 28 September 2015).

12. *Reshenie Soveta Evropeiskogo Soyuzha №2002/772/ ES_ Evratom "Ob izmenenii Akta otnositelno viborov predstavitelei v Evropeiskii parlament na osnove vse_obshego_pryamogo_izbiratel'nogo_prava_prilojennogo_k_Resheniyu_76/787/EOUS_EES_Evratom"* [Decision of the Council of the European Union №2002/772 / EU, EAEC "On the change of the Act concerning the election of representatives to the European Parliament by universal suffrage, applied to Decision 76/787 / ECSC, EEC, EAEC"], 2002, Moskovskaya Gosudarstvennaya Yuridicheskaya Akademiya, Kafedra prava Evropeiskogo Soyuzha, Centr prava Evropeiskogo Soyuzha [Moscow State Law Academy, Specialized department of the European Union, the Centre of European Union law] available at: <http://eulaw.edu.ru/documents/review/obz021120.htm> (accessed 28 September 2015).

13. Salomatin, A. Yu., Melikov, A. V. 2015, *Evropeiskii parlament: politiko-pravovoe issledovanie* [European Parliament: political and legal research], Moscow.

14. Strejneva, M. V. 2010, Strukturirovanie politicheskogo prostranstva v Evropeiskom soyuze (demokratizaciya) [The structuring of the political space in the European Union (democratization)], *Mirovaya ekonomika i mejdunarodnie otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 1, p. 61—72.

15. Shveicer, V. Ya. 2014, *Itogi viborov v Evropeiskii parlament 2014 g.: obshchee i osobennoe* [Results of elections to the European Parliament in 2014: the general and special], available at: <http://www.ieras.ru/pub/analitlka/5.pdf> (accessed 29 September 2015).

16. Shveicer, V. Ya. 2014, Vibori v Evropeiskii parlament: sdvigi na partiino-politicheskom prostranstve [Elections to the European Parliament: changes in the party-political space], *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 4, p. 23—32.

17. Costello, R., Thomassen, J., Rosema, M. 2012, European Parliament Elections and Political Representation: Policy Congruence between Voters and Parties, *West European Politics*, T. 35, Vol. 6, p. 1226—1248.

18. Database "Parties and Elections in Europe", 2014, available at: <http://www.parties-and-elections.eu/eu.html> (accesses 4 October 2015).

19. *Grants from the European Parliament to political parties at European level per party and per year*, 2015, available at: http://www.europarl.europa.eu/pdf/grants/Grant_amounts_parties%2003—2015_new%20logo.pdf (accesses 20 December 2015).

20. Hix, S. 2002, A Supranational Party System and the Legitimacy of the European Union, *The International Spectator*, no. 4, p. 49—60.

21. Hix, S., Kreppel, A., Noury, A. 2003, The Part System in the European Parliament: Collusive or Competitive? *JCMS*, no. 2, p. 309—331.

22. Hix, S., Lord, C. 1997, *Political Parties in the European Union*, N. Y.

23. Hobolt, S., Spoon, J., Tilley, J. 2008, A Vote Against Europe? Explaining Defection at the 1999 and 2004 European Parliament Elections, *British Journal of Political Science*, no. 39, p. 93—115.

24. Kreppel, A. 2002, *The European Parliament and Supranational Party System*, Cambridge.

25. Marsh, M., Hix, S. 2007, Punishment or Protest? Understanding European Parliament Elections, *The Journal of Politics*, T. 69, Vol. 2, p. 495—510.

26. Nugent, N. 2010, *The Government and Politics of the European Union: The European Union Series*.

27. Sartori, D. 1976, *Parties and Party Systems*, Cambridge.

28. Sedlakova, M. 2013, *The Role of Ideology in Boundary Maintenance of Europarties*, available at: www.etd.ceu.hu/2013/sedlakova_maria.pdf (accesses 20 December 2015).

About the authors

Alexander Peshenkov, researcher, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: a.peshenkov@gmail.com

Dr Igor Zhukovskiy, Vice-Rector for International and Public Affairs, the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

E-mail: izhukovskii@kantiana.ru

To cite this article:

Peshenkov A. S., Zhukovskiy I. I. Supranational party system of the EU, Baltijskij region, Vol. 8, no. 2, p. 141—158. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-8.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф. И. О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2016
Том 8
№ 2

Редактор *В. Г. Арутюнян*
Корректор *И. А. Смирнов*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 21.04.2016 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,1
Тираж 1000 экз. (1-й завод 107 экз.). Заказ

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6